

ISSN 2072-8549

В

ЕСТНИК

Московского
Государственного
Областного
Университета

*Философские
науки*

№ 2 / 2010

Bulletin
of Moscow State Regional University

Series
“PHILOSOPHY”

№ 2

Moscow
MSRU Press
2010

Bulletin of Moscow State Regional University

The journal was founded in 1998

Editorial council:

Pasechnik V.V., Chairman, Rector, Doctor of Pedagogics, Professor
Dembitsky S.G., Deputy Chairman, Doctor of Economics, Professor
Konichev A.S., Doctor of Chemistry, Professor
Lekant P.A., Doctor of Philology, Professor
Makeev S.V., Director of MSRU Press, Doctor of Philosophy, Associate Professor
Pus'ko V.S., Doctor of Philosophy, Professor
Traytak S.D., Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor

Editorial Board. Series «Philosophy»:

Dyrin A.I., Doctor of Philosophy, Professor (editor-in-chief)
Yaroslavtseva G.V., Candidate of Pedagogics, Associate Professor (executive secretary)
Demina L.A., Doctor of Philosophy, Associate Professor
Zagrebin M.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Karpova N.P., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Muller P., Honorary professor of MSRU (Germany, Uberlingen)
Ogorodnikov Yu.A., Doctor of Philosophy, Professor
Pesotsky V.A., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Chugunov V.M., Doctor of Philosophy, Professor

Bulletin of Moscow State Regional University. Series «PHILOSOPHY».
– № 2. – M.: MSRU Press, 2010. – 120 p.

The bulletin of Moscow State Regional University (all its series) is the reviewed and subscribed edition designed for the publication of lecturer staff's scientific articles, and also candidates for a doctor's degree, post-graduate students and applicants for a scientific degree. On MSRU web-site the information on the status of all series «Bulletin of Moscow State Regional University» and requirements to the publications for authors is periodically updated with making necessary changes.

Subscribed index of «The Bulletin of Moscow State Regional University. Series Philosophy» - 36759 (see Addition №1 to «Rospechat» Catalogue «Newspapers. Magazines» (2006) and Catalogues of the same Agency (the first and the second half of 2007-2010 etc.). Publication requirements in «Philosophy», are published (from 2009) on the last pages of a journal, and also can be sent by editorial board on the electronic address of authors (on demand). Journal article «Editorial», represented in a release of our series, also should be presented to potential authors and be considered by them in getting through the articles.

© MSRU, 2010
© MSRU Press, 2010

Вестник
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 2

Москва
Издательство МГОУ
2010

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - доктор философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. - кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «Философские науки»:

Дырин А.И. - доктор философских наук, профессор (ответственный редактор)
Ярославцева Г.В. - кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь)
Демина Л.А. - доктор философских наук, профессор
Загребин М.В. - кандидат философских наук, доцент
Карпова Н.П. - кандидат философских наук, доцент
Мюллер Р. – почетный профессор МГОУ, г. Юберлинген (Германия)
Огородников Ю.А. - доктор философских наук, профессор
Песоцкий В.А. - кандидат философских наук, доцент
Чугунов В.М. - доктор философских наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». - № 2. - 2010. Выпуск в серии № 19. - М.: Изд-во МГОУ. - 120 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5) и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. (См.: Список журналов на сайте ВАК в редакции 2010 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

Подписной индекс серии «Философские науки» Вестника МГОУ - **36759** (см. Дополнение №1 к Каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» (2006) и Каталоги этого же Агентства на первое и второе полугодия 2007-2010 и т.д. годов. Правила подготовки научных статей и условия (особенности) их опубликования в серии «Философские науки», публикуемые теперь (с 2009 г.) на последних страницах каждого номера журнала, могут быть также высланы редколлегией серии на электронный адрес авторов статей (по запросу). Журнальная статья «Колонка редактора», представляемая в каждом выпуске нашей серии, также должна быть известна потенциальным авторам и учитываться ими в своей работе над статьями.

© МГОУ, 2010

© Издательство МГОУ, 2010

Содержание

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	7
-------------------------	---

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

БОНДАРЕВА Я.В. Принцип символического реализма как единство апофатического и катафатического богопознания (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии)	11
ДАВЫДОВ В.А. Эпистемологические и аксиологические аспекты реконструкции исторического прошлого	18
ОСИПОВА А.М. О субъективном признании истины	24

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ГОРБУНОВ А.С. Государственные и политические институты в обществе массовой коммуникации	30
ЕРМОЛИНА Л.А. Философско-методологический анализ дизайна	38
КОРОЛЁВА Ю.М. Роль государственной власти и принципов государственного устройства в совершенствовании системы национальной безопасности России.....	44
КУРОЧКО М.М. Война и армия как средства реализации онтологий социальной проективности в условиях глобализации	53
МОСКАЛЮК Н.Ю. Духовность в деятельности сотрудников пограничных органов	59
ПОГРЕБНАЯ М.А. Этика ответственности государственных гражданских служащих	65
СТРАДАНЧЕНКОВ А.С. «Некультурное» законодательствов контексте современной теории управления	72
ТИТКОВА О.В. Ценностный анализ «социального действия»	78
ЮРКИН И.Н. Сущность и особенности проявлений молодежного экстремизма	83
ЯРОВОЙ А.В. Предвидение будущего	89

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

ВИНОГРАДОВ А.И. Взгляды Л.П. Карсавина на субъект истории	95
---	----

РАЗДЕЛ IV. ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ГАДЖИЕВА Х.И. Обуславливающие особенности трансформации тоталитарной системы в многопартийную систему в постсоветских странах на примере Азербайджана	101
---	-----

РАЗДЕЛ V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

(кафедра философии МГОУ и окторский диссертационный совет по философским наукам Д. 212.155.08 при МГОУ)	108
НАШИ АВТОРЫ	114
Особенности оформления статей в серии «Философские науки» Вестника МГОУ её редактор	115

Contents

COLUMN OF THE EDITOR	7
----------------------------	---

SECTION I.

QUESTIONS OF ONTOLOGY AND KNOWLEDGE THEORIES

Y. BONDAREVA. The principle of simbolical realism as a unity of apophatical and kataphatical cognition (studies on the methodological ground of Russian religious philosophy)	11
V. DAVYDOV. Epistemological and axiological aspects of historical past reconstruction	18
A. OSIPOVA. About a subjective truth recognition	24

SECTION II.

QUESTIONS OF SOCIAL PHILOSOPHY

AND PHILOSOPHICAL PROBLEMATICS SOCIALLY-HUMANITIES

A. GORBUNOV. State and political institutes in the society of mass media communication	30
L. ERMOLINA. the philosophical and methodological analysis of design	38
J. KOROLEVA. Role of the government and principles of the state devices in perfection of system of national safety of Russia	44
M. KUROCHKO. The war and the army as a means of realization of ontology of social projectivity in the context of globalization	53
N. MOSKALYUK. The spirituality in the activities of border guard officers	59
M. POGREBNAYA. Ethics and responsibilities of civil servants	65
A. STRADANCHENKOV. Non-cultural legislation in the context of the modern theory of management	72
O. TITKOVA. The valuable analysis of «social action»	78
I. YURKIN. Esstnce and description of youth extremism	83
A. JAROVJOJ. Future prediction	89

SECTION III.

QUESTIONS OF HISTORY OF PHILOSOPHY

AND HISTORY OF OTHER PHILOSOPHICAL DISCIPLINES

A. VINOGRADOV. L. Karsavin's views on the subject of history	95
--	----

SECTION IV.

QUESTIONS OF PHILOSOPHY OF A POLICY AND POLITICAL SCIENCE

H. GADJIEVA. Causing features of transformation of totalitarian system in the multi-party system in the post-soviet countries on the example of Azerbaijan	101
--	-----

SECTION V.

SCIENTIFIC LIFE

Chair of philosophy MGOU and doctor's dissertational council about philosophical sciences D. 212.155.08 at MGOU	108
---	-----

OUR AUTHORS	114
-------------------	-----

Features of registration of articles in a series series «Philosophical sciences» of Bulletin MGOU its editor (Rules for authors of a series «Philosophical sciences»: recommendations and editorial board requirements)	115
---	-----

Колонка редактора

Вестник МГОУ как научный журнал выходит, как известно, с 1998 года. С 2005 года он стал не только подписным и рецензируемым (ваковским), но и выходить стал *десятью специализированными сериями*. В их числе – и серия «Философские науки». Первый (пробный) выпуск Вестника в серии «ФН» был осуществлен во второй половине 2005 года. С 2006 года выпускается по четыре номера в год. *Подписной индекс серии «ФН» Вестника МГОУ – 36759 в Каталоге Агентства «Роспечать»*. Одним из условий приема научных статей для опубликования во всех сериях Вестника МГОУ является *подписка* (как минимум, на полугодие) на соответствующую серию (или на год и больше, если тот или иной автор собирается опубликовать несколько статей).

Правила подготовки научных статей и условия их опубликования в выпусках серий «Вестника МГОУ» помещены на сайте университета. Там же отмечены и характерные особенности, применительно к той или другой серии. В том числе и относительно серии «Философские науки». Кроме того, редакционная коллегия серии «ФН» в каждом номере повторяет эти правила и условия (теперь это будет блок из 4-5 стр. в конце журнала), но с внесением в них необходимых изменений (уточнений, разъяснений и т.п.). Эти «Правила...» мы также высылаем *по запросу* на электронный адрес вуза, кафедры, отдела, потенциального автора.

И все же редколлегия, ответственный редактор серии «ФН» считают необходимым (тем более, что вышло уже 18 книжек журнала нашей серии, в которых опубликовано более 320 статей) обратиться к потенциальным авторам с некоторыми пожеланиями, рекомендациями и т.п. Обращение это связано и с тем, что 29 апреля 2008 г. было принято Решение Ученого Совета МГОУ, рассмотревшего вопрос о выпуске серий Вестника.

В составе Информационно-издательского центра МГОУ (Издательство МГОУ) создан отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ» в интересах координации работы редколлегий и издательства по подготовке к выпуску серий журнала. *Независимое рецензирование* поступающих для публикации рукописей научных статей, как и раньше, *организуют* редакционные коллегии серий, ответственные редакторы. Но *организацией* независимого рецензирования будет заниматься и вновь созданный отдел.

Совет постановил, что важнейшей задачей отдела и ответственных редакторов серий должно быть соблюдение требований к авторам поступающих для публикации статей относительно их научности и оформления, полного и точного соблюдения «Правил...». В каждой серии «Вестника МГОУ» вводятся две новые, небольшие по объему – по 2, максимум, 3-4 страницы текста рубрики – «Колонка (страница) редактора» и «Научная жизнь» (последняя – для публикации информации о проводимых (проведенных и готовящихся) в МГОУ научных мероприятиях (конференции, семинары, защиты диссертаций, рецензии и аннотации на монографии и учебные пособия, юбилеи и памятные дни и пр.).

Решением Ученого совета МГОУ создан также Совет ответственных редакторов серий «Вестника МГОУ», который на своем первом же заседании 26 июня 2008 года *постановил*:

- практиковать проблемно-тематическую рубрикацию содержания серий «Вестника МГОУ»;
- аннотацию на русском и иностранном языках помещать в форме двух абзацев: в начале статьи на русском языке (под заголовком *Аннотация:...* (курсив, шрифт 14), и: *Annotacion: (Abstract):...* (курсив, шрифт 14) – в конце статьи (английский текст);

- авторам и редакторам соблюдать соответствие информации сайта МГОУ с требованиями редколлегий серий. (Например, требование издательского ГОС-Та при оформлении ссылок на источники и литературу (*Примечания* в конце статьи) – образец см.: сайт МГОУ; пример ссылки в тексте: [16;123][8;78];

- редакционным коллегиям серий и отделу ИИЦ университета по изданию «Вестника...» неукоснительно соблюдать требования к *содержанию и оформлению независимых рецензий* и к *качеству* доработки авторами своих статей по замечаниям рецензентов и требованиям ответственных редакторов (в случаях необходимости такой *доработки*) – образец см.: сайт МГОУ;

- объем каждого номера журнала (а в разных сериях их выходит от 2 до 6 в год), как правило, не должен превышать 150 страниц (500000 знаков с пробелами);

- постраничная тарификация статей для авторов, печатающихся за свой счет, определена сегодня в размере 600 р. за каждую страницу печатного текста, содержащую 1800 знаков (с пробелами);

- редакционные коллегии серий «Вестника...» и отдел ИИЦ обязаны неукоснительно *расширять подписку*, ибо ограниченная подписка может привести к утрате статуса журнала как научного издания, рекомендуемого ВАК России.

Кроме того именно отделу вменена обязанность обеспечивать: **а)** информацию о статьях, опубликованных в сериях Вестника, в российских реферативных журналах и базах данных ИНИОН и ВИНТИ РАН; **б)** представление серий «Вестника МГОУ» в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ); **в)** размещение на сайте МГОУ *электронных версий* серий журнала, что даст возможность лицензировать их как *самостоятельные издания с ваковским статусом*.

Председателем Совета ответственных редакторов серии «Вестника МГОУ» стал Волобуев Олег Владимирович, доктор исторических наук, про-

фессор. Он же является и руководителем нового отдела ИИЦ. Его: E-mail: center-press2004@mail.ru; контактные телефоны: 8-499-265-41-63 (или 62) и – для краткого сообщения – сот.: 8-910-475-10-63 (учитывайте нахождение абонентов в роуминге).

Контактные телефоны ответственного редактора серии «Философские науки»: 8-495-780-09-43 (доб. 14-82); дом.: 8-495-931-82-00; сот.: 8-916-596-32-88; E-mail: Dyrin@mail.ru

А теперь *по сути содержания* собственно «Колонки редактора» как обращения ответственного редактора и редколлегии серии «ФН» к сегодняшним и будущим авторам статей, публикуемых в философской (плюс раздел по политологии и философии политики) серии Вестника МГОУ.

Во-первых, обращаюсь с просьбой к авторам: правила и условия подготовки *научных* статей надо знать и твердо им следовать. Эти правила мы по Вашему *запросу* на Вами указанный электронный адрес отправляем незамедлительно. Кроме того, правила эти обязательно публикуются в каждом номере серии «ФН». Есть они и на сайте МГОУ.

Следование этим правилам, в том числе по вопросам «техничко-технологическим», библиографического оформления и описания произведений печати и в текстах статей, и в *Примечаниях*, и т.д. не только ускоряют и улучшают процесс рецензирования и редактирования, сокращают необходимость переписки и телефонных разъяснений того, что кое-кто из авторов, к сожалению, не знает, не знает в принципе и даже «гордится» этим незнанием.

Во-вторых, не надо торопиться, я бы сказал даже так: не надо с рвением, достоянным лучшего применения, спешить для того, чтобы используя Интернет, отсылать свою статью «для рецензирования», для какого-то «просмотра», «проверки» и т.п. *Ведь редколлегия «ФН» Ваши статьи не заказыва-*

ла. *Вы их предлагаете.* Мы Ваши статьи принимаем и начинаем работу над ними *лишь после того, как Вы реализовали все правила и условия.* Они не являются секретными. Но они обязательны к осмыслению Вами и ответственному исполнению, в том числе при оформлении научно-философских статей.

Однако удивительные и странные просьбы и предложения приходится читать в письмах, присылаемых на мой адрес. Прочитую, или кратко перескажу, некоторые из них. Причем сразу же отмечу, что удивляют не только, и даже не столько «младое племя» аспирантов и соискателей, сколько докторанты, кандидаты и доценты, и даже профессора. Ничего я здесь не преувеличиваю, но фамилии, конечно, не стану называть. «Авторы» себя узнают, а другим их имена знать не обязательно. Важно, чтобы «эти другие» таким же образом не «отличались».

Итак: Уважаемая (так в тексте, - А.Д.) Ан.Ив.! Меня зовут ... Я аспирант ... (Я ассистент Я доцент ...) Для защиты диссертации мне необходимы публикации в «ваковских журналах». Тема моей диссертации (эта информация необходима, жаль, что не все Вы сообщаете точное наименование темы и специальность, другие необходимые и желательные сведения о себе как авторе, не сообщаете контактные телефоны и электронный адрес). И далее: «Разрешите предложить *темы* материалов к публикации ...» (следуют наименования тем); «если данные темы подходят вашему изданию, *буду рад* предоставить готовые статьи. *Уверен, что переписка* по электронной почте (*такая переписка* несколько не предусмотрена, не входит в обязанности редактора, да и не нужна она, - А.Д.) позволит нам (нам!?) достаточно *быстро и просто* придти к *общему* (!!) мнению по поводу возможности публикации статей...».

Но ведь не темы статей редколлегия рассматривает (в этом был бы какой-никакой смысл, если бы статьи были заказными, если бы они заказыва-

лись редколлегией, но в нашем случае – научные статьи *предлагаются*, тема и содержание даются авторами, диссертантами. И все же правила были отправлены. Понятно, что по одним формулировкам статей (будь эти формулировки даже сверхточными) трудно судить о *реальном философском содержании* статей. Тем не менее одна тема была выделена: «пришлите именно ее, вторую ... «на пределе смысла». И через неделю позвоните мне» (Сообщил телефоны).

Ни статьи, ни звонка. Зато пришло новое послание с *тем же* обращением (автор наш лишь писатель, он не читатель, в том числе своих собственных посланий): «Для того, чтобы *круг моих научных интересов стал более понятным*, высылаю вам аннотации к обоим статьям. Так же хотелось бы узнать ...» Смысла перечислять вопросы нет, ибо всего лишь *две страницы* текста «правил и условий» *им не читаны*. Словом, автор ставит вопросы. Но ответы редколлегии ему не нужны, не важны. Или, быть может, он хочет чтобы ему все было разъяснено *лично* электронной перепиской? Ладно, хорошо, но читатель кто и где?

Пишу: Редколлегии серии журнала необходима Ваша научная статья, а не малопонятные темы и аннотации сами по себе (без статей), и тем более не «круг» Ваших научных интересов. Вы правила знаете? Нет не знаете. Ознакомьтесь с ними и полностью сделайте все в соответствии с их требованиями. И *тогда* статьи (или статья) будут приняты. *В редколлегию должно представлять научные статьи, готовые статьи*, а не темы только, не замысел даже, а *статьи*. Позвоните, я отвечу на все Ваши вопросы. Переписку «по электронке» с Вами я больше вести не буду, так как Вы ведете разговор не о статье, не о реальных условиях публикации, а какой-то «околостатейный разговор». На этом все, к счастью, и завершилось.

Но есть другие: «Я докторант из Петербурга. Хотел бы Меня интересуют в первую очередь, *сроки* публи-

кации, а также правила *отправки* (!?) статей и т.д.» (а что за этим – «и т.д.»?). «Я занимаюсь изучением политической регионалистики, электоральных процессов, работаю над докторской.» (Далее: возможно ли опубликование, сроки, условия) Короче: этот докторант (из Астрахани) в *полном неведении*. Однако мой адрес на сайте МГОУ, там же и правила, и условия, и все-все, что надо. «Примите, пожалуйста, к рассмотрению мою статью. Нужно ли отправлять Вам по почте распечатанный вариант статьи?». «Если моя статья соответствует предъявленным требованиям, оплату отправлю по указанному на сайте адресу». Но и этот автор прекрасно знает, что статья выполнена им без учета правил и условий. Знает, что *без* оформления подписки (хотя бы на полугодие), *без* оплаты независимого, организуемого редколлегией, рецензирования, *без* оплаты издательских расходов никакая статья *не может* считаться принятой и работа редколлегии по такому тексту *не производится*.

Странно! Ну почему некоторые авторы считают, что редколлегия занимается рецензированием их статей как таковых, дорабатывая статьи таким образом. И даже присылают статьи *лишь для рецензирования. Не для публикации*. Нет и нет. Все правила и условия должны быть выполнены. В том числе и по оплате всех указанных позиций. *Только в таком случае статья считается статьей в «портфеле редколлегии».* И с ней проводится вся необходимая работа, в том числе экспертиза (рецензия) и редактирование. Да, иногда статьи авторами дорабатываются и в научно-теоретическом отношении. Так бывает. И все же больше высвечивается недостатков иного плана. На них я и обратил внимание потенциальных авторов в этой «Колонке редактора». О недостатках предметно-содержательного плана – в следующих материалах «Колонки».

PS. Свежее письмо требует сделать добавление. Еще раз подчеркиваю: ред-

коллегия серии (впрочем, и все другие) *организует рецензирование не всех и всяких*, в том числе и присланных электронной почтой статей, *а лишь принятых к публикации в серии «ФН» Вестника МГОУ*. И нет никакого пункта в правилах относительно той или иной оплаты «после рецензирования». Все одновременно (не буду повторять пункты правил и условий), в том числе и вся оплата должна быть проведена. Этот день и считается *днем приема статьи редколлегией* «для работы над ней». И если окажется (из рецензии и, тем более, после экспертного чтения ответственного редактора), что статья Ваша не годится, то деньги издательством возвращаются полностью. Впрочем, не могут быть возвращены две небольшие суммы – «за рецензирование» (оно выполнено и гонорар рецензенту выдан) и «за подписку» (она сделана Вами или издательством за Вас, но для Вас).

Словом, осмыслив и приняв требования – правила, условия, нормы, – следуйте им строго и точно. И статья Ваша *будет* опубликована, если (так как) она *научная и по философской проблематике*. Подтверждение? Оно у нас есть: редколлегия работает с текстами Вашими – смею утверждать – серьезно и ответственно: за 2006-2009 годы вышло 17 книжек журнала нашей серии. На доработку было направлено некоторое количество статей. Но большинство, где требовалась та или другая корректура и редакция, были доработаны в редколлегии. И все поступившие статьи опубликованы. Сегодня уже идет подготовка первых номеров 2010 года. Все четыре номера года 2009 вышли. Вышел и № 1 за 2010 год. На очереди второй номер 2010 года, т.е. 19-я книжка нашей серии: она у Вас в руках. Спасибо за внимание.

Профессор Дырин А.И. 26.04.2010 г.

РАЗДЕЛ I.

ВОПРОСЫ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

УДК 1 (09)

Бондарева Я.В.

ПРИНЦИП СИМВОЛИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА КАК ЕДИНСТВО АПОФАТИЧЕСКОГО И КАТАФАТИЧЕСКОГО БОГОПОЗНАНИЯ (К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ)*

Аннотация. В статье анализируется один из базовых гносеологических принципов русской религиозной философии – принцип символического реализма, порождаемый антиномическим соединением двух богословских принципов – апофатизма и катафатизма, что нашло наиболее яркое свое проявление в философии С.Л. Франка. Содержание данного принципа отражает реальность божественного присутствия в мире, которая представлена не в сущностном выражении, а в энергийных символах, знаках, образах, что является продолжением святоотеческой методологической традиции символического реализма.

Ключевые слова: апофатизм, катафатизм, символический реализм, принцип, методология, «ученое незнание».

Исходя из трансцендентности объекта религиозно-философского познания – непостижимой божественной реальности, русская философия, вслед за православным богословием, основывается на специфических принципах богопознания – *апофатическом* (от греч. *apophatikos* – отрицательный) и *катафатическом* (от греч. *kataphatikos* – положительный, утвердительный). Начиная с эпохи средневековья, в нашей философии была осознана необходимость следовать этим принципам, однако начало их подлинно философского осмысления относится только к концу XIX в. Для уяснения особенностей проявления этих принципов в русской философии, прежде всего, следует остановиться на их богословской интерпретации.

Опираясь на «Ареопагитики», провозглашающие Божество «превыше любого слова и любого познания», и пребывающего «по ту сторону бытия и мышления», когда «ни чувства, ни воображение, ни представления, ни имя, ни разум, ни осязание, ни мышление его совершенно непостижимы для нас» (2;19), православное богословие предпринимает исследование Божественных имен, исходя из апофотического и катафатического принципов. Апофатический принцип утверждает невыразимость Бога в позитивном знании, катафатический, напротив, заключается в применении к Богу утвердительных определений и поэтому считается менее совершенным в сравнении с принципом апофатическим.

Первый путь, с точки зрения богословия, является не только совершенным, но и единственным по своей природе соответствующим объекту познания, так как «всякое познание имеет своим объектом то, что существует, Бог же вне пределов всего существующего». Апофатизм, таким образом, есть путь полного незнания, но путь, не тождественный агностицизму или отказу от богопознания, так как целью этого познания является не знание, но единение, обожение. Принцип апофа-

* © Бондарева Я.В.

тизма ведёт к познанию Бога не в том, что он есть в соответствии с нашим тварным опытом, а в том, что он «не-есть», устраняя тем самым вначале всё эмпирическое и умопостигаемое, затем такие возвышенные характеристики как благодать, любовь, мудрость, и, наконец, исключая и само бытие. Бог с точки зрения последовательного апофатизма не есть что-либо из этого, и не-есть вообще. В то же время парадоксальным образом он является Личностью, с которой человек осуществляется диалогическое общение.

Таким образом, становится возможным и второй путь богопознания - катафатический, который ведет к некоторому знанию о Боге. Трансцендентный Бог, пребывающий за пределами всего эмпирического, есть так же Бог, который сам себя открывает. Но открывает он себя потому, что его природа в своих глубинах непознаваема, и постоянное присутствие апофатического принципа не позволяет замыкаться на ограниченных понятиях о Боге.

С точки зрения Вл. Лосского, перенос различий между апофатизмом и катафатизмом на уровень диалектики рождает антиномии, которые наиболее адекватно разрешаются методологией православного энергетизма, присутствующей в «Ареопагитиках». Эти антиномии проявляются в «единениях» и «различениях», где «единения» есть «тайные пребывания, которые себя не обнаруживают», то есть сверхсущностная природа, в которой Бог пребывает в абсолютном покое и ни в чем не проявляет себя вовне. «Различения», напротив, есть исхождения Божества вовне, т.е. его проявления, называемые Дионисием Ареопагитом «силами», которым сопричастно всё существующее, открывая возможность познания Бога в его творении.

Противоположность обоих путей познания – отрицательного и положительного – обоснована как для Дионисия, так и впоследствии для Вл. Лосского, различием непознаваемой сущности и являющих Божество энергий, диалектикой «единений» и «различений». В библейском откровении о Боге даются Божественные имена в соответствии с энергиями, в которых Бог общается, оставаясь неприступным по своей сущности, одновременно различаясь и оставаясь «простым», так как в нём единения преобладают над различиями (6; 141).

Это означает, согласно комментарию Вл. Лосского, что различения не есть разделения или разрывы в божественном существе. Силы или энергии, в которых Бог проявляет себя вовне, это – сам Бог, правда, не в своей сущности, которая непознаваема. Та же мысль выражается Максимом Исповедником: «Мы можем приобщаться к Богу в том, что Он нам сообщает, но к Нему нельзя приобщиться, по Его несообщаемому свойству» (6; 142). Эта же мысль присутствует и у Григория Богослова и позже у Иоанна Дамаскина: «А то, что мы говорим о Боге утвердительно, показывает нам не естество Его, но то, что относится к естеству» (6; 142). Речь идет о божественных энергиях как «движениях», «порывах» или «лучах Божества», пронизывающих весь тварный мир; или «божествах», «нетварном свете» или «благодати», как называл энергии Григорий Палама.

Вместе с тем, между двумя принципами богопознания существует тесная связь: катафатическое богословие есть опора апофатического восхождения. В своих действиях Бог открывает себя человеку и тем самым делает возможным богопознание, но каждая ступень, которая достигается в этом восхождении, не является последней ступенью, за ней открываются новые возможности для дальнейшего восхождения.

В русской религиозной философии, воспринявшей от богословия как апофатический, так и катафатический принципы, их антиномическое единство проявляется себя как *символический реализм*, согласно которому, реальность божественного присутствия в мире представлена не в сущностном выражении, а в энергийных

символах, знаках, образах, что является продолжением святоотеческой методологической традиции символического реализма. Так, архимандрит Киприан (Керн) выделяет четыре значения символа, используемые отцами церкви: символ в догматике (Символ веры); в гносеологии – как момент познания, порождаемый антиномическим соединением двух богословских принципов – апофатизма и катафатизма; в своеобразии языка богословов, образов, поэтических метафорах, порождаемых не анализом, а интуицией автора; символическое представление о мире как отблеске иной, высшей реальности (1; 334-337).

С точки зрения Семаевой И.И., символический реализм в наибольшей степени обретает свое концептуальное обоснование в традиции исихазма и его энергийной методологии: символ энергий и человек, как и всё природное бытие, являясь символом иного бытия, несет в себе энергию этого бытия (10; 205). «Всё в мире есть тайна Божия и символ – пишет Максим Исповедник, «духовный предок» Григория Паламы – Символ Слова, ибо Откровение Слова. Весь мир есть Откровение, некая книга неписанного Откровения. Или, в другом сравнении, - весь мир есть одеяние Слова...Задача познания именно в том, чтобы увидеть и распознать в мире его первотворческие основания, опознать мир, как великую систему дел Божиих, как систему изначальных Божественных действий, изволений, прообразов» (11; 204-205). Таким образом, православный энергетизм решает главный методологический вопрос об отношении абсолютного к миру и о возможности и путях познания миром того, что трансцендентно ему. И даже такие душевные феномены как воля, память, речь были важны не как объекты психологического наблюдения, а как символы абсолютного бытия, через которые отцы церкви созерцали первооснову мира и человека (1; 346).

В светской философской среде систематическое осмысление возможностей апофатического и катафатического богопознания начинается только с конца XIX в., и наиболее ярко оно проявилось в философии С.Л.Франка. Рассмотрим это немного подробнее.

Объектом гносеологического анализа С.Франка является «непостижимое», которое проявляет себя в трех слоях бытия: в окружающем мире как предметном бытии; в человеческом бытии как внутренней и духовной жизни; в первооснове и первоединстве мира. Непостижимое, таким образом, буквально окутывает со всех сторон познаваемый мир своей «темной бездной». Но непостижимое не есть нечто иррациональное, а потому неопределимое, ибо неопределимое, по мысли С.Франка, подпадает под логический анализ, как нечто частное, что лишает его свойства быть подлинной трансцендентной реальностью. Эта реальность, в свою очередь, понимается как «всеобъемлющее единство», не имеющее ничего вне себя, и, следовательно, не являющееся объектом каких-либо логических определений, имеющих «внешнее» происхождение, т.е. почерпнутых из земного опыта. Наиболее продуктивным С.Франку видится апофатическое познание и, высоко оценивая сочинения Дионисия Ареопагита, философ раскрывает и развивает некоторые положения его апофатического богословия.

Раскрывая гносеологический смысл отрицания в его обычном логическом смысле, С.Франк видит в нем не только отвержение ложных мнений, но прежде всего значение различения, так как познание или определение чего-либо связано с отличением его от чего-либо другого, т.е. означает выбор между частными содержаниями (13; 248). Для С.Франка отрицание вообще «есть момент, конструирующий логическую форму мышления» (13; 249-250), ибо, прилагая отрицание к самой логической форме знания, «мы впадаем в то противоречие, что в самом акте этого отрицания, мы пользуемся той самой формой знания, которую мы отвергаем» (13; 250). В таком случае само «отрицательное богословие» рискует пре-

вернуться в бессмыслицу, заключающую существо непостижимого Бога в форму рационального, «земного» знания. Поэтому единственным путем для познания трансцендентного божественного существа С. Франк видит не простое отрицание в его обычном, логическом смысле, а особое, сверхлогическое преодоление самой категориальной формы земного бытия. Это преодоление становится возможным только путем выхода за пределы принципа противоречия, т.е. несогласуемости утвердительных и отрицательных суждений.

Выход за пределы ограничений означает для С. Франка выход за пределы отвлеченных понятий, т.е. в сферу опыта, который, как утверждает С. Франк, «шире нашей мысли», и в силу этого факта «мы можем иметь нечто вообще, не укладывающееся в форму понятия» (13; 251). На первый взгляд, только поэзия обладает всеми необходимыми возможностями для выражения невыразимого, так как слово есть «орудие осмысляющего духовного овладения опытом в его сверхлогическом конкретном существе» (13; 251). Но поэзия сильна не только иррациональным элементом слова – ассоциациями идей, образов, эмоций, – но и возможностью комбинирования понятий и мыслей таким образом, что в их сочетании преодолевается их чисто рациональный, отвлеченный смысл, и «выражается конкретная реальность именно в том, в чем она превосходит понятия и принципиально от них отличается» (13; 252).

С. Франк приходит к выводу, что такое «описание конкретной реальности» доступно и философии. Философ определяет такой способ описания непостижимого как «намекающее», «невыразимое в отдельной мысли познание конкретности». Но философия, с точки зрения С. Франка, обладает особым, ей одной присущим способом преодоления ограниченности и неадекватности отвлеченного знания, а именно – делать предметом познания саму логическую форму познания. Познающий тем самым выходит за пределы логического (отдельного) знания и познает саму «конкретную реальность», его превышающую.

Такое сверхлогическое познание, косвенное знание посредством незнания как противостояние реальности сфере логически познаваемого, С. Франк вслед за Н. Кузанским называл «умудренным неведением» (неведением, так как по отношению к рациональному сознанию высшая мудрость подобна «неведению», «умудренным» – потому что оно происходит не от недостатка, а от полноты знания) или трансцендентальным мышлением. В связи с открытым потенциалом философии, С. Франк определяет и ее первостепенные задачи – выйти за пределы отвлеченной мысли, интуитивно видеть и выражать сверхрациональное, быть рациональным преодолением ограниченности рациональной мысли.

Однако С. Франк не ограничивает познание через неведение только апофатическим моментом, т.е. познанием сверхрациональной природы Божественной реальности. В многообразии моментов рационального познания возможно открытие и структуры самой Божественной реальности, которая многообразно проявляет себя в конкретных явлениях мира, что содержит в себе элемент катафатического познания.

Коренное отличие логического познания непостижимого от апофатического С. Франк подчеркивает введением понятий «трансдефинитности» и «трансфинитности». Трансдефинитность трактуется им как сверхопределенность непостижимого, невозможность его логического обоснования или «непостижимое для нас» (кантовская «вещь в себе»), трансфинитность – как сверхопределенность, невозможность выделения из реальности или «непостижимое в его самобытии». «В этом живом обладании реальностью, – пишет он, – как безусловно необозримой, неопределенной бесконечностью трансфинитного, как чем-то, что всегда переливается через свои собственные края, мы имеем подлинную непостижимость по существу

реальность» (12; 243).

Это «переливание через свои собственные края» находит отражение в принципе символического реализма, образность и поэтичность которого позволили выразить и строгую богословскую мысль, и сверхрациональные переживания христианских мистиков. Первоначальный образ-символ, сквозь который просвечивает трансцендентное миру, но в то же время присутствующее в мире, Непостижимое наиболее адекватно воспринимается в религиозном опыте, понятия же обедняют и искажают его. «Неведомое и запредельное, – говорит С. Франк, – дано нам именно в этом своем характере неизвестности и неданности с такой же очевидностью и первичностью, как содержание непосредственного опыта» (4; 439).

Отношения Бога с духовным миром человека и материальным бытием в философии С. Франка сложны и полны драматизма. Он считает, что Бога следует признать наивысшим родом реальности, но реальности особого рода. Бог не есть род бытия, существующий наряду с предметным, материальным миром, и тем более он не есть какое-либо особое существо. Как полагает С. Франк, «связь между Богом и миром не есть ни причинно-временная связь, ни связь вневременно-логическая (как между обычным «основанием» и «следствием»), она есть нечто сущностно-иное» (12; 518), или «трансрациональное».

Но если Богу нет никакого дела до сотворенного им мира, то такой Бог, по мнению С. Франка, будет подобен «метафизическому чудовищу». В этом смысле символический реализм открывает перспективы высшего гносеологического синтеза – познания божественной реальности в символах космической жизни. Поскольку мир есть то «иное» Бога, в котором тот «раскрывается», «выражается», то мир необходимо признать основанным на некой абсолютной Ценности, которая придает ему Смысл, Значение, Божество, выраженные в символах земного бытия.

Понятие символа определяется С. Франком как «искаженное, затуманенное... отражение и проявление великих законов духовного бытия» (14; 200). Такое символическое «прозрение», по мысли философа, открывает в мире видимое подобие невидимых сил, и даже физические законы – не что иное, как воплощение разумных закономерностей Божественного бытия. Мир как «периферия абсолютного центра» постоянно обнаруживает следы своего происхождения из божественной Премудрости, и «каждое явление природы есть символ, за которым или в котором может быть вскрыт глубочайший смысл» (14; 200). Символико-реалистическое познание характеризуется С. Франком в духе христианского мистицизма как «раскрытие завес», заслоняющих метафизические глубины божественного бытия, «озарение светом» того, что раньше было покрыто сплошной тьмой.

Показательна трактовка С. Франком понятий «тьма», «божественный мрак», осуществляемая так же в православно-богословской традиции, как условия и даже первоисточника света. Тьма означала у С. Франка не отсутствие бытия, а чистое бытие, что близко к трактовке тьмы у Дионисия Ареопагита, который писал о божественном мраке как о гносеологическом образе, как о мраке незнания о сверхсущем. По замечанию И.И. Семаевой, философию С. Франка отличал именно гносеологизм образа божественного мрака, его непостижимость: «И там, где, казалось, философ сохраняет за апофатическим определением онтологические черты («мрак» как чистое бытие), определяющим всё же оказывается познавательный момент: чистое бытие, в познавательном аспекте проявляющееся как неведение, содержит в себе потенцию самооткровения» (9; 64). В образах апофатического богословия этой потенции соответствует «элемент света», находящийся во мраке чистого бытия. Именно этот элемент назван С. Франком «ведающим неведением» или «неведающим ведением» (12; 327), что приближает философа к святоотеческому пониманию антиномии «тьма-свет» (незнание-знание), опи-

рающейся на апофатический принцип, на равенство непостижимости состоянию «Бога-в-себе».

Принцип символического реализма как пронизанность реальности Непостижимым и постоянное свидетельство о нем как о «явной тайне» дает С.Франку возможность избежать кантовского агностицизма в вопросе познания этой тайны бытия. Считать существование истонной таинственности бытия следствием нашей ограниченной способности восприятия – значит для С.Франка упростить проблему и низвести тайну «на степень неразрешимой шарады» (13; 441) и точно очертить область постижимого, «за которым человеческому разуму нечего искать (путь Канта)» (13; 441). Парадоксальным образом, тогда, под предлогом «непостижимости» абсолютного бытия, рассудок «с тем большим рвением выхолостит всё глубинное из предметного мира, вложит его в прокрустово ложе своих категорий» (4; 441).

Но недаром С.Франк повторяет вслед за Н. Кузанским: «Непостижимое постигается посредством его непостижения». Апофатическое «ученое незнание» фактически превращается в знание, которое не знает границ и, в конечном итоге, становится «познаванием незнания» об Абсолюте. Высоко оценивая перспективы подобного вида познания, В.Н. Ильин считает, что оно приводит к таким богатым философско-метафизическим и богословским результатам положительного смысла, что здесь положительное знание принимает форму знания о незнании (3; с. 90). С.А. Нижников, в свою очередь, замечает, что «незнание в итоге вообще испаряется», знание же поглощает всё, в том числе и само непостижимое, которое в итоге обнаруживается как всецело знаемое и познанное (7; 287).

Возражая С.А. Нижникову, необходимо отметить, что в апофатическом знании поглощение эмпирическим знанием сферы непостижимого невозможно в силу принципиальной невозможности рационализации характера отношений между Богом и миром, что постоянно отмечали религиозные мыслители. Религиозный онтологизм, утверждая существенное отличие этих модусов бытия, соединял их в акте творения, энергетическом по своим основаниям, и на этом фундаменте выстраивалась гносеологическая концепция познания ноуменального через феноменальное, находя выражение в принципе символического реализма, также энергичном в своем основании.

Гораздо более обоснованной представляется позиция С.С. Хоружего, трактующего связь ноумена и феномена (смысла и явления) как обоюдную. Ноумен всегда выражен в чувственном, в конкретном явлении, а феномен всегда имеет смысл, ноуменальное содержание, оказываясь чувственным обликом определенного ноумена. Чувственное и духовное содержание, таким образом, оказываются точным выражением друг друга, соединяясь в неразрывное двуединство или символ (15; 3). В этом же ключе символ понимался и в философии П.Флоренского, развивавшего свое мировоззрение в русле символического реализма, и в философии А.Ф. Лосева, определявшего свою метафизику как символизм, т.е. учение «о явлениях в твердых очертаниях апофатической сущности» (5;165), и в теории «идеального реализма» Н.О. Лосского, выводившего реальное бытие из бытия идеального, целостно постигаемого в мистической интуиции.

Именно через символический реализм русская философия приходит к единому гносеологическому выводу о необходимости опытного познания. Противоречивое единство апофатического и катафатического богопознания порождает палитру методов познания, включающую методы экзистенциальный, феноменологический, интуитивный, а также совокупность методов опытно-мистического познания – умной молитвы, аскезы и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Гр. Паламы. Париж, 1950.
2. Дионисий Ареопагит. Божественные имена // Мистическое богословие. Киев, 1991.
3. Ильин В.Н. Николай Кузанский и С.Л. Франк // Сборник памяти С.Л. Франка. М., 1992.
4. Левицкий С.А. С.Л. Франк // Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997.
5. Лосев А.Ф. Философия имени. Из ранних произведений. М., 1990.
6. Лосский В.Н. Очерки мистического богословия // Мистическое богословие. Киев, 1991.
7. Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии. М., 2001.
8. Послание к Тимофею св. Дионисия Ареопагита // Мистическое богословие. Киев, 1991.
9. Семаева И.И. Поиск идентичности. Русская религиозная философия XX века и ее духовные основания. М., 2004.
10. Семаева И.И. Традиции исихазма в русской религиозной философии первой половины XX века. М., 1993.
11. Флоровский Г.В. Восточные отцы IV-VIII веков. М., 1999.
12. Франк С.Л. Непостижимое // Соч. М., 1990.
13. Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997.
14. Франк С.Л. Смысл жизни // Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992.
15. Хоружий С.С. Обретение конкретности // Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М., 1990.

Y. Bondareva

THE PRINCIPLE OF SIMBOLICAL REALISM AS A UNITY OF APOPHATICAL AND KATAPHATICAL COGNITION (STUDIES ON THE METHODOLOGICAL GROUND OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY)

Abstract. The article analyses one of the main epistemological principle of Russian religious philosophy – the principle of symbolical realism that was generated by contradictory connecting of two theological principles - apophatikos and kataphatikos cognition that was manifested in the conception of S.L. Frank. The content of this principle reflects the reality of Gods presence in the world represented energy symbols, signs, images that is continued in the Orthodox tradition of symbolical realism.

Key words: apophatikos, kataphatikos, symbolical realism, principle, methodology, «wise ignorance».

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО*

Аннотация. Статья посвящена определению эпистемологического и аксиологического статуса реконструкции исторического прошлого. Автором была разработана классификация видов реконструкций истории. Опираясь на один из проанализированных подходов, предлагается собственная концепция научной реконструкции как целостного процесса исторического познания с чётко выстроенной внутренней структурой, учитывающая влияние ценностно-оценочных факторов, которая будет способствовать преодолению односторонности и субъективности в описаниях и оценках прошлых событий.

Ключевые слова: реконструкция исторического прошлого, исторический источник, историческое познание, объективность, аксиологический подход, ценности, оценочное суждение.

Актуальность анализа основополагающих механизмов научной реконструкции исторического прошлого обусловлена её исключительной важностью и востребованностью в историческом познании, а также непрекращающимися спорами среди философов и методологов истории об эпистемологическом и аксиологическом статусе данного процесса. К числу главных можно отнести ряд проблем связанных с отсутствием общепризнанного и научно обоснованного определения, которое наиболее полно отражало бы все особенности и критерии исторических реконструкций. Отсюда, в свою очередь, трудности, связанные с выявлением основополагающих подходов к изучению данного процесса и его особенностей, а также влиянии ценностных факторов и оценочных суждений на объективность и достоверность научных реконструкций истории. Данная работа, таким образом, представляет попытку комплексно решить указанные проблемы.

Термин «реконструкция» является заимствованным и образуется в результате слияния приставки *re* (снова, еще раз, повторно) и лат. *constructio* (конструкция). В современном русском языке данное понятие означает восстановление чего-либо по сохранившимся остаткам или описаниям [7, 522].

Однако в исторической науке сложилось несколько трактовок реконструкции, учитывая все особенности которых нами была разработана следующая классификация:

1. историческая реконструкция как целостный процесс исследования определенного фрагмента исторической реальности;
2. историческая реконструкция как метод восполнения пробелов в историческом знании;
3. историческая реконструкция как один из этапов в познании исторической эмпирии.

Наиболее рациональным и аргументированным нам представляется *первый подход*, согласно которому реконструкция исторического прошлого – процесс познания исторической реальности, включающий в себя несколько этапов. В частности подобных воззрений придерживались такие известные философы и методологи истории как Л. Ф. Ранке, Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос, Э. Карр, А. В. Гулыга, А. С. Уйбо и др.

* © Давыдов В.А.

Наиболее четко и подробно данный подход сумел обосновать А. С. Уйбо. Под реконструкцией исторического прошлого (или, короче, исторической реконструкцией) он предложил понимать «конкретный целостный процесс исследования того или иного фрагмента исторической реальности – начиная с поиска источников до завершения рукописи» [8, 11].

Таким образом, учёный, как и его предшественники, в реконструкции исторического прошлого выделяет два взаимосвязанных этапа: 1) работа с историческими источниками и 2) выявление логических взаимосвязей между фактами, полученными в результате этого анализа. Это объясняется стремлением приблизить данный процесс к познанию исторического прошлого, в котором традиционно принято выделять два основных этапа: эмпирический этап – работа с историческими источниками и теоретический, в ходе которого происходит воссоздание или отображение того или иного фрагмента исторической реальности на основе полученных данных.

Несмотря на то, что данный подход наиболее точно отражает все особенности исторической реконструкции, в нем можно выделить ряд существенных недостатков. В частности, в данной трактовке отсутствует один из важнейших этапов процесса производства научного знания – этап выбора темы, объекта исследования и постановки исследовательской задачи, а также разработка и выбор методов исследования.

Важно упомянуть и об этапе историографического анализа, в ходе которого выявляется степень предшествующей изученности объекта исследования, определяются имеющиеся пробелы, нерешенные и спорные проблемы, на основании которых составляется так называемый вопросник: список вопросов, ответы на которые ученый стремится получить в ходе реконструкции исторического прошлого и т. д. Поэтому считаем целесообразным включить указанные процедуры в начальный этап процесса исторической реконструкции.

Собственно процесс исторической реконструкции должен состоять из двух этапов, каждый из которых направлен на решение конкретных проблем. В ходе *первого этапа реконструкции* ученый главным образом всё внимание должен сосредоточить на работе с историческими источниками (документами и предметами материальной и духовной культуры, содержащими сведения об отдельных фактах и свершившихся событиях), которая включает в себя следующие процедуры: установление аутентичности источника, даты его создания, выявление более поздних изменений, заимствований и т. д.

Результатом данного этапа является множество разрозненных высказываний или исторических фактов, описывающих те или иные аспекты реконструируемого события или процесса. Однако совокупность фактов не может дать целостного знания об исторической действительности. Чтобы возникло целостное представление об исторической реальности, необходимо объединить эти факты, связать друг с другом. А это предполагает познание связей, существующих в реальности.

Поэтому на *втором этапе реконструкции* происходит семантическая интерпретация данных, полученных в ходе первого этапа, т. е. данным исторических источников придается смысл, значение в соответствии с уже имеющейся системой знаний. Иными словами, происходит синтез, упорядочивание полученных данных, результатом которого является «построение достаточно приближенной к научной (или ненаучной) модели исторической реальности или построение исторической картины мира, или картины исторической реальности (фрагмента исторической картины мира)» [9, 66]. Кроме того, учитывая междисциплинарный характер исторической науки, для получения исчерпывающего реконструктивного знания, историку необходимо принимать в расчёт физико-химические, природно-

географические, экономические, социально-психологические, культурные и прочие детерминанты, оказывающее воздействие на исследуемый объект.

Однако, реконструируя исследуемое событие, историки, в отличие от естествоиспытателей, которые извлекают факты непосредственно из наблюдаемой действительности, получают факты через ряд посредствующих звеньев. В первую очередь из документов, которые, с одной стороны содержат в себе только фрагментарные сведения об исследуемом объекте, а с другой – являются своеобразными субъективированными формами отражения объективного прошлого, потому, что всякий исторический источник является продуктом человеческой деятельности. В связи с этим встает проблема объективности процесса реконструкции исторического прошлого.

К числу решающих факторов влияющих на степень объективности научной реконструкции истории следует отнести: 1) мировоззренческие факторы, оказывающие влияние на личность самого историка (этические, политические, ценностные и другие воззрения); 2) факторы, связанные с профессиональными качествами историка: умение работать с историческими источниками, делать грамотный и обоснованный отбор источников, осуществлять критический анализ, способность найти в них достоверную информацию и отбросить заведомо ложные или ошибочные сведения, а также делать выводы из этой информации, которые будут отражать историческую реальность и т. д.; 3) «естественные» факторы, которые не зависят от историка. Одной из тенденций исторического развития является уменьшение количества сведений об определённых событиях, людях, процессах, и даже целых периодах прошлого человечества. Эта тенденция действует совершенно объективно, независимо от человека, несмотря на попытки ей противостоять. Разрушаются храмы, превращаются в пыль города, рассыпаются рукописи, разлагаются мумии, осыпается штукатурка и т. д. – ничто не в силах устоять перед разрушительным действием времени.

Кроме того, учитывая неотъемлемое свойство исторического познания, состоящее в невозможности элиминировать ценностные позиции субъекта в процессе исследования объекта, принято утверждать, что подобное ценностное отношение является чуждым объективно истинному познанию вообще. Однако многие философы и методологи истории не спешат соглашаться с подобными оценками, а наоборот, считают, что применение аксиологического подхода в исторических реконструкциях, с учётом определённых критериев, способствует большей степени объективности выводов историка.

Так, по суждению Г. Риккерта, одного из представителей неокантианской школы философии, процесс реконструкции – это всегда отбор исторических фактов, поскольку всё их многообразие учесть невозможно. Поэтому историк должен делить по значимости все события и личности на первостепенные и второстепенные. Решающее значение при этом определяют не столько личные ценности историка, сколько общепризнанные (причем не важно признающиеся всеми или предполагающиеся значимыми у всех членов общества). Только благодаря признанию всеобщности культурных ценностей «уничтожается произвол исторического образования понятий» [6, 99], т. е. именно эта всеобщность является основанием объективности.

Кроме того, Г. Риккерт также предлагает учитывать следующие немаловажные моменты. Во-первых, теоретическое отнесение к ценности, осуществляемое трансцендентальным субъектом, следует отделять от практической оценки, даваемой индивидуальным субъектом, – в своей логической сущности это два принципиально отличных акта, – и, если история имеет дело с ценностями, поскольку многие объекты рассматриваются как блага, она не является всё же оценивающей

наукой. Во-вторых, он признавал, что «один и тот же исторический факт, в зависимости от различной связи, в которой его рассматривает историк, приобретает очень различный акцент, хотя объективная ценность его остаётся той же самой» [6, 95]. В-третьих, индивидуализирующая история, пользующаяся методом отнесения к ценности, также должна заниматься исследованием причинных связей, хотя бы для изображения индивидуальных причинных отношений, но методический принцип выбора существенного и определения причинных связей в истории зависит от ценностей [6, 97].

Значительный вклад в решение проблемы объективности исторических реконструкций с позиции применения аксиологического подхода предложил М. Вебер. Он полагал, что историк, стремясь к достижению объективного знания, почти всегда, осознанно или неосознанно, использует какие-либо конструкции, зачастую логически необоснованные. Поэтому ученый предложил использовать в качестве ключевой в историческом познании категорию «идеальный тип», являющуюся критерием объективности исторического знания.

Концепция *идеального типа* позволяет историку изучать прошлое с опорой на систему ценностей каждой конкретной эпохи. По большому счету, М. Вебер, принимая во внимание принцип неокантианской методологии истории (отнесение к ценности), трактует его не как сверх эмпирический, но как относящийся к определенному историческому периоду развития. Ценность понимается им как установка исторической эпохи, или как присущее эпохе направление интереса.

Таким образом, благодаря точности понятия «идеальный тип», обеспечивается однозначность суждений при анализе явлений культуры. Так, согласно М. Веберу, господствующие «идеи» определенной эпохи, действующие в них диффузно, можно «...постигнуть со всей строгостью только в виде идеального типа, так как эмпирически они живут в умах неопределенного и всё время меняющегося числа индивидов и обретают тем самым разнообразнейшие оттенки по форме и содержанию, ясности и смыслу» [1, 141].

Концепции, предложенные Г. Риккертотом и М. Вебером, свидетельствуют о том, что аксиологические составляющие не только выражают сущность, но и способствуют получению объективно истинного и отвечающего всем критериям научности реконструктивного исторического знания.

Кроме того, соглашаясь с мнением Л. А. Микешиной, подчеркнем, что оценочные суждения, которые являются неотъемлемой частью исторического знания [5, 316-318], при соблюдении определенных критериев, не могут являться условием способствующем субъективности, а наоборот, повышают ценность, в данном случае, реконструктивного исторического знания.

Таким образом, *реконструкция исторического прошлого – процесс исследования определенного фрагмента исторической реальности, включающий в себя подготовительный этап (выбор темы, объекта исследования, историографический анализ); этап, связанный со сбором и анализом исторических источников; а также этап отображения исторической реальности на основе данных, извлеченных из источников.*

В целом же понимание реконструкции исторического прошлого как целостного процесса, с четко выстроенной внутренней структурой, предполагающей наличие логически взаимосвязанных этапов, в ходе которых решаются строго определенные задачи, способствует недопущению множества методологических ошибок, повторного решения многих задач, стоящих перед исследователем в ходе исторического исследования, что в свою очередь ведет к получению более полного и достоверного знания об исторических процессах и событиях. Однако некоторые философы предлагают и другие концепции научных реконструкций истории.

Так, согласно *второму подходу* историческую реконструкцию следует рассматривать как метод исторической науки, суть которого заключается в восполнении пробелов в историческом знании.

Знаменитый российский историк Н. И. Кареев, поясняя значение реконструкции как метода, сравнивал историческое знание с «остатками художественного мозаичного портрета, из которого вывалилось и затерялось множество кусочков, входивших в состав мозаики, так что в изображении оказались ничем не заполненные места, а иные пробелы притом образовались в особенно важных пунктах. Впрочем, бывает и хуже, когда сохранившиеся кусочки и не остались на своих местах и беспорядочно смешались в одну кучу... Нередко и историк стоит перед таким же склеиванием отдельных кусочков для получения...целого» [2, 89-90]. Иными словами, применение метода исторической реконструкции необходимо в тех случаях, когда исторические источники содержат фрагментарные сведения, а также в случае повреждений или искажений самих источников.

С позиции *третьего подхода*, историческая реконструкция является одним из этапов исторического познания. Такой точки зрения придерживались Э.Н. Лооне, И.Д. Ковальченко, В.П. Фомин и др.

В частности И.Д. Ковальченко полагал, что главная задача, которая стоит перед историком на этапе исторической реконструкции – извлечение из исторических источников скрытой, неявной информации путем выявления взаимосвязей. Для этих целей автор предлагает историкам использовать помимо логических методов и другие факторы: чувственный опыт, интуицию, научное воображение [3, 225].

Однако Э. Н. Лооне, считая реконструкцию отдельным этапом исторического познания, который предшествует традиционным уровням всякого познания – эмпирическому и теоретическому, все же имплицитно склоняется к пониманию её как процесса «описания прошлого, как бы мы его наблюдали, находясь в прошлом» [4, 93] и как его коллеги, выделяет два взаимосвязанных этапа: извлечение фактов из исторических источников и создание на их основе реконструктивного знания.

Рассмотрение реконструкции исторического прошлого с позиций второго (как метода восполнения пробелов в историческом знании) и третьего (как одного из этапов в познании исторической эмпирии) подходов существенно ограничивает методологические возможности исторической реконструкции. Кроме того, задачи, которые должны решать историки при таком понимании реконструкции, не требуют их выделения в отдельный этап, а могут быть решены непосредственно в ходе процесса реконструкции исторического прошлого.

Понимание реконструкции как целостного процесса исторического познания существенно расширяет возможности исследователя прошлого, что проявляется в возможности использовать широкий круг исторических источников (письменных, материальных, духовных), применять различные методы и способы, учитывать сведения из других областей научного знания, а также принимать во внимание ценностные установки учёного, что невозможно при понимании реконструкции как метода или этапа исторического познания. В результате, указанные обстоятельства будут способствовать большей степени объективности и достоверности выводов историков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология XX век: Антология. Философия и социология культуры. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 104-161.

2. Кареев Н. И. Историка (Теория исторического знания). Изд. второе. – Петроград: Типография М. М. Стасюлевича, 1916. – 281 с.
3. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. – 439 с.
4. Лооне Э. Н. Современная философия истории. – Таллин: Ээсти раамат, 1980. – 293 с.
5. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 439 с.
6. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 410 с.
7. Современный словарь иностранных слов: Около 20 000 слов. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, 2001. – 742 с.
8. Уйбо А. С. Проблема объективности реконструкции исторического прошлого: Авт. дисс...канд. филос. наук. – М., 1982. – 16 с.
9. Шмаков В. С. Структура исторического знания и картина мира. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. – 187 с.

V. Davydov

EPISTEMOLOGICAL AND AXIOLOGICAL ASPECTS OF HISTORICAL PAST RECONSTRUCTION

Abstract: The article is devoted to the definition of epistemological and axiological status of historical past reconstruction. The author has developed a classification of types of history reconstruction. Basing on one of the analyzed approaches the author offers his own concept of scientific reconstruction as an integral process of historical knowledge with a well-designed internal structure, including the influence of values and moral judgments of a historian, thus helping to overcome bias and subjectivity in the descriptions and evaluations of past events.

Key words: reconstruction of historical past, historical source, historical cognition, objectivity, axiological approach, values, moral judgment.

О СУБЪЕКТИВНОМ ПРИЗНАНИИ ИСТИНЫ*

Аннотация. Исследуя феномен признания истины как комплексный аксиологический акт, автор предметно рассматривает сущность и взаимосвязь объективных и субъективных оснований этого явления. Конституирующая объективное основание признания чего-либо истинным объект-интенция суждений должна обладать такими характеристиками как общезначимость, достаточность и универсальность. Вычленяются три ступени признания истинности по субъективному основанию: мнение, вера и знание. Раскрывается содержание этих ступеней как составляющих духовности, эксплицируются особенности их «кристаллизации». В данной связи рассматривается феномен идеологии в качестве формы удостоверения истины по недостаточным объективным и достаточным субъективным основаниям, анализируется ее имманентная специфика как разновидности тенденциозного, дезориентирующего духовность сознания.

Ключевые слова: знание, мнение, вера, идеология, признание истины, демонстрация, удостоверение познавательного содержания.

Субъективное признание истины как аксиологический акт – феномен комплексный: он складывается и протекает на фоне наличия объективных и субъективных причин.

Объективное основание признания чего-то истинным конституируется объект-интенцией (О-интенция) суждений, в которых столько истинного, сколько отвечает природе познаваемых вещей (несет истину в себе). Объективно-достаточное основание признания истины оформляется в экспертизе – фронтальном концептуальном и практическом опробовании знания (логическая и эмпирическая проверка, оправдание, испытание, проработка). Удостоверенная О-интенция суждений поэтому детерминирует их интерсубъективность, общезначимость – для каждого гносеологически стандартного, среднетипического, среднестатистического познавателя возникающее в качестве интегрального эффекта испытаний (в случае верификации) основание признания чего-то истинным обладает и достаточностью и универсальностью. В противном случае разрушаются каноны познавательных отношений, появляются симптомы гносеологических девиаций.

Субъективная значимость суждений, или признание истинности по субъективному основанию, имеет три ступени: мнение, вера, знание.

Мнение есть сознательное признание чего-то истинным по недостаточным субъективным и объективным основаниям. Характеризуя чувственное отношение субъекта к истине, связанное с когнитивной неуверенностью, мнение сопряжено с гносеологически гомологичным ему сомнением, возникающим в ситуации нехватки или отсутствия субъективного опыта, сковывающего простор квалифицирующего суждения: является ли некое положение дел истинным. Мнение означает отсутствие у субъекта принципиального, последовательного взгляда на некоторый предмет одновременную наличность разноречивых сомнений, существование которых – за неимением ясных оснований (аргументов) – не позволяет однозначно судить о предмете [1]. Проблема отсева альтернатив в границах мнения сродни метаниям буриданова осла: отсутствие системы коррелятов предпочтения либо торпедует выбор, либо реализует его как полуинстинктивное, бездоказа-

* © Осипова А.М.

тельно-безотчетное, спорадически-произвольное действие. Чем руководствуется, почему поступает именно так в рамках мнения субъект, не знает и он сам: любая случайность, любая деталь могут сыграть роль соломинки за которую человек хватается.

Гносеологически изоморфна мнению догадка, не представляющая сознательного признания за истину заключенного в ней содержания. Скажем, решая проблему становления научного атомизма, следует разводить высказывания современного естествознания и греческой философии. Атомизм Больцмана, Смолуховского, Резерфорда – нечто иное, нежели атомизм Левкиппа и Демокрита. Игнорировать это различие означает нарушать «чувство истории», смешивать знание и гносеологически альтернативную ему догадку. Догадка включает неявную, неустойчивую, случайно фиксированную истину, достоверность *in puse*. Последнее подчеркивает: «знать» и «знание» не совпадают с «быть истинным», «обладать истиной», они означают «признавать истиной», имея на то соответствующие дискурсивные основания.

Вера есть сознательное признание чего-то истинным, достаточное с субъективной, но недостаточное с объективной стороны. Как и в случае мнения, здесь мы имеем дело с изумительным и непонятным инстинктом, актом «скорее чувствующей, чем мыслящей части нашей природы» [2, 293]. Отличие одного от другого заключается в том, что субъект-интенция (С-интенция) признания истины опирается на ощущение согласованности (а не несогласованности, как в условиях «мнения») суждений с прежним субъективным опытом, всем мирозерцанием, ощущение, которое в противоположность мнению (сомнению) поставляет момент убежденности, несомненности, истинности чего-либо для субъекта.

С гносеологической точки зрения вера есть скрытый параметр, вводимый в субъективно значимую ситуацию для стабилизации поведения, упразднения неоднозначности, выбора вполне определенной жизненной линии. Объект и принцип веры не достаточен и не значим для всех; он достаточен и значим для меня. Веруя, я апеллирую к свободной высшей воле, надеясь на ее вмешательство в мою собственную судьбу, – тем самым я упрочиваю порождаемые мной цепи причинения.

Под гносеологический типаж «веры» подпадает «идеология», также выступающая формой удостоверения и признания истины по недостаточным объективным (сообщающим универсальность) и достаточным субъективным (идущим от особого характера субъекта) основаниям. В традиционной лексике понятие «идеология» употребляется для обозначения свода взглядов на реальность, способы ее освоения, трансформации с позиций целей, ценностей, идеалов, принятых различными субъектами социокультурной жизни, начиная с индивида, группы, класса, общества, сообщества и кончая человечеством в целом. Фиксирующая, отражающая и выражающая многообразные субъективные интересы «идеология» (во всяком случае до сего дня) аттестует виды партикулярного, кружкового, т.е. всегда частичного сознания. От прочих модификаций последнего и в особенности образований массового, повседневного сознания идеологию отличает устойчивость: модели субъективных ориентаций, самоутверждений, действий и последствий в социуме достигают здесь степени прочности предрассудка, что является следствием всесторонней обработки, стереотипизации обыденного сознания, итогом немалых, в частности, и пропагандистских усилий.

Отсутствие достаточных объективных (опирающихся на доказательство, проверку) и наличие достаточных субъективных (персональные ожидания, прозрения, антиципации) оснований для признания чего-то истинным делают идеологию разновидностью тенденциозного, нарочитого, умышленного, «себе на уме», нагруженного сознания. Такому сознанию присущи:

– спекулятивность – своеобразный примат идей, воспаряющих над реальностью, производными от нее интересами. Продуктам, фрагментам, компонентам сознания, идеям в пределах идеологии уготавливается автономная, конституирующая функция с полным игнорированием земных источников и условий их (идей) возникновения. Идеи превращаются в руководящий, направляющий, определяющий относительно действительности параметр;

– иллюзорность. Отсутствие рефлексии, понимания реальных источников идей на фоне демонстрации предметов такими, какими они идеологам кажутся, означает абсурдизацию действительности, изображаемой в превращенном, перевернутом виде, точно в камере-обскуре. По этой причине идеологический процесс – процесс «творения человеческой головы» – в основе своей мистификаторский, и следовательно, ложный;

– догматичность. Идеологическое сознание – фокусированное сознание: для отправляющегося от исходных (незыблемых, априорных) принципов идеолога главное – остаться им (принципам) верным, проявить преданность, неотступничество. Идеологу хватает стоицизма не менять своих мнений даже о вещах, которые его огорчают. И в этом смысле вопреки Марку Аврелию идеолог в полной безопасности от них. Идеолог невозмутим и неколебим. Душа его безмятежна, вращается в модальности *de dicto*, предопределяющей: а) подмену позитивных исканий методологией. Идеолог представлен в позиции «перст указующего»: не проводя исследований, он поучает, как надлежит проводить их; б) превращение теории в разновидность прожектерского сознания. Прожектерство – модификация сектанства. Отгороженное от жизни плотно закрытыми дверьми безоглядного доктринерства, подобно сектанству, оно занято выработкой ответов на никем не поставленные и незаданные вопросы; в) отсутствие радикальности, под которой разумеется способность понимать вещь в ее корне. Мысль идеолога скользит точно по маслу, ибо ищет он не там, где требуется искать, а где светлее. Он не анализирует, а спрягает, согласует, связывает и увязывает, дефилируя по поверхности и останавливаясь у первой неоднозначной версты, дабы самоисчерпаться, утратить интенцию на постижение глубинных смыслов происходящих событий. Он говорит о чем угодно много и преимущественно хорошо, однако далек от сопоставления причин со следствиями, прослеживания сущностных связей наглядно данных частей с природой целого;

– апологетичность. Будучи субъективно ориентированным типом духовного производства, ввиду своей локальности, идеология мало-помалу утрачивает способность реалистичного рассмотрения, – чем дальше, тем больше отходит от фактической природы вещей, превращается в искаженное отображение, в иллюзию. Неспособная к изменению, к прогрессивной самокорректировке согласно требованиям жизненных реалий идеология становится безоглядной защитницей принятой (заданной) линии. Несостыковка с действительностью, контрпримеры, явные и скрытые противоречия, неувязки до мозга костей враждебны идеологии, но ею не принимаются: не реальность порождает на свет идеологию, а идеология реальность. Чем капитальней рассогласования, тем тверже, несокрушимей идеология. По самой сути своей она противостоит критицизму и в данном отношении сближается с мифом; процесс идеологического творчества становится процессом производства идеологом, смыкается с мифотворчеством;

– авторитарность. Обслуживая частные субъективные интересы, идеология приписывает им всеобщность, выдавая за универсальные. Именно по этой причине идеология не терпит диссидентства, инакомыслия. Беспрекословное, слепое подчинение бытия данному виду сознания, практики – данному множеству идей, реальности – данной совокупности принципов – подлинное и окончательное кре-

до идеологии. Идеология вездесуща, воинствующа, всепроникающа, действует по закону железной трубы, имеющей два конца и неоставляющей выбора: либо с нами, либо против нас;

– репрессивность. Подведение явлений под искусственные доктринальные схемы не может не сопровождаться профилактической опричной работой: ведь если ложь – принцип, то насилие – метод. Проявляя экспансивную сущность и адресуя установки массам, идеология подталкивает их к соответствующим перекройкам (перестройкам) действительности, связанным с насильственным принятием экзистенциальных, поведенческих, мыслительных стандартов, правил общежития, способов жизни. Несогласные как слой искореняются. В практической амбициозности, предвзятости, силовой нетерпимости скорее запустить доктрину в реальность, исходя из логики борьбы и условий, а не требований объективного обстоятельства дел, заключается глубинная агрессивность идеологии, берущей на вооружение наиболее прямолинейный и одновременно тривиальный метод развязок каких бы то ни было проблем – метод Александра Македонского.

Как видно, идеология, представляя сорт превращенного отображения действительности с превалированием С-интенций, оказывается продуктом политипических симбиозов догматизма и начетничества, лицемерия и утопии, застойности мысли и узости интеллекта, рассогласованности слова и дела, тенденциозности и агрессивности и т.д. Индуцируемые идеологией дереализация и дезориентация духовности, разумеется, опасны, однако не в них одних дело. Гораздо опаснее то, что, овладевая массами, идеология реализует себя как мощная материальная сила, – сила, отличающаяся воинственностью и слепотой. Идеология, следовательно (используем оборот Ортеги-и-Гассета): не просто объявляет «шах» истине, не просто деформирует познание и практику. Идеология в точном смысле слова обладает натуральной убойной силой, на деле разбивает жизни и судьбы общества и опекаемых им людей.

Знание есть объективно и субъективно достаточное признание истинности суждения. Познание вообще охватывает всю сферу суждения – предикативного и допредикативного, все виды мысли, приобретающей любую форму (от вербальной до визуальной, изобразительной, музыкальной); в нем находят материализацию различные варианты удостоверения содержания, акты веры в разнообразных модальностях. Познание, следовательно, – производительный процесс, результатом которого выступает *многообразие* знания. Здесь же, расценивая знание как форму сознательного признания истины, уместно подчеркнуть следующее.

Схоластическая философия толковала познание через призму модели двух заведенных часов: имеется начало *principium essendi* и начало *principium cognoscendi*, по которым все, долженствующее быть, существует, а все существующее – познается. Правда, против этой наивно-реалистической модели восстает весь наш познавательный опыт: в мире масса не познанных вещей, добротного знания о которых не имеется.

Знание – не божий дар, а результат демонстрации. Будучи средоточием О- и С-интенций, воплощенных в суждении, знание кристаллизуется и по азимуту от сущего, и по азимуту от субъективного отношения к истине. О-интенция поставляет материю знания, С-интенция задает порядок восприятия мира, поставляет право наделять информацию объективной значимостью. В результате возникает универсально согласованное понимание действительности, базирующееся на дискурсии; мысль и объект утрачивают самобытность, переходя в среду, где мир как взаимосогласованное целое существует для нас – в виде достоверной рациональной реконструкции. Мир знания поэтому *есть мир в логической форме*. Об ином, о нелогическом мире мы лишены возможности знать [3, 134; 4, 210].

Сфера знания – необозрима, необъятна. Но есть в нем нечто, позволяющее различать общую основу ее составляющих. Это нечто – специфический гносеологический этос (совокупность ценностей, правил, предписаний, стандартов, канонов, императивов), задающий и регулирующий сам ход освоения предметности, генерации результатов, отстаивания убеждений, отношений к коллегам и наследию. Здесь сконцентрирована своеобразная «порождающая грамматика» тех конкретных, крайне различных, переменчивых идей, концепций, теорий, действий, которые в богатстве своем образуют динамический массив реальной науки.

Гносеологический регламент знания (разумеется, в идеале) – свод жестких, точно формулируемых требований к формам получения, удостоверения и признания истин. В отличие от прочих видов интеллектуальных занятий в деле разыскания истины представитель знания руководствуется началом достаточного основания. Согласно последнему ни одно допускаемое в «знание» положение (в идеале) не может считаться истинным и справедливым без явного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе. Впрочем, в более развернутой редакции закон достаточного основания предъявляет ко всякому входящему в «знание» утверждению три требования: 1) во всяком утверждении субъект должен заключать достаточное основание предиката; 2) утверждения должны быть достаточно обоснованы в опыте и законах мышления; 3) утверждения должны быть необходимо обоснованы с помощью других утверждений (выведены из родовых утверждений) [5, 202]. Закон достаточного основания намечает водораздел «знания» и «незнания»: в «знание» допускаются лишь всесторонне апробированные, выверенные, подвергшиеся экспертизе единицы познания. Составляющие «незнания» не являются необходимо обоснованными; обоснованность же фрагментов «знания» такова, что характеризуется необходимостью (аподиктичностью). Аподиктичность знания, означающая его принудительность для всякого субъекта познания, конституируется внутренним строем знания, его логической организованностью, понимаемой как архитектурная упорядоченность знания.

Группа разобщенных идей не образует знания. Для этого требуется много больше, а именно: «систематическая связь в теоретическом смысле», под которой понимается обоснование знания и надлежащий порядок в ходе обоснования [6, 167]. Категории «систематически связанное», «логически обоснованное», «структурно упорядоченное» обозначают композицию знания, построенного по принципу познания «из основания». Этот принцип в итоге и обуславливает тот тип отношения субъекта к истине в условиях знания, какой характеризуется «обязательностью признания».

Факт обязательности признания в форме принудительной реакции «нормально мыслящего» субъекта на комплексы надлежаще обоснованного, логически эксплицитного, аподиктичного знания давно зафиксирован в гносеологии. Чувство, с каким мы воспринимаем суждение знания, является в точном смысле имперсональным, надличностным: комбинируя суждения, рассуждая, мы чувствуем себя связанными ощущением очевидности, которое реализуется как транссубъективное, надындивидуальное повеление, которое обязывает согласовывать с собой наши квалифицирующие и поисковые акты. Поэтому отсутствие аподиктичности в рассуждении выступает показателем выхода за пределы знания (последовательной дискурсии), где проявляется состояние субъективной неуверенности: исходя из каких оснований, как рассуждать, реализовывать способности суждения.

Обобщая отметим, что устанавливаемые по закону достаточного основания условия «знания» – сугубо дискурсивно удостоверяемые. Не случайно, вообще говоря, уже Платон, выявляя гносеологическую специфику знания в отличие от субъективной убежденности типа мнения, объявлял условия первого рациональ-

ными, а условия второго – чувственными. Так, пожалуй, впервые возникло понимание различия ощущаемой (незнание) – «идеационной» (знание) истины.

Сфера незнания может включать истину, но эта истина остается «в себе», не являясь должным образом удостоверенной. Специфической чертой ненауки является ее соответствие нерелективной стадии интеллекта, необремененного контролем, анализом своих собственных ресурсов (процедуры образования и преобразования знания) и стремящегося вывести истину из «чувственной реальности». Что же касается сферы знания, то она содержит концептуально одетствованную, рационально обработанную истину. Значит, знание следует связывать со способом приобщения субъекта к истине, именно: приобщение согласно кодексу рациональности (баланс О- и С-интенций), принятому в такой форме познавательной деятельности как знание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Философия. Логика. Язык. Сборник статей. М.: Прогресс, 1987. 331 с.
2. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения. Т.1. М.: Мысль, 1965. 736 с.
3. Пэко П.Ф. Элементы философии наук. М.: Университетская библиотека, 1915. 224 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон, 2008. 288 с.
5. Липпс Т. Законы логики. СПб: О.Н. Попова, 1902. 301с.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. М.: АСТ, 2000. 752 с.

A. Osipova

ABOUT A SUBJECTIVE TRUTH RECOGNITION

Abstract. Investigating a phenomenon of a recognition of true as complex the certificate, the author in detail considers essence and interrelation of the objective and subjective bases of this phenomenon. It is proved, constituting the objective basis of a recognition something true object-intentsija of judgements sufficiency and universality should possess such characteristics as. Three steps of a recognition of the validity on the subjective basis are isolated: opinion, belief and knowledge. The maintenance of these steps as spirituality components, features of their crystallisation reveals. The phenomenon of ideology as the form of the certificate of true on the insufficient objective and sufficient subjective bases is in this connection considered, its immanent specificity as versions tendentious, spirituality of consciousness is analyzed.

Key words: knowledge, opinion, belief, ideology, a truth recognition, demonstration, the certificate of the informative maintenance.

РАЗДЕЛ II.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 316.77-027.21

Горбунов А.С.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ОБЩЕСТВЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Аннотация. В статье рассматривается воздействие средств массовой коммуникации (СМК) на государство, властные институты и политические процессы в контексте системных социальных изменений. Массовая коммуникация выявляется в качестве источника перерождения власти и системы социальных институтов, приобретающих новые черты. Поставлен вопрос о развитии личности и государства с учетом дальнейшего роста влияния СМК.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации (СМК), общество, государство, личность, власть, свобода, политика.

Социальные институты, как основа жизнедеятельности современного человека, прошли сложный путь развития, что в конечном итоге привело к появлению многоуровневой и разветвленной структуры конгломератов того или иного аспекта социальности – системы устойчивых общественных институтов. При этом по устоявшейся традиции сами эти институты и их взаимодействие воспринимаются в том виде, в котором они обычно представлены в учебниках и учебных пособиях по социологии. Действительно, на протяжении жизни человек имеет многочисленные добровольные или вынужденные связи с институтами (здравоохранения, образования, политико-государственными, правоохранительными, экономическими) и многими другими. Возможности «обойти» их тотальную данность для любого отдельного члена общества не существует.

Однако имеет место развитие – развиваются как сам институциональный состав, так и деятельность уже существующих институтов. Социальные институты, принципы их функционирования, формы и содержания их деятельности сегодня уже далеко не те, что были три или даже два десятилетия назад.

Одним из самых значимых и сравнительно поздних приобретений общества стали средства массовой коммуникации (СМК), довольно стремительно проделавшие путь от «листочков», извещавших с определенной периодичностью подданных о важных событиях и государственных решениях, до всеохватной глобальной информационной сети, распространяющей свои содержания ежесекундно и повсеместно.

Теперь уже очевидно, что СМК обладают рядом особенностей не только характеризующих их как самостоятельное явление, но и существенно выделяющих их, позволяя утверждать: СМК принадлежит ключевая роль в нынешнем общественном бытии. Не на последнем месте среди подобных особенностей – проявляет себя способность оказывать воздействие на иные общественные институты и всю

* © Горбунов А.С.

их структуру.

Рассматривая деятельность государственных, политических, политико-правовых, образовательных, религиозных, культурных институтов нельзя не заметить, что все они на данный момент пронизаны влиянием со стороны СМК. Более того сама их деятельность в современных условиях становится во многом возможной, а тем более эффективной только на основе пассивного и (или) активного включения в масс-коммуникационные потоки.

Сегодня невозможно помыслить себе существование и функционирование государства, государственной власти вне масс-коммуникационного контекста. По существу большинство уже давно привыкло отождествлять государственную власть с «людьми из телевизора» (представителями высшей власти), с репортажами, которые ведутся из правительства, министерств, с брифингами, интервью, которые дают журналистам представители власти, а также аналитическими обзорами властной деятельности, производимыми для массовой аудитории.

Власть сегодня общается с населением прежде всего посредством СМК. Обладая широкими возможностями «приближать» и интерпретировать доставляемую потребителю информацию они предоставляют массовой аудитории не саму по себе власть как таковую, но тот ее образ, который выгоден власти имущим по политически конъюнктурным соображениям.

Непосредственное же ознакомление с реальными представителями государственных структур производится отдельным гражданином от случая к случаю вследствие возникновения той или иной острой практической необходимости. Случается это далеко не со всеми членами общества и даже не с его большинством. Большинство имеет «доступ» к власти и образу этой власти, когда вступает в пассивную коммуникацию с ней в качестве потребителя информации, распространяемой по масс-коммуникационным каналам.

К примеру, жители столицы России долгое время имеют возможность регулярно видеть мэра Москвы в программе «Лицом к городу». Мэр существует в сознании москвичей именно в той интерпретации, которая создается многочисленными московскими и федеральными СМК. Другое восприятие, конечно, возможно. Но прежде чем оно появляется, возникает значимый фактор в масс-коммуникационном пространстве, определяющий изменение восприятия. Так, в самом конце 90-х годов прошлого столетия возник феномен тележурналиста С. Доренко, посредством главного телеканала страны обрушившего беспрецедентную критику, переходящую в клевету в адрес московского градоначальника. На какое-то время массовый потребитель информации был вовлечен в потребление иной стороны столичной действительности и городская власть была в его глазах другой, совсем другой.

Прошедшее с тех пор время не было потрачено московскими властями напрасно. Методично и планомерно информационный конструкт, являющийся мифологизированным образом заботливых муниципальных руководителей и начальников был воссоздан. Важно здесь то, что ни описание московской власти, предложенное Доренко, ни тот образ, который рождается по ее же инициативе не соответствуют действительности. В результате рядовой москвич не имеет адекватного представления о городских властях. Подобное же суждение еще в большей степени справедливо в отношении федеральных властей, так как от них рядовой член общества находится на еще большем удалении.

Даже в случае непосредственного контакта гражданина с государственным служащим он (этот контакт) несет на себе заметный отпечаток масс-коммуникативного воздействия. С одной стороны чиновник усваивает модель поведения, неоднократно представленную на телеэкране, в интернете, на газетной полосе. С

другой, обратившийся к нему гражданин априори уверен в незыблемости стереотипного образа чиновника (или милиционера), созданного в масс-медийном пространстве. В результате – уже заданы искаженные рамки общения человека с той или иной государственной структурой.

Однако, в обозримом будущем любой человек вообще вряд ли сможет вступить в прямое общение с государством. К тому же есть инициатива, активно продвигаемая российским президентом Д.А. Медведевым и поддерживаемая правительством, призывает освободиться от какого-либо непосредственного контакта с населением путем создания так называемого «Электронного правительства». Словом, рассмотрение всех запросов, жалоб, просьб, требований, конфликтных ситуаций, предложений предполагается перевести в режим переписки гражданина с государственным органом по сети Интернет (1).

В реальности помимо деbüroкратизации и борьбы с коррупцией, это будет означать возрастание анонимности власти, государственных институтов, их виртуализацию, отчужденность от общества и окончательное превращение в субъекта существующего исключительно на одной из сторон масс-коммуникационных каналов (телевизионного, сетевого, радиийного, печатного).

Если же говорить о политической системе в целом, то она такова, что любая политическая сила сегодня определена характером и степенью вовлеченности в масс-коммуникационный процесс. Абсолютное электоральное большинство знакомо лишь с теми политическими силами, которые имеют регулярное «представительство» в СМИ, в первую очередь электронных. Это означает полную невозможность для участия в политическом процессе тех политиков и политических объединений, которые не имеют доступа к массовой коммуникации.

По сути современный политик, как участник политического процесса еще в большей степени, чем представитель государства (политик получивший власть) является виртуальным субъектом, представляющим такого виртуального же политического мегасубъекта как парламентская партия. Однако если говорить о политическом процессе серьезно, то любой политик заслуживает упоминания теперь лишь постольку, поскольку ему удалось добиться упоминания о себе в СМК. И чем больше таких упоминаний, тем больше шансов у данного политика добиться успеха.

Борьба за власть означает борьбу за ключевые властные институты. Осознавая в качестве одного из таковых СМК, следует признать, что политическая жизнь, политическая борьба сегодня немыслимы без соперничества в области занятия и удержания передовых масс-коммуникационных направлений. Однако, до сих пор имеет место известное и консенсусно принимаемое лицемерие, когда при помощи различных эвфемизмов и постоянной фигуры умолчания процессы происходящие в медийной среде пытаются назвать либо хаотичными, либо вызванными «законами рыночного развития», либо «общими тенденциями развития СМК».

Но это совсем не так. А для ясности здесь уместно перефразировать известные слова, сказанные в начале XX века: «Всякая власть сегодня чего-нибудь стоит, если она умеет информационно защищаться». Информационно незащищенная власть недолговечна. Она становится легкой добычей противоборствующих сил и под активным информационным воздействием неподконтрольных ей ведущих СМК обречена. Вспомним! Натиск либеральной и социал-демократической прессы сыграл большую роль в «расшатывании» императорской России. С помощью воздействия либеральной прессы, телевидения и радио были в считанные годы диффамированы основы и позднесоветского строя.

Нынешняя российская государственность извлекла некоторые уроки. Поэтому совсем не случайно нескольким атакам подверглись олигархические струк-

туры, установившие в 90-е годы прошедшего столетия непомерную власть над ведущими телевизионными каналами страны – Б. Березовским (Первый канал) и В. Гусинским (НТВ). Непримиимые и влиятельные противники установившегося режима были лишены прямого мощного канала воздействия на массовое сознание. И здесь одна из причин того, что режим оказался довольно устойчивым.

Жители Российской Федерации за последнее десятилетие успели убедиться в эффективности СМК, создающих образ правящего лица государства и ведущей политической партии. Не уходя в оценочную плоскость, следует заметить, что ресурс народного доверия, выражаемый в устойчиво высоких рейтингах как для предыдущего президента В.В. Путина, так и для нынешнего президента Д.А. Медведева создавался во многом благодаря усиленным, методичным и планомерным воздействиям СМК (в первую очередь электронных) на массовую российскую аудиторию. Еще в более значительной степени данное утверждение относится к выдвижению в качестве ведущей политической партии «Единой России», уверенно занимающей первое место на всех региональных и федеральных выборах в местные и общедофедеральные законодательные органы.

Не верно думать, что вышесказанное относится преимущественно к российской социальной действительности. Процесс «перемещения» власти, государственных и политических институтов в сферу массовой коммуникации имеет глобальный характер. Политический класс, ведущие партии давно уже ведут борьбу на масс-медийных полях. Доступ к эфиру определяет возможность этих сил воздействовать на те социальные слои (большинство общества), которые А.Г. Дугин в одной из его статей были охарактеризованы как «телемасса». «Виртуальная масса состоит из телезрителей. Всё, чем они живут, это плоскость телеэкрана. В этой плоскости есть потребление, события, желание, вождение, фрустрация, наслаждение, насыщение, выбор, борьба, победа, поражение. В этой плоскости их жизнь. Телевизор – это судьба, говорят телемассы (говорят телемассам!). Всё, что делают телемассы, делает за них телевизор. Это дистанционная игра. Никогда ранее в истории массы не были точными эквивалентами физического определения массы, которая характеризуется одним качеством – инерцией. Телемассы в этом смысле идеальны, кроме инерции у них ничего нет. Вместо классового интереса, базиса или остатков коллективного бессознательного, связанного с культурой и традицией, у телемасс лишь следы прошлой передачи. Они прикованы к экрану, как говорил Ги Дебор, крепче, чем каторжник к кандалам» (2).

Совершенно справедливо А. Дугин указывает и на качественное перерождение самой массы в результате подобного воздействия. «В обществах модерна массы есть и играют роль субъекта. Модерн создан для масс. Вспомним «societe des masses» и Ортегу-и-Гасета. В постмодерне массы есть, но их нет. Они всё, но они и ничто. Они переходят в новую реальность, становятся виртуальными массами». И всё же! Если рассматривать влияние масс-медиа на государственные и политические институты, а также на политическую систему и политические процессы в целом, то надо выделить несколько важнейших аспектов.

Во-первых, СМК сами по себе являются одним из важнейших властных институтов. Основная проблема состоит в том, что современные социологи, социальные философы, и может быть в первую очередь правоведы, не ставят во всей остроте вопрос, заявленный в самом словосочетании «четвертая власть», которое закрепилось в качестве общеупотребимого понятия сначала в Латинской Америке XX века.

По свидетельству шотландского философа Томаса Карлайля уже в конце 18 века британский политик и философ Эдмонд Берк заявил выступая в парламенте, что «есть три власти; но на пресс-галерее представлена четвертая власть (The

Fourth Estate), более значительная, чем все они» (3).

Приблизительно через столетие понимание все возрастающего влияния масс-медиа выразилось, в частности, в следующей мысли американского политика Джона Калоуна: «Общественное мнение и его орган — пресса... уже достигли в цивилизованных странах такой силы, что ее чувствуют правительства этих стран — но это ничто перед тем, каков в будущем будет размах их влияния» (4). Следует признать, что Калоун неплохо прогнозировал будущее.

Тридцатью годами позже лорд Эктон написал: «Власть журналистики... заставляет людей действовать не в зависимости от собственных познаний, но от мнений других людей... Почти все нынче отдают свою совесть и здравый смысл в залог посторонним» (5).

Наличие в обществе еще одной власти вербально, да и фактически признано не сегодня, это так; однако осмысление данного феномена ведется обрывочно и бессистемно. Нет никаких попыток хоть в какой-то мере начать правовое оформление деятельности «четвертой власти» в связи с устоявшимися понятиями конституционного демократического общества. Словом, сложилась парадоксальная ситуация — роль масс-коммуникационных каналов во всех областях жизни, в том числе государственной и общественно-политической нарастает, но этого фактически стараются не замечать. Действительно: в обществе наличествует важнейший многогранный и многовекторный институт, являющийся субъектом по отношению к большинству значимых социальных процессов, а оно продолжает его воспринимать как нечто заурядное в длинном ряду социальных объектов. Речь должна вестись об обязывающей общественной дискуссии по данному поводу, о подходах юридической науки, политологии, политической практики, государственной власти.

Во-вторых, СМК радикальным образом видоизменяют государственные и политические институты, во многом изменяют саму структуру функционирования государственной власти, придают новый формат политической системе. Сегодня для большинства власть — это не то, что находится по ту сторону кремлевской стены, но то, что находится по ту сторону телевизионного экрана или монитора компьютера. Президент — главный (любимый или нелюбимый) телегерой. Премьер-министр — еще один телегерой. Есть герои и поменьше — министры, губернаторы, мэры, главы местных образований. Общение с рядовыми гражданами всеми ими осуществляется в опосредованной масс-коммуникационным пространством форме.

В-третьих, допуская, что публичный политик зачастую выполняет роль послушного функционера в руках политико-финансовой группировки, делегировавшей его в «массовый оборот», становится ясным, что в таком случае он выполняет роль политического шоумена, точнее роль коммуникатора, доводящего до массы потребляющей информацию те идеи и концепты, что принадлежат отнюдь не ему самому. По сути политик все больше становится коммуникатором и отчасти артистом — при помощи его голоса, внешности, обаяния можно добиться успешного позиционирования в СМК, а, следовательно, и продвижения в массовом сознании тех или иных идей.

Именно этим вызвано общее снижение уровня политических деятелей. Так, последний слой западных политиков старой формации, принимавших участие (разной степени) в принятии решений завершает деятельность. В связи с совершенствованием системы СМК потребность в них отпала. Им на смену идет новая формация политических деятелей, самым ярким из которых, выразителем тенденции можно признать избранного в США «скороспелого» сенатора из Иллинойса Барака Обамы.

На нынешнем этапе Обама выполнил роль политического Майкла Джексона – другой «звезды», которая была смоделирована гигантами медиабизнеса на основе изучения предпочтений большинства аудитории. Никакой позитивной программы, кроме призыва к «переменам» у сенатора Обамы не было. Однако, была молодость, ощущение «своего парня», которое испытали к нему миллионы представителей национальных групп и яркий образ альтернативности по отношению к «неудачнику Бушу».

Преимущественное присутствие Обамы в сети Интернет и на телевидении (в дни предшествующие голосованию все ведущие телеканалы США показывали часовые (!) рекламные фильмы о темнокожем претенденте) было единодушно признано всеми обозревателями как беспрецедентное информационное давление со стороны штаба одного из кандидатов по отношению к предвыборным кампаниям прошлых лет. Однако многочисленные политологи, словно сговорившись, при обсуждении «феномена Обамы» предпочитали обходить стороной такой весомый фактор его победы, как значительное преимущество в СМК и безоговорочная поддержка со стороны большинства ведущих американских изданий, каналов и агентств.

Автор статьи намеренно в данном случае рассмотрел эпизод зарубежной политической практики, чтобы не быть обвиненными в предвзятости. И вместе с тем, учитывая указанную персоналию, данный эпизод является во многом эпохальным, и как всегда в таких случаях, сопровождается наглядным набором признаков, характеристик, служит благодатной почвой для исследователя социальных явлений.

Кроме того, избрание на пост президента явного коммуникатора, но никак не политика, обладающего опытом реальной политической деятельности (чем, кстати, при всех вопросах к нему, обладал соперник Обамы Маккейн) произошло в одной из ведущих мировых держав, несмотря на все трудности, пытающейся сохранить статус единственной сверхдержавы.

Масс-коммуникативный характер современной власти по существу был «затвержден». Чем стала власть? Чем становится государство? Во что превращена политика? Вот те важнейшие социально-философские вопросы, которые возникают вместе с окончанием переформатизации легитимных властно-государственных институтов, тотального включения их генезиса и социального бытия в масс-коммуникационную среду. Если власть осуществляется посредством коммуникатора, значит ее источник находится у тех, кто владеет СМК или имеет возможность самым радикальным образом влиять на них.

Значительные изменения произошли и на другом полюсе масс-коммуникационных отношений. Сформирован новый человек массы. Следует согласиться с исследователями, полагающими произошедшим переход социальной массы в новое качество. О массах Х. Ортеги-И-Гассета, перед которыми он испытывал почти мистифицированный ужас и даже об «одномерном человеке» Г. Маркузе следует говорить как об оценочном аппарате прошлого.

Движение сегодняшней социальной массы сопряжено с коренным видоизменением человека, когда окончательно распадается его форма, складывавшаяся на протяжении двух с половиной тысяч лет христианской и протохристианской античной культуры. При этом сфера государственных и политических институтов является одной из тех зон общественного бытия, в которых наиболее зримо происходит несформулированный самим человеком вольно-невольный отказ от основных черт этой формы человеческого бытия, называемой обычно словом «личность». Человек стоит на грани утраты таких своих характеристик как индивидуальность, свобода и свободная воля, самосознание, система традиционных ценностей.

В большинстве случаев даже самый неординарный человек, наделенный высокими сознательно-волевыми качествами вынужден признать, что подчас имеет возможности далее эффективно противостоять определяющим общественным тенденциям. А они в свою очередь продуцируются, формулируются и в концентрированном виде отображаются СМК. Если нет самосознания, ощущения необходимости осуществлять личностную свободу (по сути, а не в форме выбора навязанного потребительского тотэма), отсутствует система каких бы то ни было устойчивых ценностей – невозможно и адекватное участие человека в государственной и политической жизни. Вернее сам он не испытывает никакой потребности в ней участвовать, но с легкостью соглашается на роль зрителя медийного спектакля имитирующего деятельность государства и политическую жизнь.

В нынешнем государстве коренным образом изменился как субъект государственного влияния, так и его объект. По существу главным и единственным признаком вхождения в элитарный круг, от имени которого осуществляется власть, стало попадание в сферу массовой коммуникации. Именно в телеэфире происходят сегодня посвящение, легитимация, утверждение, сакрализация... «Четвертая власть» не только активно вошла в государственно-политическую жизнь, не только оказывает решающее влияние на восприятие управленческих и политико-процедурных вопросов массовым обществом – помимо этого она переформатировала принцип складывания, легитимации и самой деятельности властных институтов. Сегодня обладание силовым ресурсом, даже в сочетании с финансовым обеспечением само по себе не гарантирует той или иной властной группировке хоть сколь-нибудь стабильного существования, а тем более устойчивой власти.

Исходя из сказанного следует признать – в сложившейся ситуации существует только два пути развития. Или СМК окончательно утвердят свое монопольно-анонимное положение мегаманипулятора, а масс-коммуникационное влияние по логике глобального развития будет сосредоточено в руках глобальной олигархии. Или общество найдет в себе силы поставить вопрос о введении деятельности СМК в четко очерченное правовое русло, которое будет подразумевать их общественное бытие в формах, обеспечивающих интересы всего социума. У каждого конкретного государства при таком развитии событий появится шанс на оздоровление государственно-политической жизни, ее реальную демократизацию в изменившихся условиях, а также сохранение собственной идентичности.

Отдельный же человек запальчиво названный когда-то Аристотелем «политическим животным», получая возможности соучастия и осведомленности в гласно формируемых СМК возвратит себе одну из степеней первичной социальной свободы – политической свободы. И шире – получит некоторые гарантии по защите своего сознания от целенаправленных воздействий, осуществляемых без его ведома на уровне контроля и обладания СМК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См. На расстоянии. Российская газета. N 4972 от 12 августа 2009 г. с. 3.
2. Интеллектуалы и интеллигенты // Литературная газета 14.04.2007.
3. Carlyle Th. The Hero as Man of Letters. 1840.
4. Calhoun J. C. A Disquisition on Government // Union and Liberty: The Political Philosophy of John C. Calhoun / Ed. by Ross M. Lence. Indianapolis: Liberty Fund, 1992. p. 43-44.
5. Lord Acton, from a letter to Mary Gladstone, June 1, 1880 // Essays in Religion, Politics and Morality: Selected Writings of Lord Acton. Vol. III / Ed. by Rufus Fears. Indianapolis: Liberty Classics, 1988. p. 71.

A. Gorbunov

STATE AND POLITICAL INSTITUTES IN THE SOCIETY OF MASS MEDIA COMMUNICATION.....

Abstract. Mass media communications influence the state, power institutions, political processes is considered in this article in association of system social evolution. Mass media communication is revealed as a source of regeneration of the power and the system of social institutions acquiring new features. The problem of progress development of personality and the state is risen taking consideration the further increase of the influence of mass media.

Key words: mass media, society, the state, personality, power, freedom, politics.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИЗАЙНА*

Аннотация. Статья посвящена проблеме сущности дизайна, которая выявляется, определяется с помощью философско-методологического анализа субъект-объектных отношений в дизайнерской деятельности. В данной статье рассматриваются определения дизайна, его виды, исторические границы существования, проблемы, а также методологическая база дизайна как вида деятельности человека.

Ключевые слова: система, дизайн, дизайнер, потребитель, вещь, деятельность, культура, образование, эстетика, духовность.

Глобальные социальные изменения современности и вытекающие из них последствия, которые заключаются в духовных проблемах и коллизиях, вызвали пристальный интерес к изучению вопросов категориальной философской системы, методологии и логики исследования объективных закономерностей деятельности человека, материального производства в новых условиях развития человека и общества в целом. В этом контексте актуализируется обращение к философским категориям «субъект», «объект», «взаимодействие» и другим, с помощью которых в данной статье будет рассмотрен дизайн. В сфере анализа оказывается объективная реальность во всей ее сложности и полноте, преодолевается умозрительный подход к человеку, вещи, деятельности, в частности дизайнерской, которому не свойственно глубокое изучение особенностей и сущностных связей дизайнерской деятельности, как имманентного компонента любой деятельности человека.

Историческое развитие дизайна связано с поступательным изменением науки и техники и совершенствованием социальных структур. Дизайн, дизайнерское творчество – это часть человеческой культуры, но насколько велика эта часть и когда она появилась существует две основных точки зрения на время возникновения дизайна.

Первую составляют теории, связывающие появление дизайна с началом промышленного производства в конце 18-го века. Вторая позиция настаивает на существовании дизайна с момента возникновения человеческой культуры. Например, исследователь дизайна Быстрова Т. Ю. считает, что дизайн был практически всегда: она указывает на то, что дизайн, как и искусство, и медицина «присутствовали в культуре в скрытом виде и не были представлены ни как отдельный социальный институт, ни как профессия или специализированный вид деятельности» [1, с. 96].

Рассмотрев различные позиции о временном интервале существования дизайна, можно заключить, что у всего есть свои истоки, поэтому дизайн не мог появиться ниоткуда в конце 18-го – начале 19-го вв. Его история далеко уходит корнями ко времени появления человечества. Это проявляется в использовании принципов, положенных в основу дизайна, – таких, как: функциональность, эргономичность, польза, удобство в обращении, эстетическая выразительность, экологичность и др. Данные принципы были применимы и в древности при создании человеком простейших предметов обихода, и в наши дни, при проектировании интерьеров, мебели, техники и т. д. Но, конечно, по-разному.

Дизайн называют феноменом проектной деятельности человека, которому

* © Ермолина Л.А.

присуще специфическое свойство – проектное сознание, суть которого состоит в стремлении осуществлять изменения в окружающей среде, в том числе искусственной, планировать решение возникающих при этом задач. Не только профессионалы-проектировщики (конструкторы, технологи, архитекторы, дизайнеры), но и государственные и общественные деятели, научные работники, менеджеры и другие постоянно ставят и решают различные проектные задачи.

Основные переводы термина «дизайн» включают такие понятия, как: проект, план, чертеж, узор, умысел, намерение, конструкция, проектирование, конструирование, композиция и даже произведение искусства. Само слово «проект» буквально значит «брошенный вперед», что подчеркивает связь дизайнерской деятельности не только с настоящим, но и будущим. Значит, дизайн – это деятельность, основанная на потребностях и идеях человека, которая состоит из: подготовки предварительных эскизов или планов, создания проекта, т.е. это материальная реализация замысла и направлена она не только на удовлетворение потребностей и запросов заказчиков, но и на планирование дизайна будущего.

Смысловые корни термина «дизайн» восходят к латинскому «designare» – определять, обозначать. Итальянское «disegno» со времен Ренессанса обозначало проекты, рисунки, а также основополагающие идеи. В Англии понятие «design» (англ. design – проектировать, конструировать) распространилось в 16-м веке и представляло собой проектную художественно-техническую деятельность по разработке промышленных изделий с высокими потребительскими свойствами и эстетическими качествами, по формированию гармоничной предметной среды жилой, производственной и социально-культурной сфер.

Исследователь дизайна В.Ю. Медведев предлагает следующее определение дизайна: «Дизайн – это творческий метод, процесс и результат художественно-технического проектирования промышленных изделий, их комплексов и систем, ориентированного на достижение наиболее полного соответствия создаваемых объектов и среды в целом возможностям и потребностям человека как утилитарным, так и эстетическим» [3, с. 110].

Здесь подчеркивается, что термином «дизайн» может обозначаться не только сама дизайн-деятельность (ее процесс), но и ее метод, и ее результат (дизайн-продукт). Определяется сущность дизайна как проектная творческая деятельность, совмещающая в себе художественное и техническое начала. Указывается, что объектами дизайна являются разнообразные изделия, комплексы, системы (формирующие предметную среду), рассчитанные именно на промышленное производство. И подразумевается, что, ориентируясь на индустриальное производство, дизайнеры, безусловно, не забывают о его эффективности, рентабельности (равно как и о прибыльности в торговле). Как наиболее существенное в этой дефиниции выделяется антропоцентрическая нацеленность дизайна, выражающаяся в стремлении учитывать возможности человека, использующего тот или иной дизайн-продукт, и весь круг его потребностей, запросов, предпочтений, воплощаемых и в утилитарно-технических и социально-культурных (в том числе эстетических) свойствах произведений дизайна.

Сейчас достаточно часто слово «дизайн» означает собственно деятельность художников в промышленности, значительно чаще – продукт этой деятельности (вещь или систему вещей), а иногда – область организации деятельности, взятую как целое. В некоторых случаях «дизайн» трактуется предельно расширительно и далеко выходит за рамки обозначения деятельности художника по решению задач промышленного производства. Несмотря на то, что дизайн начал зарождаться на базе техники, искусства и науки, ассимилируя и поглощая элементы их всех, он сумел стать особым и самостоятельным видом деятельности, со своими специфич-

ческими целями, задачами, средствами, функциями.

Дизайн сегодня решает свои собственные задачи, более сложные, более комплексные, чем все те, которые решались уже существующими видами деятельности. В своих истоках практика и теория дизайна исходили из задачи целенаправленного формообразования вещей. Но сегодня идеи и методы дизайна внедряются в проектирование самых различных предметов, лежащих за пределами мира вещей как таковых. В настоящее время дизайн «вплетен» во все сферы проектной деятельности, он воплощает образ жизни, культурно-эстетические идеалы и этические императивы.

Дизайнерский проект бывает чистой фантазией (научная фантастика, утопия в ее наиболее развернутом виде), моделированием нового (отдельные научные проекты) или, напротив, развитием неких уже существующих свойств и качеств бытия (реконструкция) и даже восстановлением того, что исчезло (археологический проект, реставрация). Проектирование принципиально новых промышленных изделий, косметические изменения во внешнем облике промышленной продукции без серьезного изменения его технических характеристик, создание фирменного стиля, охватывающего все сферы деятельности современной корпорации, решение экспозиций – все это сегодня называется дизайном и выполняется профессиональными дизайнерами.

С развитием машинного производства, с изменением восприятия человеком изделий промышленного производства можно говорить о появлении промышленного дизайна в качестве самостоятельной области деятельности. Рассматривая различные проявления дизайна в 21-м веке, можно убедиться, что практика дизайна постоянно расширяется: в его сферу, кроме индустриального, входят выставочный дизайн, полиграфический дизайн, дизайн одежды и аксессуаров, компьютерный дизайн, арт-дизайн, арт-кар, дизайн архитектурной среды, ставший модным в нашей стране ландшафтный дизайн, рынок услуг непредметного дизайна, составляющий большую часть дизайна.

На основе исследований явлений и процессов современного дизайна можно выделить его объект и субъектов, цели, методы, функции и т.д.:

1. Объектом дизайна может оказаться любая вещь, совокупность вещей, предметно-пространственная среда, оказание услуг в сфере дизайна. В начале 21-го века объектом промышленного дизайна является вся окружающая рукотворная среда и стиль жизни человека. Но в историческом процессе основным объектом дизайна выступала вещь.

2. Целью дизайна исходно выступала гуманизация материального окружения человека, выражающаяся в его упорядочивании соответственно этическим и эстетическим нормам данной эпохи и данного культурного региона.

3. Методы дизайна наиболее близки к композиционным методам, выработанным в архитектуре, но включают в себя и эвристические приемы изобретательства, а также приемы и методы, применяемые в различных видах художественного творчества и даже научной деятельности.

4. Субъектом дизайна является любой человек или, к примеру, какое-нибудь животное, дизайнер и потребитель, поэтому в методологии дизайн-проектирования повышенное внимание уделяется не только эргономическим, но и социально-культурным, а также психологическим характеристикам потребителя, что способствует решению как прагматических, так и гуманистических задач профессии.

Вещи, окружающие человека, влияют на его поведение, сознание, образ мыслей, менталитет: они помогают людям в процессе взаимодействия с природными силами, образуют защитную оболочку, своеобразную культурно-предметную кап-

сулу, располагающуюся на границе природы и культуры. Они имеют своей основой природное вещество, - но вещество, преобразованное в соответствии с потребностями и замыслом человека. Вещи произведены внутри культуры, и именно способность производить делает человека культурным существом. Одновременно предметы, вещи, выступают проводниками отдельного человека в мир культуры, позволяют адаптироваться к различным культурным стратегиям.

На ранних стадиях развития человека приобщение к культуре происходит посредством не текстов, а вещей, в процессе элементарного пользования ими. Такое приобщение оформляется ритуалом, благодаря которому функция вещи перестает быть самодостаточной, вплетается в контекст представлений о мире и месте в нем человека и продуктов его деятельности, культурных ценностей и кодов. Дизайнерский продукт отражает и воплощает уровень индивидуальных способностей, вкусов, знаний, мировоззренческих установок; а также уровень развития культуры и цивилизации, техники и технологий, методов и навыков, отношений культуры к природе; может выступать носителем культурных символов и ценностей.

Создание предметно-вещественной среды обитания во все времена является сложным и ответственным делом, поскольку творец не только отвечает на определенные потребности человека, но и формирует его поведение, образ действий, эмоциональное состояние, эстетическое восприятие и т.п. Независимо от воли и желания создатель «вкладывает» в вещь информацию о себе, своем развитии. Он творит вещи, предметы, объекты, добывает различные материалы из природы, человек-творец, создавая для себя различные вещи, которые суть «часть» его самого и окружающего его мира и сделаны по «человеческому образцу».

Вещей вне культуры не бывает. Любая, созданная людьми вещь, в той или иной степени воплощает в себе главное предназначение культуры – закреплять коллективный исторический опыт жизнедеятельности, накапливать и хранить его, быть универсальным вместилищем социальной памяти человечества. Есть и другое назначение культуры – передавать накопленный и накапливаемый опыт человечества, быть системой коммуникации между людьми. И вещи, созданные в прежние времена и создаваемые теперь, оказываются полномочными представителями культуры, выполняя как функцию накопителя опыта, так и функцию коммуникатора и транслятора исторической информации.

Смысл вещи – есть ее внутренняя суть. Смысл выражается не только в вещи, но в образе, вложенном в вещь. Понять смысл – значит увидеть объект как образ социально-культурного бытия. Смысл – это идеальное содержание, идея, конечная цель объекта. Культуросообразность – вот критерий соответствия и актуальности вещи в жизни человека.

Вещь вызывает у потребителя такие эмоции, как приятное чувство от логики построения формы, т.е. от тектоничности, соразмерности, масштабности, пропорциональности, удобства, надежности, а также различные эмоции и эстетические переживания. Художественное произведение – это «передача», «кодирование» в материальном объекте некоторого идеального содержания и последующего его «прочтения» воспринимающим.

Человек одушевляет вещь, она сопряжена со своим создателем и начинает взаимодействовать с человеком в процессе сосуществования. Вещи не только удовлетворяют разнообразные потребности человека, но и фиксируют информацию о своих создателях, обеспечивая передачу жизненного опыта и способствуя социализации каждого нового поколения. Человек реализует в продукте, который он создает, не только индивидуальный опыт, но и опыт предшественников. Через вещь человек опредмечивает себя. Использование вещи - это процесс объективи-

рования замысла, преобразование вещества природы посредством человеческой деятельности.

Нередко дизайнеры забывают, что вещи формируют людей. При этом из сложной и неоднородной системы «люди – вещи – связи людей» «вынимают» и все, что им присуще в качестве элементов этой системы, т.е. создано другими элементами, начинают рассматривать как независимое от условий жизни, обусловленное природой человека и имеющее внутренние законы своего развития. Такие воззрения предельно устарели, предметный мир рассматривается как материализация человеческих сущностных сил и как важнейшее средство и условие формирования человеческого самосознания.

Дизайнер и потребитель общаются с помощью языка дизайна, который имеет свою грамматику, создается всей совокупностью культурно-эстетических представлений общества, социально-историческими и психологическими факторами. Человек-дизайнер должен привносить в создаваемую материальную форму смыслы, связанные с общепринятыми эстетическими идеалами и с технической сущностью вещи. Тогда будет учтена потребность потребителя воспринимать вещь в целостности с окружающим миром, т.к. человек нуждается не только в утилитарном, нормативно-эстетическом, но и в художественном и культурном восприятии. Сейчас на «рыночном» этапе развития российской экономики многие из существующих произведений дизайна не являются знаковыми текстами для потребителей, не несут в себе систему целостной культуры, в результате чего потребитель не может прочесть и понять смысл дизайнерской концепции.

В наше время связь Природа – Человек – Вещь все более ослабевает, потому что ослабло звено Природа - Человек. Утрачивая важную связь с природой, со своей историей, традициями и культурой, человек сам себя уничтожает. Люди перестают прислушиваться к природе. В настоящее время человек далеко вывел из диапазона своей деятельности идею жизни в гармоничном сосуществовании с природой, друг с другом и со всем Космосом. Искоренение традиционного подхода во многих культурах, создание во всем «интернационального стиля», «обесценивание» ценностей привело к снижению культурно-эстетического уровня человека, духовному упадку современной культуры.

В процессе глобализации тесно сосуществуют и борются две тенденции: как и что сохранить от прежних систем восприятия, культур, верований; какие принципы будущего существования социума нужно развить и сформулировать, чтобы эти принципы позволили сохранить преемственность и отвечали запросам и потребностям меняющегося человека и человечества.

Многие современные люди видят мир в черно-белых, непривлекательных тонах, потому что они неверно, неглубоко, одномерно воспринимают природу, культуру, социум. Красота и гармония природы перекрывается, блокируется у многих людей рациональным, жестко-логичным «экраном» и мир не воспринимается ими во всей «полноте красок». Исключение из программ обучения во многих учебных заведениях эстетических и нравственных ценностей, культурных образцов и национальных приоритетов способствует формированию людей рационально-ограниченных, духовно бедных, действующих по простому образцу, лишь по алгоритму.

Для восстановления закономерных и необходимых для нормального существования человека связей нужно формировать и совершенствовать его духовный мир, потребности, возможности, культуру, влияние которых будет непосредственно отражено в создаваемых человеком объектах, вещах, а они, в свою очередь, будут гармонично функционировать и оказывать на окружающую среду благоприятное воздействие.

Итак, дизайн – это предметная формообразующая деятельность по созданию вещей и систем вещей, гармонизирующих бытие человека и его взаимодействие с другими людьми, закономерно продолжающая процесс установления телесно-духовного соответствия между вещью и человеком. Главная цель дизайна - создание функциональной вещи, продуманной, удобной в использовании, сообразной с законами красоты и гармонии Бытия. Предметный мир необходимо проектировать системно – задавать систему идеалов, определять возможные тенденции и перспективы развития человеческой деятельности, проектировать новые формы деятельности. Такое проектирование предполагает и особый подход в социальной деятельности – формулирование новых задач, выделение новых объектов, разработку новых средств и новое видение мира. Это значит, что необходимо разработать новую форму социальной организации деятельности и построить соответствующую ей систему образования, а последняя может выстраиваться только на культурных и духовных ценностях, традициях и идеалах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Быстрова Т. Ю. Вещь. Форма. Стиль: Введение в философию дизайна. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001
2. Лаврентьев А.Н. История дизайна. М.: Гардарики, 2006
3. Медведев В. Ю. Сущность дизайна. – 3-е изд., испр. и доп. СПб.: СПГУТД, 2009. - 110 с.

L. Ermolina

THE PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF DESIGN

Abstract. The article is devoted a problem of essence of design, which comes to light, defined by means of the philosophical analysis the subject-objective of relations in design activity. In given article design definitions, its kinds, historical borders of existence, problems, methodological base of design are studied by the author.

Key words: system, design, the designer, the consumer, a thing, activity, culture, spirituality.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ*

Аннотация. В статье рассматриваются основные функции государственной власти нашей страны в деле совершенствования системы национальной безопасности, которые обусловлены положениями Конституции Российской Федерации, а также реальными угрозами, которым подвержена наша страна.

Ключевые слова: безопасность страны; государственная власть; потенциал; роль; система национальной безопасности страны; фактор; федерализм.

Сегодня в нашем обществе, в политических и научных кругах России, большой интерес представляет исследование проблем взаимосвязи ветвей власти и их роль в развитии общества, статус и функции законодательной, исполнительной, судебной властей в обеспечении безопасности страны, каждого её гражданина. Несомненно, что стратегия и политика национальной безопасности страны в значительной степени может реализовываться только на реальной «действенности» государственной власти, всех её ветвей. Именно она обладает реальной возможностью принятия и реализации обязательных и, в какой-то степени, «принудительных» решений для создаваемых ею же сил и средств и их практических действий во всех ситуациях, где возникают социальные противоречия, создающие угрозы для граждан, общества, страны. При этом, как отмечают многие исследователи, государственная власть ориентирована на то, чтобы всю свою деятельность по совершенствованию системы национальной безопасности осуществлять легитимно, используя *правовые нормы* [1, с. 100-229].

И ещё! Так как в настоящее время практически во всех странах мира, в том числе и в нашей стране, сами граждане могут предоставлять этим нормам «жизненность», то это позволяет утверждать, что народ через государственную власть может реально управлять процессом обеспечения своей национальной безопасности.

В изложенных мыслях, которые отражают содержание происходящих в стране процессов, заключён ответ об одной из функций, которые способна исполнять государственная власть в укреплении и совершенствовании системы национальной безопасности России. Её можно сформулировать следующим образом: государственная власть – это «*правовая основа*» формирования системы национальной безопасности страны.

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации, для каждой ветви государственной власти предопределён её *статус*, перечень её возможностей и ответственных обязанностей [2]. Правда, что касается судебной власти, то её роль в деле решения вопросов по обеспечению национальной безопасности, менее всего обозначена в Конституции Российской Федерации.

Да и положение судебной власти в стране в определенной степени противоречиво. С *одной стороны*, это очень сильная власть, так как только она может осуществлять правотолкование и правоприменение, и, конечно, обладает реальной возможностью воздействовать на тех или иных субъектов как внутри страны, так вне её пределов, которые могут создавать угрозы для наших граждан, общества

* © Королёва Ю.М.

и страны. С другой стороны, это сравнительно слабая власть, потому что она не опирается на прямую поддержку избирателей как власть законодательная и не обладает ресурсной «базой» как власть исполнительная.

Так вот, что касается потенциала нашей государственной власти как «правовой основы» системы национальной безопасности, то сегодня, по суждению диссертанта – автора статьи, в осуществлении этих «своих» функций ей следует обратить внимание на следующие моменты.

Во-первых, это действия «ряда общественных структур», отдельных лиц и даже групп, которые осуществляют экспансию против нашей страны, наших граждан, когда государственная власть, если речь идёт о других странах, не может или не способна им противодействовать.

Например, особым предметом деятельности всех ветвей государственной власти, в том числе и судебной, в вопросах обеспечения национальной безопасности России, должно стать оружие массового уничтожения (ОМУ), которое сейчас доступно как в научном плане, так и с технологической стороны для многих организаций, и даже для отдельных лиц. Речь идёт о химическом, бактериологическом и других видах.

Реального же «механизма-контроля» за изготовлением и использованием такого ОМУ отдельными лицами нет. Так, уличить нарушителей законодательства по производству биологического оружия сегодня практически невозможно. Все дело в том, что очень трудно провести ту грань, которая отделяет попытку создать опасный микроорганизм от стремления разработать эффективную вакцину. Более того, ведь как изготовить, так и применить некоторые виды ОМУ могут отдельные специалисты инкогнито. При этом может погибнуть значительная часть населения, но жертвы (и не только они!), скорее всего, так и не узнают, от чего они погибли и кто их убийца.

Следовательно, в первую очередь в стране нужно создавать и принимать соответствующие нормативно-правовые документы и формировать соответствующую парадигму действия правоохранительных органов.

Во-вторых, значимыми, в контексте совершенствования национальной безопасности, являются новые формы проявления экспансии в виде различных типов «социального терроризма»: информационного зомбирования (особенного внимания требует Интернет); финансовых манипуляций»; «культурных» вызовов и угроз. Они способны без активных военных действий «разрушать» страны, превращать людей в послушных исполнителей воли отдельных групп, лишать их «самости» – самоидентификации и суверенности.

И мы, к сожалению, свидетельствуем, что пока не существует достаточно разработанного «механизма» минимизации или исключения данных проявлений экспансии в нашу страну! По мнению же автора, законодательная и судебная власти имеют возможность разрешить данную проблему. Так, например, они способны поставить под законодательно-судебную оценку принцип: *«разрешено всё, что не запрещено»!* Другими словами, судебная власть страны, в соответствии с Конституцией России, вправе действовать в пределах, прямо предусмотренных российскими или международными правотворческими органами, по принципу: *«разрешено всё, что разрешено».*

А в международном аспекте для реализации такого принципа можно проработать вариант *«развитие мер доверия»* между руководством разных стран. Есть основания полагать, что подход к защите конституционных ценностей, в том числе прав и свобод человека, может найти свое конкретное выражение в формировании *«единого»* конституционного правового пространства, как минимум в Европе. Как результат, мера доверия может и должна, по нашему мнению, воплотиться

в создание конституционного права *наднационального уровня*. Тогда судам всех стран, в том числе и нашей, можно будет «напрямую» участвовать в формировании и обеспечении национальной безопасности.

Пока же такого положения дел нет, то вполне допустимо кроме двухсторонних и международных соглашений между странами, утверждать формы и способы судебного международного контроля, когда суды стран в этом процессе участвуют непосредственно. В нынешних международных условиях, при «дефиците» взаимного доверия, такие меры просто необходимы. В целом же, наша государственная власть, в разрешении выделенных нами проблем, относящихся к национальной безопасности, обязана выполнять следующие функции:

- правового контроля за деятельностью всех органов, входящих в систему национальной безопасности Российской Федерации;
- гармонизации интересов этноса, нации, личности, общества, государства, деятельности всех социальных институтов и органов в стране;
- оптимизации ограничительных норм и допущений, которыми пользуются граждане;
- регулирования деятельности граждан, юридических лиц, государственных органов и органов местного самоуправления;
- выработки проектов нормативных правовых актов, подготовленных на базе устоявшейся судебной практики.

Например, целый ряд государств могут заключить многосторонний договор о наделении различных судов соответствующей компетенцией. Кроме того, на основе решений ООН возможно предоставить судебным органам реальные права для защиты национальных интересов государств на международном уровне. То есть, не только участвовать в международных судах, а именно защищать национальные интересы в национальных судах. Это будет новым качеством международного сотрудничества на уровне *глобальной* справедливости и безопасности.

Право и безопасность - это аспекты, которые уже сегодня необходимо изучать и поставить на повестку дня в процессе судебной реформы. Никогда еще не стоял так остро и взаимосвязанно вопрос о правах, обязанностях и безопасности страны и мира в целом, как он стоит сейчас. Вот только один аспект: записанная в концепции национальной безопасности мысль о том, что наша безопасность основана на защите интересов личности, общества и государства и требует внимательнейшего теоретического осмысления.

Данная понятийная и реальная связка этих явлений реальной жизни детерминирует и предопределяет такое сложное явление как патриотизм наших граждан. Ведь реальная воинская служба, служба в правоохранительных органах, предполагающая жизненный риск, не может быть эффективной и квалифицированной, если не будет основываться на патриотизме, пронизанном высоким уровнем прав и обязанностей гражданина нашей страны.

Наш реальный патриотизм - это социальное, психологическое и нравственное состояние человека. Он включает свободу от унижений, сочетание обязанностей и прав, свободы и ответственности. Он базируется на высокой национальной идее. Государственная власть обязана «донести» до каждого, сформировать в процессе социализации человека высокий уровень его нравственной зрелости, утвердить в его сознании мысль, что она одновременно является гарантом его прав как гражданина страны. Именно она способна оптимально сдерживать, сбалансировать индивидуальные (в частности, зачастую эгоистические и взаимоисключающие) *интересы* отдельных граждан и разного вида общностей, которые и есть, в определённой степени, выражение их прав. Осмысленные и принятые гражданами взаимоограничения, взаимоответственность и взаимообязанности, будут «це-

ментировать» не только патриотизм народа, но и обуславливать высокий уровень личной, групповой, этнической и национальной безопасности страны.

Правда, между теоретическими положениями и реальной практикой будет существовать несоответствие, несовпадение. Объективные условия, реальные события и процессы, происходящие в мире, значительно воздействуют на изменение функций как самой государственной власти в деле укрепления безопасности страны, так и отдельных ее ветвей. Так, «новые» формы проявления «протестного» терроризма настоятельно ставят вопрос о необходимости, с одной стороны, осмысления этого «явления» с правовой точки зрения, а с другой - рассмотрения, анализа и оценки содержания процесса обеспечения национальной безопасности с позиций права, закона, деятельности и функционирования правоохранительных органов, определения новых способов, средств и приемов их формирования.

Важнейшие фактические возможности государственной власти в совершенствовании системы национальной безопасности заключены в *принципе разделения властей*. Другими словами, роль государственной власти в системе национальной безопасности заключена в *потенциале сдержек и противовесов*, который содержит в себе принцип разделения властей и который обеспечивает как статусное положение ветвей государственной власти в системе национальной безопасности, так и «наделяет» их ответственностью за состояние национальной безопасности.

Реально, в рамках данного принципа, ветви власти выполняют задачи по совершенствованию национальной безопасности не столько равноудаленно друг от друга, сколько в определенном статусно-ролевом взаимодействии, защищая высшую ценность - жизнь человека, его права и свободы. В этом проявляется реальная диалектика взаимосвязи ветвей государственной власти и элементов системы национальной безопасности, элементов системы национальной безопасности и государственных органов страны. По своему содержанию - это своеобразная *диалектика* позиций, прав и обязанностей.

В этой диалектике *идеология* системы национальной безопасности может и способна стать «объединяющей» идеологией политической системы страны, «объединяющей» идеологией создания единого нормативно-правового поля деятельности граждан и государственной власти страны. В отдаленном будущем она может стать системообразующим фактором создания «общества трудового сотрудничества и гражданского самоуправления».

Другими словами, при фактическом наличии разделения государственной власти в стране, система национальной безопасности становится соизмеримой величине развитости в стране правового государства. Это, конечно, «качественный показатель» раскрытия потенциала принципа разделения властей в системе национальной безопасности страны. Функционально данный потенциал проявляется в *свойстве* государственных органов, учреждений и государственных служащих строго следовать нормам, правилам, объективным законам функционирования системы национальной безопасности страны для выполнения ею тех функций, той роли, для которой она и создается.

Другими словами, каждый, кто включен в систему национальной безопасности, государственная власть в том числе, должны использовать свои возможности не по чьему-то желанию, а во имя и для защиты ценностей страны и ее граждан. Государственная власть должна действовать не просто как единая система, но как единое целое в плане решения задач и разрешения проблем по предотвращению развития различных видов экспансии в стране и в страну.

Заметим также, что особую роль в деле совершенствования системы национальной безопасности играет «*принцип федерализма*». Федеративное устройство представляет собой не способ децентрализации и «разделения» государственной

власти, а «средство», «механизм» её концентрации в решении вопросов предотвращения или минимизации угроз для страны и её граждан.

Автор считает, что именно в сочетании возможностей отдельных субъектов России и федерального устройства страны кроются совершенно новые возможности включения государства в изменяющуюся систему международных отношений, в изменяющуюся политическую и военную обстановку в мире, в обеспечение эффективного функционирования системы национальной безопасности страны, в её совершенствование.

Недаром, многие исследователи справедливо отмечают, что возможности федерализма сегодня ещё не нашли должного отражения в теоретических рекомендациях, которые необходимо использовать при принятии и реализации политических решений как руководством страны, так и руководством субъектов Российской Федерации по вопросам безопасности [3, с. 4-7; с. 27-32; с. 11-16].

Очевидно, для раскрытия возможностей федерализма необходимо выявить те свойств и качества федерализма, которые прямо и опосредованно относятся к формированию и укреплению безопасности страны. Автор придерживается точки зрения, что *федерализм* представляет собой и конституционно установленную *форму* государственного устройства, и конституционный *принцип* разделения государственной власти «по вертикали», и конституционно закреплённую *структурную часть* механизма общественного самоуправления, и конституционно-организационную *гарантию* прав и свобод человека и гражданина [4, 149-150].

Следовательно, *федерализм* - это идеология и образ жизни, это принцип взаимоотношений между различными государствами, а также общностями людей и государством вне зависимости от формы его политико-территориального устройства, содержанием которого является оптимальное и справедливое разделение публичной власти в обществе на основе децентрализации, учета интересов всех сторон этих связей и отношений.

В этом смысле он включает в себя совокупность *нормативно-правовых регулятивов* [5], позволяющих государственной власти выразить себя таким образом, что власть субъектов дополняет и усиливает федеральную государственную власть. При этом, обеспечивается свободное, суверенное, безопасностное и прогрессивное развитие страны в целом, всех граждан в ней проживающих, а также всех структурных элементов федерального государства. Федерализм предполагает также, что все организации, учреждения и другие структуры федерального государства обязаны действовать на основе правового регулирования и в русле выбранного на родом пути своего развития.

Правда, *федерализм*, таит в себе и *негативные возможности*, ибо предполагает возникновение межсубъектных противоречий. Он реально «порождает» переход властных полномочий как государственных, так и местного самоуправления под бесконтрольную власть «аппарата». В таком случае на уровне субъектов федерации и на федеральном уровне будут создаваться сплочённые группы коррумпированных руководителей всех отраслей экономики, правоохранительных органов, партийных руководителей и даже армии и флота. Это особенно опасно в условиях национального суверенитета отдельных регионов, многонационального уклада жизни и деятельности структур страны и общества.

Не последнюю роль в реализации возможностей федерализма будут играть и культура народов страны, и особенности религиозной веры этносов и наций её населяющих, и в каком историческом времени данный принцип реализуется, и в каких международных условиях находится конкретная страна, и так далее. Но в целом, по мысли автора, потенциал федерализма, в деле совершенствования системы национальной безопасности, заключён в следующем:

Во-первых, федерализм позволяет обеспечить единство государства в условиях его территориальной организации на нескольких уровнях, ибо проявляет себя не только как принцип и форма государственного устройства, но и как режим государственной власти [6, с. 7].

Принцип федерализма позволяет обеспечить равноудалённость и равноприближённость всех субъектов федерации к «центральной власти», формирует своеобразную преграду по нанесению ущерба соседу. Он снимает противоречия в отношениях между субъектами по критерию «свой-чужой», которые реально детерминируются этнонациональной самодостаточностью, на основе социально-психологических факторов. Так, по суждению В.Е. Чиркина, в федеративном государстве, пока субъект (субъекты) остаются в составе федерации, *есть всегда*, нормы и способы регулирования отношения посредством исключения вооружённого насилия [7, с. 31].

Особенно значимо союзнические отношения в СССР были проявлены период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Александр Твардовский в своём произведении «Я убит подо Ржевом», выразил этот героизм следующими словами:

«Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали,-
Были мы наравне...» [8, 129].

Во-вторых, федерализм содержит возможность совершенствовать систему национальной безопасности как во «внутреннем» пользовании её, так и во вне, в отношениях нашей страны и субъектов Федерации с другими странами и субъектами международных отношений [9, с. 11]. Другими словами, федеральное государство приобретает такую *мощную силу*, которая создает условия для свободного и всестороннего развития всех своих субъектов и граждан. Федерализм позволяет воплотить в жизнь высший принцип гуманистического развития: «свободное развитие каждого, есть условие свободного развития всех».

Реально, субъекты федерации получают властные права, соизмеримые с их возможностями, которые они могли использовать для своего внутреннего развития. При этом, все они остаются в равных статусных положениях. Это не позволяет унижать народы друг перед другом, исключает дискриминацию, формирует объединительный вектор совместного действия и общий героизм-патриотизм.

Укрепляется и утверждается в жизни «взаимообязанность и взаимответственность» не только граждан, но субъектов федерации в решении всех вопросов жизнедеятельности общества. Ведь в федерализме выражена особая возможность правового регулирования отношений между «своими» субъектами и субъектами межгосударственных отношений, что также влияет на процесс создания и функционирования системы национальной безопасности такого государства.

В-третьих, в деле совершенствования системы национальной безопасности потенциал федерализма заключён в *духе* федерализма, пронизывающего и «окормляющего» социальную составляющую каждого в отдельности и всех вместе. Федеративное устройство государства в государственно-правовом отношении создает уникальную возможность организовать общественную жизнь так, чтобы в ней единичное (личностное), особенное (коллективное, региональное) и общее (общегосударственное) свободно сочетались, дополняли и усиливали друг друга, сохраняя и укрепляя многообразную целостность.

Словом, в *духе* федерализма содержатся:

- *убеждения* в возможности разрешения противоречий на основе взаимно принятых международных, межгосударственных правовых норм;

- всё более возрастающее *понимание* социально-экономической взаимозависимости всех субъектов межгосударственных отношений;
- *осмысление* всё более возрастающей взаимной обязанности всех народов в решении проблем, которые принимают глобальный характер;
- *уяснение* необходимости укрепления солидарности по безопасностному решению стоящих перед человечеством проблем;
- всё более чёткое *осознание* ограниченности ресурсов, которые могут быть использованы человечеством в процессе его развития, и взаимное понимание того, что их важнее истратить на мирные цели, чем на цели военные.

Правда, применительно к современному состоянию реализации федерализма в стране, его факториальные возможности в деле совершенствования безопасности определённой степени *снижены*. Всё дело в том, что в России федерализм ещё не сложился как «...структурно-организационный принцип, как многоуровневая система, основными признаками которой являются целостность, единство и многообразие, как особая система властеотношений» [10, с. 23].

Так, в нашей стране наличествует неодинаковый правовой статус субъектов. Он заключается в том, что в ряде Конституций субъектов (Уставов) наличествуют несоответствия с Конституцией Российской Федерации, а сами данные документы содержат отличия по отношению друг к другу. Да и развитие Российской Федерации в последние годы характеризуется *значительным усилением централизации* государственной власти, усилением роли федерального центра. Федеральные законы по предметам совместного ведения нередко принимаются как законы по предметам ведения Федерации и не предоставляют субъектам возможностей учитывать в их деятельности их экономические, этнонациональные, региональные особенности [11, с. 50-51].

То есть, у нас, при заявленной и закреплённой в Конституции РФ самостоятельности субъектов федерации, реально многое зависит от решений федерального центра. Все это обусловлено тем, что практически большинство из субъектов не может самостоятельно решать многие экономические и социальные вопросы и задачи духовного развития сообществ и людей, проживающих на их территориях.

К отмеченным особенностям реального федерализма в стране относится и *проблема самостоятельности и единства этносов, народностей и наций*, проживающих в нашей стране и в республиках [12, с. 119]. Данная проблема полиаспектна, многозначна, имеет глубокие исторические корни, а также воздействие субъективных факторов современности. Например, оно проявляется в закреплении названий субъектов федерации по титульным нациям и следующим за этим процессом вовлечения в государственное управление представителей этносов, народностей и наций конкретного субъекта.

По мысли автора статьи, для разрешения выделенных противоречий между теоретическими и практическими возможностями федерализма в деле совершенствования системы национальной безопасности в России, следовало бы осуществить следующие мероприятия:

- скорректировать курс социально-экономических преобразований в направлении формирования экономических основ федеративных отношений;
- пересмотреть принципы и стратегию национальной политики в направлении, позволяющем учесть социокультурные и исторические особенности развития Российской Федерации и её субъектов;
- внести базирующееся на принципах реального федерализма и учитывающие отечественные реалии коррективы в действующее законодательство;
- безусловное подчинение положению Конституции Российской Федерации о равенстве прав и ответственности исполнительной и законодательной ветвей влас-

ти всех субъектов Федерации перед обществом и гражданами (вне зависимости от их национальной принадлежности) России;

- признание угрожающей национальной безопасности, стратегическим интересам российского общества и государства практики подмены социально-экономических и нормативно-правовых основ развития российского федерализма этнополитическими основами;

- отказ от национально-регионального принципа построения отношений между федеральным Центром и субъектами Федерации, а также от дележа на базе данного принципа основных фондов, природных и финансовых ресурсов и так далее, признание этого принципа разрушающим единство социального, экономического, экологического, правового пространства страны;

- отказ от федеральной поддержки субъектов Федерации, руководство которых способствует дискриминации “нетитульных наций” и деятельность органов законодательной и исполнительной власти которых в социально-экономической, внешнеполитической и прочих сферах не соответствует вышеназванным требованиям.

Следует также использовать положение принципа *«оптимальной комбинации ответственности»* за принятие решений между федеральными органами и субъектами Российской Федерации. В целом, государственная власть в России имеет конкретно-определенный статус, свое место и роль в системе национальной безопасности страны. Этот статус государственной власти и её органов можно выразить в следующих положениях:

- *инструмент* своеобразной корректировки и исполнения решений по обеспечению национальной безопасности страны, её граждан;

- *механизм* обеспечения взаимоуровневости функционирования элементов системы национальной безопасности и самой системы национальной безопасности;

- *социальный институт* обеспечения жизни, прав и свобод граждан;

- *фактор* («барьер») воздействия на рациональное и иррациональное мышления государственных служащих и людей в обеспечении функционирования системы национальной безопасности страны;

- *система* контроля, учёта экспансии в страну и корректировки практических действий по совершенствованию системы национальной безопасности страны;

- *атрибут* правового действия органов и структур системы национальной безопасности страны;

- *средство* воплощения в жизнь безопасностной идеологии, идеологии социального и правового государства.

Таковыми, по мысли соискателя, являются виды и формы статусного положения государственной власти, органов государства в системе национальной безопасности страны. В соответствии со статусом они и должны выполнять соответствующие функции, свои роли в системе национальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. См. например: Глобализация и терроризм: противоречия и угрозы XXI века. Статьи и доклады Международной конференции. Москва, 13-15 мая 2008 года. /Под ред. В.В. Минаева (отв. ред.), М.В. Опариной, М.Р. Деметридзе, А.В. Мельцова. М.: РГГУ, 2008. 469 с.
2. См.: Конституция Российской Федерации. М., СПб. 2005. Ст. 83, 87, 106, 114, 125, 126, 127.
3. См.: Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. – М., 2005; Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование)/ Отв. ред. Топорнин Б.Н. – М., 2005; Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. – М., 2006.

4. Атаманчук Г.В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. - М., 1996.
5. Регулятивы – это совокупность ограничений и допущений, содержащихся в методах, принципах, правилах, формах, которые обуславливают поведение и деятельность человека, сообществ, народов.
6. Такой же позиции придерживаются В.Г. Введенский, А.Ю. Горохов, И.А. Умнова. - См.: Введенский В.Г., Горохов А.Ю. Россия: испытание федерализмом. Теория и практика отечественного и зарубежного опыта. – М., 2008.
7. См.: Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. Б. Н. Топорнин.- М., 2005.
8. Романова Р.М. Александр Твардовский. М., 1989.
9. См.: Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. 2-е изд., испр. и доп. - М., 2006.
10. Сафонов В.Е. Федерализм в государственном строе России: Конституционно-правовые аспекты. – М., 2004.
11. Глигич – Золотарева М.В. Законодательная база федеративных отношений: перспективы совершенствования. // Журнал российского права, 2002. - №7.
12. См.: Муксинов И.Ш. Становление самостоятельной системы законодательства Республики Башкортостан. – В кн.: Федерализм в России. – Казань, 2001, с.119.

J. Koroleva

**ROLE OF THE GOVERNMENT AND PRINCIPLES OF THE STATE DEVICES IN
PERFECTION OF SYSTEM OF NATIONAL SAFETY OF RUSSIA**

Abstract. In article the basic functions of the government of our country in business of perfection of system of national safety which are caused by positions of the Constitution of the Russian Federation, and also real threats to which our country is subject are considered.

Key words: safety of the country; the government; federalism; the factor; role; system of national safety of the country; potential.

ВОЙНА И АРМИЯ КАК СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ОНТОЛОГИЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОЕКТИВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема онтологий социальной проективности в условиях глобализации. Выявляются проекты глобализации и их онтологические основания. Основное внимание уделяется войне и армии как средствам реализации онтологий социальной проективности в условиях глобализации.

Ключевые слова: онтология, проективность, бытие, социальное бытие, онтологии проективности, глобализация, проекты глобализации.

Проектно-деятельностный подход позволяет выявить в глобализации целевую деятельность определенных социальных субъектов, обладающих планетарным видением, формирующих и реализующих проекты планетарного мироустройства. В этом отношении история как сознательная деятельность человека представляет собой пространство разворачивающихся проектов жизнеустройства (или домостроительства, как ранее говорили в России) в горизонте всего масштаба Земли и даже выхода за её пределы. Проект (лат. *projectus* – выступающий вперед) как прототип, прообраз предлагаемого мироустройства всегда устремлен в будущее и в этом отношении временной границы у него нет. Но у него нет и пространственной границы. Проекты обретают границы в своем пространственно-временном разворачивании, реализации в силу того, что они сталкиваются друг другом. Многообразие проектов в их ценностно-смысловом и силовом взаимодействии в пространстве истории и создает границу между ними. Эта граница подвижна, ибо определяется волей субъектов проектов и наличием ресурсов.

Понятие глобализации лавинообразно вошло в наш лексикон и по времени совпадает с распадом Советского Союза и превращением, по этой причине, США глобальную супердержаву, мировую империю. В определенной степени понятие «глобализация» отражает желание США и глобальных субъектов, для которых США выступают геополитическим и военным инструментом управления, закрепить за собой глобальное доминирование и утвердить свой проект мироустройства на века. Но это не значит, что США – единственный субъект, обладающий проектом глобализации.

Проект глобализации – это создаваемая тем или иным социальным субъектом целевая концепция формирования образа и структуры планетарного мироустройства, способов, средств и форм интеграции человечества во всех сферах жизнедеятельности: экономической, политической, социальной, духовной. Именно поэтому не все социальные образования являются субъектами глобализации, но все они являются участниками того или иного проекта глобализации, оказываясь в зоне интересов того или иного социального субъекта глобализации.

Причины, характер и типы гуманитарных конфликтов, в том числе и в глобальном масштабе обусловлены неоднородностью социальных субъектов. Особенно если речь идет относительно деятельности глобальных социальных субъектов: классов, наций, этносов, государств, цивилизаций и т.п. Эти субъекты организованы в системы, которые открыты, динамичны, неравновесны, способны к саморазвитию. *Проективность* и есть устремленность социальных систем как коллек-

* © Курочко М.М.

тивных субъектов за пределы собственной пространственно-временной данности. Проекты структурируют человечество и определяют исторический процесс. Поэтому история – это деятельность социальных субъектов организованных в системы по продвижению и реализации собственных проектов и самих себя, своей собственной сущности посредством проектов.

Проект – это способ, средство исторического бытия человека и социальных систем. Если у тебя есть свой проект и средства (ресурсы) его реализации, то у тебя и есть возможность собственного бытия, у тебя есть будущее. Если у тебя нет своего проекта, то ты превращаешься в средство, в ресурс реализации чужого проекта. Нет проекта – нет и меня, моего народа, моей страны, моей цивилизации.

Проективность – это витальная потребность, жизненный модус человека и общества, способность реализации собственной сущности на основе самоопределения и самосозидания. Посредством проектов осваивается мир в его пространственно-временных измерениях. Поэтому проект – это средство взаимодействия между «Я» и «не-Я». В своих мировоззренческих основаниях и характере целевых устремлений проект выступает основой преемственности между различными субъектами исторического процесса.

Современность не является исключением. Именно поэтому можно говорить о *проектах глобализации*. И они возникли не сегодня. Любая религия проективна, она содержит в себе универсальный проект мироустройства. Поэтому глобальность – это только один из рубежей их реализации, их воплощения. Религия лежит в основе практически любой цивилизации. А цивилизация есть пространственно-временное выражение реализации религий как проектов. В эпоху секуляризации на смену религиям пришли идеологии. Дихотомичность самого человека привела к формированию двух глобальных субъектов – капиталистической и социалистической систем и соответствующих идеологий.

Вполне очевидно, что в реализации собственной проективности социальные субъекты нуждаются в определенных ресурсах и средствах. Война выступает в качестве одного из них. Война – это средство реализации социальными системами собственных проектов на основе применения вооруженного насилия, а армии – это социальные органы, реализующие это средство. Война как общественное явление связана с неоднородностью человека в его сущности. Человек и общество есть то, кем они хотят быть, к чему они устремлены. Проективность выступает формой социального исторического творчества. Но социальные субъекты неоднородны, неоднородны и их проекты. Война выступает формой разрешения непримиримых противоречий жизнедеятельности глобальных социальных субъектов. *По мере развития человека война становится сознательной проективной деятельностью социальных субъектов. Посредством войны уничтожается одна и формируется другая архитектура мира, его новый облик, характер отношений в интересах проекта победителя.* Яркий пример – мировые войны XX века. Проигравший становится ресурсом для реализации проективности победителя, мир и образ жизни которого за счет победы получает новый импульс экспансии.

Проигравший имеет возможность реванша, если он сохраняет собственную субъектность и мобилизационный ресурс к реализации собственного проекта, своего мироустройства. Доминирование двух социальных систем, капитализма и социализма в XX веке не лишило проективности других социальных субъектов, которые до поры до времени лишь действовали в границах капиталистического или социалистического проектов. Как только один из них пошатнулся – они сразу же активизировали реализацию собственных проектов.

Оценивая историю можно утверждать, что война есть там и тогда, где и когда один социальный субъект стремится уничтожить другого как субъекта истории

реализуемой посредством проективности. В этом плане война будет сохраняться до тех пор, пока будет сохраняться дихотомичность, биполярность проективности самого человека, которая есть выражение двух противоположных и предельных онтологических позиций и перспектив развития: созидания или паразитизма, справедливости или неравенства, братства или социального расизма и т.п. И это просматривается на всех этапах исторического развития человечества.

XX век был веком, когда дихотомичность человека и бытия достигла предела пространственной границы Земли и оформилась в глобальном противостоянии двух взаимоисключающих систем. Но истоки этого противостояния лежат в самой природе человека. Мифология фактически всех народов отражает дихотомию и биполярность своего и чужого, Востока и Запада. Восток – символ жизни, света, возрождения, правды, вечности, божественного мира. Запад – символ смерти, угасания, царство теней, автохтонных, демонических существ.

В философии Платона биполярность социального мира нашла свое воплощение в противостоянии двух типов государств: справедливого и несправедливого. Биполярность характерна для Библии, для христианства, Средневековья в целом и предстает в образе противостояния двух типов социальных проектов – Града Божьего и Града Земного (Августин Блаженный). Геополитически биполярность в Европе воплотилась как противостояние Византийской империи и Католического Запада. Византийская империя как второй Рим воплощала обязанность Катехона-Удерживающего. Католический Запад – его противоположность – центр концентрации апостасийных процессов, т.е. процессов богоборческих, открывающих дорогу для пришествия в мир Антихриста. В этом же смысловом пространстве находится и противостояние между Западом и Россией как наследницей Византии. Даже сегодня!

В условиях секуляризации и преобладания антропо-социоцентризма биполярность человечества нашла свое выражение в форме классовой борьбы. В конечном итоге XX век показал, что за понятиями классов скрывались образы совершенно разных мировоззренческих позиций и связанных с ними моделей социального развития [1; 149-150]. В марксизме между Трудом и Капиталом не может быть примирения, они – антагонисты. Еще одним языком описания биполярности человечества явилась геополитика [4; 7] со своим утверждением о непримиримой борьбе Суши и Моря, теллуократии и талассократии. На языке Карла Поппера биполярность воплотилась как противостояние «открытого общества» и «врагов открытого общества» [6]. В рамках теории этногенеза и биосферы земли Л.Н.Гумилев дает описание биполярности развития человечества как противостояния систем и антисистем. Система – это этническая общность, целостность людей с жизнеутверждающим мироотношением. А антисистема – «это системная целостность людей с негативным мироощущением» [2].

Если совместить все эти языки, описывающие своими понятиями характер биполярности мира и его субъектов, то мы приходим к нескольким важным выводам. *Во-первых*, многообразие исследовательских языков, описывающих биполярность социального мира, в конечном итоге говорит об одном и том же явлении, но концентрирует внимание на разных основаниях и характеристиках этой биполярности. В конечном итоге, в субъектном и геополитическом плане, биполярность – есть противостояние России и Запада как противоположных друг другу систем мировосприятия и жизнеустройства, т.е. противоположных и фактически исключающих друг друга типов исторической проективности.

Во-вторых, биполярность человечества и его проективности является основой биполярности войны (справедливая и несправедливая война, захватническая и освободительная война) и армии (захватническая и оборонительная, оккупаци-

онная и освободительная, инструмент порабощения или средство спасения). Исторически Россия вела оборонительные войны. Не она, а на неё нападали.

Исторически человечество не стояло на месте. Определенным образом оно развивалось. Один способ производства сменял другой, утверждая и новую общественно-экономическую формацию (К.Маркс), одна волна сменяла другую (Э.Тоффлер). Объединив эти тенденции с цивилизационным подходом, мы получим определенную формулу: *кто и ради чего* (культурно-исторический, цивилизационный тип социальных систем и субъектов (Н.Я.Данилевский, О.Шпенглер, А.Тойнби)) *как* (способ производства (К.Маркс)) и *что* осваивает (вещество, энергию, информацию (Э.Тоффлер)). Формационный, цивилизационный подходы и теория волн в этом плане взаимодополняют друг друга.

Война эволюционировала в контексте смены фактора «как» и фактора «что». А вот уровень «кто и ради чего» выступал объектом и целью войны? Этот же уровень является и уровнем субъектности войны. По структуре организации социальных субъектов, систем и человека можно выделить два уровня поражения в войне: материальный уровень и информационный уровень. По данному основанию сегодня надо выделить два типа войны – классическая и неклассическая война.

Классическая война связана с материальным уровнем, на котором война реализуется с применением физического вооруженного насилия. Характер оружия тоже физический – от меча до атомной бомбы. Объектом поражения здесь выступают физические структуры на уровне общества (материально-техническая база, инфраструктура и т.п.) и личности (тело). Все другие виды деятельности в классическом понимании войны – обеспечение физического вооруженного насилия. Война, ведущаяся на этом уровне в силу чувственного восприятия и очевидности телесности человека и материальной структуры общества, обладает характеристиками непосредственной очевидности, поэтому её начало, ход и исход ни у кого не вызывает сомнения. Даже сущность войны рассматривается через призму физических средств вооруженного насилия. Если есть физическое вооруженное насилие, то есть и война. Но разве насилие является только физическим? И если его нет, то и войны нет? А если насилие носит косвенный, опосредованный характер?

Особенностью войн последнего времени является то, что объектом поражения в них являются информационные структуры личности и общества как субъектов (сознание во всех своих типах и формах, воля, способность к самоопределению и проективности и т.д.). На этом уровне формируются совершенно иные, по сравнению с физическим вооруженным насилием, формы насилия и средства ведения войны как реализации проективности социальных субъектов. В этой связи можно выделить неклассический тип войны. Под *неклассической войной* понимаются войны, в которых объектом поражения служат сознания индивида и общества во всех своих формах и структурах, с использованием нефизического насилия и соответствующих типов оружия и ведущиеся иррегулярным непрямым способом во всех сферах жизнедеятельности общества.

В качестве исходного методологического принципа выделения данного типа войны следует применить принцип *многоуровневости человека* (тело–душа–дух), общества и мироздания (вещество–энергия–информация) [5]. *Классическая война* – это война, ведущаяся в плоскости телесности, *неклассическая война* – это война, которая ведется в *плоскости сознания и духа человека и общества*. Данная типология не противоречит логике. Война – многогранна, при этом она постоянно развивается. В результате в типологии войны открывается еще одна её грань, и появление её несколько не умаляет общепринятого понимания сущности войны как продолжения политики, но именно насильственными средствами. В данном

случае учитываются другие виды насилия, а не только физическое и многомерности человека и мира. Попытка мыслить и представлять войну только в рамках её классического типа уподобляет нас Дмитрию Карамазову, желавшему сузить человека [3; 100].

Данное изменение характера войны связано с развитием научного познания. На границе XIX и XX вв. формируется неклассическая физика. В естествознании наряду с понятием «вещество» появляется понятие «поле», «энергия». В середине XX в. этот понятийный ряд расширяется понятием «информация», на постижение сущности которого обращены лучшие умы тогдашней современности. На границе все тех же XIX и XX вв. отвоюет перед естественниками статус науки и социально-гуманитарное познание. А в XX в. на основе социально-гуманитарного знания появляются совершенно новые социальные технологии в сфере управления, манипуляции и господства. Если основой развития средств физического вооруженного насилия, т.е. средств классической войны является естественно-научное знание, то основой развития средств неклассической войны выступает знание социально-гуманитарное.

Выделение неклассического типа войны позволяет зафиксировать смещение основного очага войны из сферы материальной в сферу сознания, в сферу формирования самой возможности субъектности и проектности, в сферу формирования идентичности (кто я и каков смысл моего бытия), которая непосредственно связана с ценностно-смысловым ядром субъекта. Особенностью неклассической войны является её непосредственная связь с постмодернизмом, который является её философским обоснованием и методологией. Именно в рамках постмодернизма формируются стратегии «смерти субъекта», «смерти автора», «смерти проекта» и т.п. В контексте неклассической войны постмодернизм следует рассматривать как средство в руках субъекта проективности стремящегося установить свое глобальное господство путем уничтожения самой субъектности и проектности конкурирующих социальных систем. Постмодернизм используется здесь как деструкция и деконструкция субъектности и проективности. Субъект, который осуществляет данную стратегию неклассической войны, стремится быть скрытым, а свое стремление к глобальному господству маскирует под глобализацию как объективный процесс интеграции человечества на основе т.н. «общечеловеческих ценностей». Но на пути к единому глобальному миру стоит дихотомия и биполярность человека на сущностном уровне. Неклассическая война в условиях глобализации чревата утратой вариативности человеческой истории. И тогда уже на практике может возникнуть ситуация конца истории в реальности.

Данная перспектива, впрочем, напрямую связана с исторической миссией России, которая была одним из основных полюсов развития человечества. В современных условиях наблюдается тенденция установления в глобальном масштабе проективности Запада, идеалы и нормы которого преподносятся в качестве общечеловеческих, а на деле – утверждают гегемонию Запада. И основным средством здесь является неклассическая война.

В этой связи в современной России необходима борьба за сохранение собственной субъектности и проективности. Необходимо внятное и четкое осознание себя. Только в этой перспективе открывается возможность осознания собственных жизненно важных интересов и стратегии безопасности во всех сферах и уровнях жизнедеятельности в пространстве прошлого, настоящего и будущего.

Вторым условием выстраивания адекватной системы безопасности является выработка системного представления о войне как общественном явлении. Необходимо понимание войны не только как средства продолжения политики насильственными средствами, но и как способа разрешения антагонистических проти-

воречий жизнедеятельности социальных субъектов обладающих собственной проективностью в контексте биполярности и дихотомичности человека.

История показывает, что отказ политических элит определенных стран от войны (политическое дезертирство и измена) ведет к тому, что социальные группы, классы, народ, сохраняя собственную субъектность, переходят к войне как средству выживания и решения жизненно важных проблем без участия государства, а порою и при его противодействии. Утрата государственности как единого центра социального управления и ведения войны не означает прекращения войны, но компенсируется концептуальным характером проективности социальной системы. Концептуальность проекта позволяет координировать национально-освободительную войну. Именно поэтому, наличие собственного исторического проекта позволяет, в случае поражения государственности, выстроить адекватную систему военной безопасности на других уровнях и сферах жизнедеятельности социальной системы. В истории России этот фактор позволил преодолеть феодальную раздробленность и монголо-татарское нашествие, затем в период Смутного времени. Этот фактор жизненно необходим и для современной России. В противном случае она станет ресурсом и средством для реализации чужой проективности и жизнедеятельности конкурирующих глобальных субъектов (США, Европы, Китая и др.). Всё идет к этому. Но допустить это – есть смерть для России, для русского народа как такового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:.

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
3. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Полн. собр. соч. 30 т. Л.: Наука, 1976, Т. 14.
4. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.
5. Круглов В. Фундаментальные законы мироздания – основа новой теории войны // http://www.rau.su/observer/N8_2005/8_03.htm
6. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1992.

М. Kurochko

THE WAR AND THE ARMY AS A MEANS OF REALIZATION OF ONTOLOGY OF SOCIAL PROJECTIVITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Abstract. The problem of ontology of social projectivity in the context of globalization is considered in this article. The projects of globalization and their ontological reasons are elicited. The author pays our attention on The War and the Army as a means of implementing the ontology of social projectivity in conditions of globalization.

Key words: ontology, projectivity, existence, social being, the ontology of projectivity, globalization, projects of globalization.

ДУХОВНОСТЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОГРАНИЧНЫХ ОРГАНОВ*

Аннотация. В статье рассматривается проблема духовности в истории социально философской мысли. Место и роль духовности в деятельности сотрудников пограничных органов. Духовное производство и духовное потребление в деятельности сотрудников пограничных органов.

Ключевые слова: духовность; духовная сфера жизни общества; интенции духовной жизни; духовное производство; духовное потребление; деятельность сотрудников пограничных органов.

Проблема духовной жизни общества, духовности в социально-философской мысли всегда была актуальной. Остается она таковой и в настоящее время, в условиях открытого информационного общества и в процессе трансформации российского бытия. Духовная жизнь – производство, воспроизводство и потребление знаний (прежде всего – знаний!), наиболее ярко определяет лицо общества, его суть. Именно в бытии знания заключается тот творческий потенциал, от которого зависит социальная эффективность общества, успех его обновления.

Духовность выступает интегрирующим началом в обществе, ведущим качеством человека, его сознательной деятельности. Именно она обеспечивает человека системой базовых ориентиров, которыми он должен руководствоваться, чтобы оставаться человеком. Высокий уровень противоречий в духовной сфере жизни общества обуславливает необходимость обращения к духовной составляющей в деятельности сотрудников пограничных органов, интенциям их духовной жизни.

Тема духовности изначально находилась в проблемном поле философии, однако различные эпохи высвечивали разные ее аспекты. Уже в древних племенах существовали представления о различных духах, которые обладали различными качествами и либо помогали человеку, либо вредили ему. Это, несомненно, первые примеры представлений о духовности, существующей вне человека и независимо от его сознания [1].

Античность акцентировала внимание на надмирной, мистико-религиозной стороне духовности. У Сократа она есть выражение «потустороннего мира идей», на вершине, которой идея блага, добра. У Платона, чувственные вещи это только тени идей, и люди, стремясь познать явления природы, видят только тени, а свет солнца – истина, для чувств недоступная [2]. Данный аспект духовности актуализируется в средневековой философии и в периоды Просвещения и Нового времени. Последнему характерен рациональный подход к духовному миру человека, который сопрягался с идеями совершенствования в духе гражданственности и высокой нравственности (Р.Декарт, Б.Спиноза, В.Лейбниц, Ж.-Ж. Руссо, И.Кант, Г.Гегель).

Особо следует сказать о христианской традиции, в которой духовность непосредственно представлена такими «ипостасями Бога», как истина, добро, красота вместе с любовью, со стремлением к совершенству, к Богу, то есть понимается в религиозно-духовном ключе. Эта традиция оказала определяющее воздействие на интерпретацию духовности в средневековой философии, в которой она связывается со стремлением человека постичь и почувствовать в себе нечто более глубокое,

* © Москалюк Н.Ю.

чем он сам – тайну Божественного (Августин Блаженный). Данный подход получил свое продолжение и развитие в традиции русской религиозной философии, практически все представители которой стояли на позициях религиозного истолкования духовности.

Общий посыл христианства рассматривать духовность как переживание человеком Бога – Бог – есть любовь [3], стремление к совершенству и состоянию благодати отразился в понимании духовности как нравственного совершенства, ведущего к бессмертию (В.С.Соловьев), как преодоления эгоцентризма и «одуховления» жизни (Н.А.Бердяев), как высшей составляющей души, жизни души в духе, как высшего онтологического слоя человеческой души, специфицируемой в качестве особой реальности (С.Л.Франк, И.А.Ильин). Идеи богоподобия, своеобразия и уникальности духовных возможностей человека раскрываются также в трудах Н.О.Лосского, С.Н.Булгакова, В.В.Розанова, Е.Н. и С.Н. Трубецких. Данный подход в целом может быть охарактеризован как религиозно-антропологический. Следует выделить ряд ученых, интерпретирующих духовность как приобщение человека к универсальному одухотворенному началу мира – космическому принципу, наделяющему его сверхъестественными силами – В.И.Вернадский, Н.Ф.Федоров, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский, Н.К.Рерих.

Религиозная и мифологическая духовность направлена, прежде всего, на мистические, созданные сознанием объекты, а светская и научная духовность – на реальные, существующие в объективной действительности, либо верифицированные экспериментом и практикой знания, на процессы его производства, воспроизводства и потребления обществом [4].

Необходимо отметить, что проблеме духовности уделялось большое внимание исследователями России. Именно в русской философии огромное значение придается вопросам смысловых поисков, в то время, как для западной философии проблема духовности не первостепенна. Анализируя искусство, мораль и науку, западные ученые очень редко оперируют категорией «духовность». Однако и отечественная философская традиция долгое время не уделяла должного внимания проблеме духовности, поскольку синонимизация понятий «дух» и «сознание», а также ее акцент на определяющей роли материальных факторов в развитии общества не способствовали развитию интереса к данной теме. Возобновление интереса к проблематике духовности произошло в середине 1970-80-х годов XX века. Для работ того времени характерна рационализация понятия «духовность», что однако имеет и свои плюсы, например: обращение к рациональной стороне духовности обогатило представление о ней. Надо сказать, что зачастую исследовалась не сама духовность, а сопряженные с ней понятия: «духовная культура», «духовный мир», «духовная жизнь» [5].

За последние два с половиной десятилетия ситуация значительно изменилась, появилось огромное число работ по данной тематике, что обусловлено, с одной стороны, многогранностью самого феномена «духовность», а с другой – разнообразием подходов, используемых исследователями. В современной философской литературе многократно упоминается о духовном факторе созидания, духовной жизни, духовном развитии, духовном богатстве, духовной культуре, духовном росте, духовном освоении реального мира и т.д. и т.п. Среди многообразных видов человеческой деятельности выделяются прежде всего четыре основные группы: материальная (производственная), социальная, политическая и духовная.

Сложные общественные феномены проявляются столь многообразно, что их отдельные стороны могут быть предметом самостоятельного исследования. К тому же у разных авторов может складываться свое видение проблемы, свой аспект ее рассмотрения. Но от этого проблема разработки понимания духовности в социаль-

ной философии не снимается. Более того, интересы реальной практики, положение дел в сфере духовного требуют дальнейшего развития и расширения данного направления в науке.

Анализ современной отечественной социально-философской литературы подтверждает мысль о том, что взглядов, точек зрения на духовность столько, сколько авторов, которые имели прямое или хотя бы косвенное отношение к исследованию проблемы духовного. Наиболее существенный интерес для исследования, представляют научные труды рассматривающие связь сознательности человека с духовностью, работы, в которых, под духовностью человека понимается мера и характер развитости его социальных качеств с задачей адаптации человека к социуму (В.Н. Шердаков, В.Г. Федотова, Т.В. Холостова и др.).

Так, В.Н. Шердаков считает, что «сегодняшний лексикон приближает духовность к образованности, духовная личность – это человек мыслящий, знающий, интеллеktуал. Под духовностью понимается знание научное, философское, и что, кроме того, есть еще художественное творчество и нравственность» [6]. Иная точка зрения у В.Г. Федотовой, которая рассматривает духовность как качественную характеристику сознания или точнее, – характеристику ее разнокачественности. Характеристика эта отражает господствующий тип ценностей [7]. Подобный взгляд на проблему высказывает и Т.В. Холостова. Она пишет, что духовность – это «качество личности, точнее, ориентации ее сознания, осуществляющее изнутри мотивированное включение в общественную жизнь» [8].

Свое толкование духовности дает А.П. Серов, «Духовность, – отмечает он в своем диссертационном исследовании, – это способность человека сознательно управлять собой и своим поведением, осмысленно регулировать свою деятельность. Она – проявление этического начала, стержень личности. Именно через духовность осуществляется глобальное опосредование производственной деятельности, ее гуманизации, ориентации на общечеловеческие ценности» [9].

Г.Э. Бурбулис и В.Е. Кемеров определяют духовность как «способность обнаруживать в предметах социальные качества, открывать человеческое назначение вещей и устанавливать их связь с действиями людей, удовлетворяющих определенные потребности и интересы» [10].

Имеются свои взгляды на проблему и у других авторов. Одни из них рассматривают духовность как «способ жизнедеятельности человека» [11], другие, как «фактор социализации личности» [12], третьи как высшую «способность понимания во взаимодействии между людьми и природой» [13].

Сама многозначность подходов свидетельствует не только о все более активном обращении ученых к проблемам духовного, но, главным образом, об объективной сложности и многогранности самого феномена духовности. Не случайно (как справедливо замечает Л.П. Буева) определение понятия «духовность» «по-прежнему остается дискуссионным» [14].

Проанализировав подходы и взгляды на духовность, автору видится выход из ситуации многоплановости определения понятия духовности в социальной философии, которая призвана рассмотреть дух человека в единстве различных форм общественного сознания и его деятельности, а не в одномерной проекции.

Для современного человека всегда было характерно акцентирование внимания на образованности и интеллектуальном развитии личности. Мнение о том, что знание составляет основу внутреннего мира человека, его духовности, очень распространено. Подобное понимание духовного не случайно, оно имеет под собой весомые основания. Во все времена наиболее высоко в человеке ценилось его знание, мастерство, профессионализм. Полагается, что в экономике, политике, в любых других областях дела у нас обстоят неблагоприятно потому, что не хватает знаний,

нет профессионализма. Воспроизводство знаний осуществляется системой образования, которая дает человеку знания, способствует развитию его интеллекта, профессиональных качеств и навыков, а производство в системе НИР, в обобщении опыта реализации научных знаний в практике. Духовность есть проявление определенной устремленности к освоению и воплощению в действительности высших проявлений знаниевого бытия.

В человеке постоянно идет незримая борьба «истины» и «лжи», «добра» и «зла», этих и им подобных антонимов. Они представляют разные миры, различные реальности человеческого бытия, между которыми существуют напряженные и противоречивые отношения, оба бросают вызов человеку, порождают задачи и проблемы, которые человек должен решать, реализуя свой выбор. Это закладывает целый ряд противоречий в процесс формирования человека как духовного существа, обладающего возможностью творить по законам истины, добра и красоты. В философском понимании духовность включает в себя прежде всего познавательное, нравственное и эстетическое начала, которым, в свою очередь, соответствуют духовные интенции, относимые к разряду высших – устремленности к истине, добру, красоте.

Социально-философский анализ духовности опирается на анализ различных форм общественного сознания отражающих разные стороны общественного бытия [15]. По степени общности идей, содержащихся в формах общественного сознания, философия – самая широкая, самая объемная форма общественного сознания. Именно в ней наиболее полно могут исследоваться идеи истины, добра и красоты в их единстве.

Названные идеи в обществе могут проявляться не только в пределах одной формы сознания, например идея красоты, проявляется, прежде всего, в рамках эстетического сознания и разрабатывается эстетикой, но красота имеет проявление и в научном, религиозном и других формах общественного сознания и в практической деятельности.

В нашем случае мы будем исходить из традиционно философского понимания ядра духовности, которое включает в себя по меньшей мере три начала - познавательное, нравственное и эстетическое. Этим трем способностям человеческой природы (по Сократу – сверхприродным способностям) соответствуют сферы духовной деятельности, созидающие и гносеологию, и эстетику, и нравственность. Им, в свою очередь, в аксиологии соответствуют духовные ценности, относимые к разряду высших – истина, добро, красота. Известно, что в истории вырабатывались типы духовных творцов: познающий (мудрец, мыслитель), праведник (святой), художник (писатель, поэт, композитор), защитник (воин), судья. В свою очередь, все формы общественного сознания образуют то, что называется духовной жизнью, духовным миром. Они интегрируются в одно целое мировоззрением, мироотношением, мироощущением.

Наиболее обоснованной представляется позиция, позволяющая понимать духовность как высшее проявление духовной жизни общества и личности, выраженной интенциями в общественном и индивидуальном сознании и в деятельности людей через целеполагание к утверждению приоритета в общественной жизни, прежде всего, идеалов истины, добра и красоты. Элементы духовности (интенции к истине, добру, красоте и др.) формируются (воспроизводятся) образованием и воспитанием, самообразованием и самовоспитанием.

Анализ интенций духовной жизни сотрудников пограничных органов привел к выводу о том, что они выражают и специфические элементы духовности, а именно, что профессиональными элементами высокой духовности сотрудников пограничных органов являются еще и интенции к утверждению правопорядка и

безопасности на государственной границе. Исторические факты начала и основных этапов развития истории охраны границы подтверждают проявления названных интенций [16]. История пограничной службы изобилует примерами добросовестного выполнения долга по охране государственной границы. Такие примеры предстают, как в конкретных поступках, в которых, в единстве реализована устремленность индивида или коллектива пограничной заставы к утверждению истины, добра и красоты. Истинность выражается в эффективности четкого следования требованиям устава и руководящих документов, регламентирующих пограничную деятельность, ведь только таким образом можно было достичь столь высоких результатов в своей деятельности каких достигли, например, Карацупа Н. Ф., Матросов В. А., Бубенин В. Д. и многие другие. Их награды – прямое свидетельство проявленной ими высокой светской духовности пограничника. Утверждение истины и добра в деятельности по охране границы в своем единстве рождает действительную красоту подвигов и геройских поступков, являет многочисленные примеры красоты будничного несения службы.

Таким образом, сама история дает источники для дальнейшего развития искусства охраны границы, а так же является источником для духовной подпитки новых поколений сотрудников пограничных органов.

Деятельность сотрудника пограничных органов обеспечивается системой специальных знаний, ориентированных на истину. И такая их особенность обеспечивает эффективность профессиональной деятельности пограничников. Но владение этим же знанием нарушителем государственной границы существенно подрывает не только эту эффективность деятельности сотрудников пограничных органов, но и безопасность личности, общества и государства на государственной границе. Указанное обстоятельство определяет одну из особенностей духовности в деятельности пограничных органов.

Духовность в деятельности сотрудников пограничных органов занимает особое место, поэтому в интенциях системы знаний, осваиваемых пограничником на различных ступенях подготовки, объединяются ценностные аспекты различных видов деятельности, таких как познавательная, правоохранительная, управленческая, военная, дипломатическая и др.

Анализ системы деятельности сотрудников пограничных органов показывает, что духовность не только выражена в мировоззренческих и методологических ориентирах целеполагания и в соответствующих компетенциях, но и детерминруется ею. Компетенции сотрудников пограничных органов предполагают наличие высокой духовности, основные параметры которой задаются Конституцией Российской Федерации, Законом РФ «О государственной границе» и реализуются в системе обучения, воспитания и педагогического сопровождения служебной деятельности. Утверждение высокой духовности сотрудником пограничных органов, неотделимое от всей системы потребления и воспроизводства духовности, осуществляется в тесном единстве этического, эстетического, правового, политического, экономического, профессионального и духовного воспитания.

Другую особенность определяет специфика утверждения идеи добра в сфере охраны государственной границы. В учебных заведениях пограничного профиля изучаются многообразные социально-гуманитарные дисциплины, предполагающие и этическую подготовку обучаемых. Главные нравственные требования к сотрудникам пограничных органов изложены в воинских уставах, должностных инструкциях и других служебных документах. Следовательно, и обучение, и воспитание и вся деятельность ориентированы на утверждение добра. Однако то, что для безопасности личности, общества и государства на государственной границе выражает ориентацию на добро, нарушителями воспринимается как препятствие

их преступным, несправедливым, аморальными намерениям и действиям и воспринимается ими как зло.

Таким образом, на уровне сущности первого порядка, духовность сотрудника пограничных органов есть интенция его знания и мышления к утверждению идеалов истины, добра, красоты в профессиональной деятельности путем обеспечения правопорядка и безопасности личности, общества и государства на государственной границе. Именно интенция к единству истины, добра, красоты, правопорядка, безопасности, выраженная в знаниях и основанная на них деятельность сотрудника пограничных органов составляет сущность второго порядка его духовности и духовности пограничной деятельности государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. – С. 113-121.
2. История философии. В 6 т. Т.1. М.: Изд-во АН СССР, 1957. - С. 58 - 60.
3. П.А. Флоренский. Свет истины // Столп и утверждение истины. М.: Изд-во «Правда», 1990. С. – 71-75.
4. О духовной, «знаниевой» деятельности смотри ещё: Пруель Н.А. Духовное производство // Философские вопросы теоретической социологии. Под ред. проф. В.Я. Ельмеева, Ю.И. Ефимова. – СПб. Изд-во СПб. ун-та. 2009. – С. 628 – 727.
5. Уледов А.К. Духовное обновление общества. – М.: Мысль, 1990. - С. 334-340.
6. В.Н. Шердаков. Духовность, художественное творчество, нравственность // Вопросы философии, 1996. № 2. - С. 27-28.
7. Практическое и духовное освоение действительности. М.: Наука, 1991. - С. 99.
8. Проблема духовности. Л.: ЛГУ, 1979. - С. 87.
9. Ценностные ориентации человека как субъекта производственной деятельности. СПб, 1994. - С. 12.
10. Духовность и рациональность. М.: 1986. - С. 28.
11. Силуянова И.В. Духовность как способ жизнедеятельности человека. М.: 1992. С. 100.
12. Духовность как фактор социализации личности. Под ред. В.Г. Федотовой. Воронеж: ВГУ. 1993.
13. Хотинцев В.Ю. Вопросы теории познания: новые подходы / Сборник научных трудов. Ижевск. 1993. - С. 21.
14. Вопросы философии, 1996. №2. - С. 3.
15. Уледов А.К. Структура общественного сознания. М.: 1968. - С. 5.
16. Сальников В.А. Государственные границы: история и современность. М.: 1990. - С. 7.

N. Moskalyuk

THE SPIRITUALITY IN THE ACTIVITIES OF BORDER GUARD OFFICERS

Abstract. The author of the article deals with the problem of spirituality in the history of social and philosophical thought. Place and role of spirituality in the activities of border guard officers. Spiritual consumption and carrying out of spirituality in the activities of border guard officers.

Key words: spiritual; spiritual life of society; tendency to true; carrying out of spirituality; spiritual consumption; activities of border guard officers.

ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ*

Аннотация. В статье анализируются нравственные проблемы деятельности государственных гражданских служащих столичного мегаполиса. Рассматриваются основные категории профессиональной этики: деловая активность, ответственность, нравственный климат управленческого коллектива, профессиональный кодекс государственного гражданского служащего.

Ключевые слова: ответственность, деловая активность, профессиональный кодекс государственного гражданского служащего.

Изучение проблемы ответственности государственных гражданских служащих позволяет глубже понять устремления людей, работающих в аппаратах государственного и местного управления. Дискуссии по этому вопросу предполагают поиск новых приёмов и технологий в практике организации и институционализации государственной гражданской службы, что позволит наполнить новым содержанием формальные принципы и ограничения в деятельности государственного управления и осуществлении властеотношений [1]. Ни у кого из специалистов (отечественных и зарубежных) по теории и практике государственной службы не возникает сомнений в необходимости совершенствования тех гарантий и принципов, которые позволяют государственным служащим поступать ответственно и эффективно [2].

Эти установки приобретают новое звучание на фоне развития кризисных процессов в представительной демократии, разочарованности в ней и неудовлетворенности со стороны части российского общества. Следует обратить внимание на некоторые тенденции, прямо или косвенно связанные с ответственностью государственных служащих и требующие новых подходов к их анализу.

Особое значение в реформе государственной службы должно придаваться практической реализации гарантий ответственности перед обществом. При этом ответственность может пониматься и как форма контроля за осуществлением власти, и как одна из гарантий эффективности практики государственной гражданской службы.

Сегодня в процессе функционирования института государственной службы в любой стране отдельные аспекты ответственности проявляются по-разному. На этапах стабильности в функционировании государственной службы в случае возникновения дисфункций и дисбалансов объективно возрастает значение контроля; ответственность в этом случае должна доминировать над стремлением отыскать и наказать «виновных». Для периода реформ характерен рост динамики различных форм и вариантов ответственности государственного служащего. Следует помнить, что в государственной сфере в постсоветской России всё ещё не сложилась культура института ответственности. Между тем условия функционирования государственной службы далеки от совершенства в любой стране. Поэтому рассуждать об «идеальном типе» форм ответственности можно – главным образом – только в контексте дискурса М. Вебера о бюрократии и её этосе.

В современных исследованиях способов функционирования нормы ответственности в системе государственной службы принят тезис: существует опре-

* © Погребная М.А.

делённая система связей, складывающаяся между организационными задачами и формами ответственности. Каждой из них соответствуют свои ценности и практика государственной службы.

В иерархической ответственности доминирует соответствие правилам и предписаниям; оценка результатов во многом зависит от перечисленных показателей. Эта форма ответственности эффективна в ситуациях стабильности. В отличие от неё правовая форма ответственности связана с соблюдением заданных норм и требований. Такова деятельность ведомств, комиссий, соблюдающих правовые нормы, административные инструкции и пр. Отметим, что в Российской Федерации мера ответственности государственного гражданского служащего связана как с его компетентностью, так и с его обязанностями и их правовой регламентацией.

Как отмечается в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» статус, права и обязанности государственного гражданского служащего определяют не только меру его правовой ответственности, но и пространство, в котором действуют базовые нравственные ценности служащего, которые, в свою очередь, влияют на его ответственное поведение.

Так, к основным обязанностям гражданского служащего закон относит соблюдение Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, иных государственных нормативных правовых актов, нормативных правовых актов субъектов Федерации и обеспечение их исполнения. Исполняя должностные обязанности, государственный гражданский служащий следует должностному регламенту. Выполнение поручений соответствующих руководителей, данных в пределах их полномочий, установленных законодательством, также является его профессиональным долгом.

Закон вменяет в обязанность служащему при исполнении должностных обязанностей соблюдать права и законные интересы граждан и организаций; поддерживать уровень квалификации, необходимой для надлежащего исполнения обязанностей; не разглашать сведений, составляющих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, а также сведений, ставших ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей, в том числе сведений, касающихся частной жизни и здоровья граждан или затрагивающих их честь и достоинство. Отдельно оговорены в законе нормы, требующие соблюдения ограничений и запретов, выполнения обязательств и требований к служебному поведению, установленные Федеральным законом и другими законами.

В иерархической форме ответственности и индивид, и организация (ведомство) имеют большую степень свободы при решении своих задач (стандарты в этом случае не такие жёсткие). Грань между профессиональной и политической ответственностью государственного служащего можно провести, исходя из критерия оценки результатов. Если в профессиональной ответственности критерием полагается внутреннее оценочное суждение индивида, то в политической ответственности им является заданное «внешними факторами» ожидание результатов и его реализация. Не исключено и сочетание двух вариантов, когда составляющей профессиональной нормы выступает политическая ответственность.

Если вопросы правовой ответственности государственных служащих (междисциплинарная, материальная, уголовная и пр.) определены Федеральным законом достаточно чётко, то теоретическая база такого важного аспекта ответственности, как конституционно-правовая, политическая, разработаны недостаточно [3]. Это, очевидно, связано и с тем, что суть этой нормы и института окончательно не прояснены. Существуют разные точки зрения на этот институт: или это ответственность за реализацию властеотношений на государственном уровне, в частности, за законность осуществления именно такого рода властеотношений; или это

в первую очередь моральная ответственность; или это ответственность исполнительной власти, в том числе на местах.

В отличие от правовой ответственности, государственно-правовая, или (что синонимично) конституционно-правовая, распространяется не на всю сферу государственного управления и государственной службы, а в силу его политического характера только на исполнительную власть и её ключевые фигуры. Эта форма ответственности фигурирует в конституциях зарубежных стран как ответственность министров. В рамках компетенции министра различается его правовая и политическая ответственность. Правовая ответственность связана с различными отраслями права (трудовое, гражданское, уголовное), а политическая - с принципом разделения властей. Реализация политической ответственности может означать и лишение доверия к данной ключевой фигуре в государственном управлении или на государственной службе.

Современные реалии государственного управления и государственной службы как в России, так и в зарубежных странах свидетельствуют о том, что в работе их организаций в качестве доминирующих можно выделить только одну-две формы ответственности. Однако в периоды кризисов или функциональных сбоев другие формы ответственности заполняют образующиеся пустоты. Очевидно, что приоритет отдельных форм ответственности относителен, на смену им приходят альтернативные. Субъект ответственности в принципе должен удовлетворять целому спектру требований - профессиональным показателям, навыку исполнения решений, политическим нормам. В современной практике государственного управления государственный служащий выполняет функции не столько «подчинённого», сколько специалиста-профессионала, в известной мере - новатора в сфере своей профессиональной компетентности.

Специфика реализации принципа и нормы ответственности в институте государственной службы состоят в том, что отдельные её формы могут вступать в конфликт друг с другом. Повиновение, исполнение решений сверху, характерное для иерархических систем, часто препятствует профессиональной компетенции в индивидуальных оценках. Проблема столкновения политических амбиций и профессиональной компетенции - одна из животрепещущих в практике государственной службы в постсоветской России. Однако наряду с конфликтом имеет место и взаимовлияние форм ответственности, например, господство иерархии может способствовать утверждению власти норм и легальности. В 90-е гг. иерархическую и правовую формы ответственности, ориентированные на нормы и процедуры, постепенно вытеснили более динамичные формы ответственности - профессиональная и политическая.

В современных исследованиях феномена ответственности в государственном управлении и государственной службе выделим новые подходы, связанные с концептом «внутренний тип ответственности». Внутренний тип ответственности означает создание эффективных механизмов управления и контроля внутри самого института государственной службы, его многочисленными подсистемами и организациями. На уровне практической реализации эта установка предполагает осуществление адекватного административного и финансового контроля над подразделениями, ответственными за решение конкретных задач; минимизацию административных и финансовых связей между подразделениями с тем, чтобы чётко определить, кто и за что отвечает при единоначалии в подразделениях.

В последнем десятилетии XX в. в России существовали определённые трудности при формировании системы ответственности государственных служащих. Причиной можно считать слишком сильную взаимозависимость принимаемых решений (т. е. не всегда было ясно, кто отвечает за качество отдельных услуг, за

расходование финансовых средств); различные принципы организации финансовых и административных систем, что препятствует прозрачности и контролю; неоднозначность управленческой и финансовой практики применительно к реализации через институт государственной службы намеченных политических целей. Административные реформы начала 2000-х гг. были направлены на преодоление именно этих противоречий в государственном управлении и государственной службе [4].

При рассмотрении принципа ответственности в государственной службе важно иметь в виду, что внешний тип ответственности проецируется на комплекс связей организации с её внешней средой. В этом отношении целесообразно выделить некоторые аспекты ответственности института государственной службы - ответственность перед гражданами как налогоплательщиками, финансирующими институт государственной службы; ответственность перед вышестоящими уровнями исполнительной власти. Определяющее значение здесь имеет то, насколько общенациональные, государственные интересы отражаются в конкретной, повседневной практике государственной службы; ответственность перед электоратом (гражданами, политическими партиями, общественными движениями, активно участвующими в политической жизни страны и избирательных кампаниях).

Классический пример системы ответственности - ответственность министров, которые отвечают перед законодательным (представительным) органом за работу возглавляемой ими отрасли, а государственные гражданские служащие, работающие в министерстве, агентстве, службе, отвечают перед министром. В современных органах государственного управления и государственной службы такая форма выступает как известный анахронизм. Сегодня большинство традиционных бюрократических подразделений реструктуризированы. Первоочередной задачей многих подразделений в государственной службе являются усилия по развитию отраслевой политики, контроля за исполнением, а конкретное решение многих задач отнесено к сфере компетенции агентств. Эти шаги административной реформы позволяют восстановить принцип ответственности министра.

К классическим формам политической ответственности относится также парламентский контроль. Популярна и такая форма контроля, как институт омбудсмана, или парламентского уполномоченного, непосредственно подчинённого парламенту. Ключевым для укрепления системы ответственности государственного служащего всё чаще признается функционирование самостоятельной организационной структуры административного суда. Такая система позволяет привлекать к ответственности учреждения и лица, осуществляющие власть, за решения, противоречащие праву или общественным интересам.

Таким образом, развитие института ответственности государственной службы предполагает и развитие новых форм контроля за практикой государственного управления и функционированием бюрократической системы. Эта задача выделена в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации 2009 года: «Перемены к лучшему происходят лишь там, где есть возможность для открытого обсуждения возникающих проблем, для честного соревнования идей, определяющих методы их решения, где граждане ценят общественную стабильность и уважают закон. И в то же время могут брать на себя ответственность за положение дел в своём посёлке или городе» [5]. Развитие российской государственности в третьем тысячелетии предполагает освобождение от неэффективных бюрократических практик. Как отмечается в Послании, совершенствование демократических процедур несёт не только политическую, но и экономическую, хозяйственную выгоду. Диалог государственных служащих и общества предполагает взаимную заинтересованность в реальных демократичес-

ких практиках, к числу которых относится развитие института ответственности государственной службы.

В то же время в современной литературе, посвящённой вопросам этики и морали государственных гражданских служащих, широко распространена так называемая интервенционная теория. Она разработана для решения проблем, связанных с изменениями основ административной этики. В рамках интервенционной этики государственного служащего предлагается учитывать факторы, позволяющие трансформировать и модернизировать этические нормы государственной службы, не разрушая самих основ - этических принципов государственных служащих, основанных на чувстве достоинства и самоуважения [6]. Это своего рода классика в данной среде научных исследований. Ещё в середине 1960 гг. этика достоинства предлагалась как средство улучшения морального поведения в государственных организациях и учреждениях, особенно таких, чья деятельность напрямую связана с обслуживанием населения.

Этика достоинства базируется и на более ранних концепциях, в которых моральная ответственность государственного гражданского служащего рассматривалась в форме внутреннего ощущения собственной работы как конструктивной общественной практики, направленной на процветание и стабильность государства. При этом этика достоинства не является специальным кодексом этических правил и инструкций, регламентирующих нравственные ценности государственных гражданских служащих, что превращает их в своего рода касту с собственными законами и интересами. Создание специальных кодексов поведения государственных гражданских служащих не должно превратить их в закрытую общественную группу, что в конечном счёте умаляет демократию, умаляет правовое государство.

Сегодня в политической жизни многих стран, в том числе Российской Федерации, ощущается насущная потребность в улучшении нравственного климата государственной службы. Более того, создавая новые формы организации жизнедеятельности общества, необходимо сознательно воздействовать на уровень морального состояния государственных служащих. Интервенционная теория и создавалась как ответ на потребность в практических решениях этих проблем. В основе этой теории лежит этика достоинства и самоуважения, т. е. тот внутренний моральный стержень каждого человека, который определяет меру морального здоровья общества и власти, а также задает нравственный стандарт для государственных гражданских служащих.

В последние десятилетия в практике государственного управления и государственной службы в странах, реализующих принципы и ценности демократии, сознательно проповедовались либеральные идеи о приоритете индивидуальных ценностей над общественными. Специальные интересы отдельных индивидуумов или групп приобретали большее значение, нежели собственно общественные. В результате проблемы этики и морали государственных служащих пересматривались. Однако предложенная ориентация на внешнюю регламентацию этического поведения государственного служащего, не затрагивающую внутренние человеческие качества и принципы, не прижилась повсеместно. Улучшение морального климата в управлении, во власти, в государственной службе в рамках этой парадигмы сводилось исключительно к институционализации этики через активный законодательный процесс.

Этика достоинства и самоуважения на протяжении долгого времени не признавалась научными и политическими кругами, так как её установки отличались от тезиса о росте значимости специальных интересов по отношению к общественным. Однако многие исследователи в начале 2000-х гг. приходят к выводу, что

этика достоинства и самоуважения важна для развития государственной службы [7]. Они исходят из того, что разработкой законов и инструкций невозможно окончательно решить этическую проблему. Конкретные моральные сомнения и затруднения связаны именно с внутренними качествами человека, которые не зависят от его внешней лояльности – личной или организационной.

Невозможно создать благоприятный моральный климат путём инструктажа или принудительного ознакомления с кодексом поведения государственных служащих. Необходимо, чтобы этот кодекс или инструкции органично сочетались с личными качествами людей, которые проходят кадровый отбор на государственной службе. Сторонники интервенционной этики призывают к сознательному формированию метаэтики, в рамках которой обеспечивается общая направленность этического и морального развития государственных служащих, беря в основу ряд исходных личных качеств [8]. Нравственность рассматривает принципы правильного и неправильного поведения. Такие черты характера, как честность, сострадание являются моральными критериями, по которым индивидум оценивает уровень правильности или неправильности своего поведения. Этика более сконцентрирована на стандартах допустимого поведения для общественной или профессиональной группы, для членов определённой организации.

Иными словами, в действительности этика является некой теорией, которую выбирает группа людей, объединённых по определённому признаку. С точки зрения интервенционной теории этика представляет собой некую систему координат, в рамках которой профессионал, полагаясь на собственные разум и чувства, может принять правильное решение, но оно будет отражать действия и чувства всего коллектива.

Интервенционная теория предполагает, что, в конечном счёте, индивидум будет свободен в своих решениях и действиях, которые не ограничиваются инструкциями. Однако для эффективного внедрения подобной теории в практику работы государственных организаций необходимо создание благоприятного морального климата, который всегда является главным стимулом, определяющим поведение индивидумов. Нравственный климат в организации является той основой, которая содействует или, напротив, препятствует правильным решениям индивидумом этических проблем.

На его создание влияют различные факторы. Во-первых, принципы кадрового отбора и последующие процессы внутренней социализации государственных служащих на новом месте работы. Во-вторых, способы, с помощью которых в организации осуществляются лидерские функции и процессы принятия решений. В-третьих, особенности коммуникационных связей внутри организации, прежде всего между различными иерархическими ступенями. Следовательно, рассматриваемая интервенционная теория включает в себя независимые переменные, на основе которых создается моральный базис, стимулирующий развитие этики самоуважения среди государственных служащих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гришковец А.А. Правовое регулирование государственной гражданской службы в Российской Федерации. М., 2003.
2. Лобанов В. Уроки и перспективы административной реформы в России // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 1.
3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
4. Медушевский А. Административная реформа в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4.
5. Российская газета. 2009. 13 ноября.

6. Вигуру К. Деонтология государственной службы. 2003; Государственная служба за рубежом. Кодекс управления государственной службой Великобритании. М., 2003.
7. Государственная служба за рубежом: Реферативный бюллетень № 6. 2004; Эффективность органов власти. М., 2005.
8. Оболонский А.В. Этические аспекты регулирования государственной службы //Общественные науки и современность. 2004. № 5.
9. Андрианов В. Административная реформа: мировой опыт и российские реалии // Общество и экономика. 2003. № 7-8.
10. Канке В.А. Этика ответственности. Теория морали будущего. М., 2003.

M. Pogrebnaya

ETHICS AND RESPONSIBILITIES OF CIVIL SERVANTS

Abstract. This article describes and analyses moral problems of state civil servants' activity in a megalopolis. The article provides a review of the main categories of professional ethics such as business activity, responsibility, professional code of a state civil servant.

Key words: responsibility, business activity, professional code of a state civil servant.

«НЕКУЛЬТУРНОЕ» ЗАКОНОДАТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ*

Аннотация. Статья рассматривает философско-культурологические аспекты соотношения законодательства и управления. Актуальность исследования обусловлена тем, что современные законодательство и управление представляют собой некую практику культурологических, психологических и экономических образов, культурных метафор и постмодернистских, манипулятивных знаков, а культурология становится фундаментом, на котором создается концептуальная практика управления и законодательства культуры и социума.

Ключевые слова: законодательство, культура, управление, общество, социум, право, традиции, нормы.

Актуальность исследования обусловлена сложностью современной системы координат культуры и социума, в которой вопросы законодательства и управления становятся, своего рода точками отсчета, позволяющими восстановить деформированные стороны современного общества. Поскольку система современных ценностей становится, говоря словами Ж. Бодрийара, «ускользающей», а человек превращается в «существо-потребляющее», на наш взгляд, именно научная «реабилитация» культуры с позиций законодательства и управления способны помочь современному обществу называться культурным в высоком смысле этого слова.

Перефразируя слова А. Митты, можно сказать, что современные законодательство и управление подобны процессу регулирования уличного движения, с одной только разницей: регулировщики обеспечивают безопасность движения, а современные «управленцы» и «законодатели» делают все, чтобы столкнуть движущиеся друг другу навстречу тенденции. Результатом подобного процесса иногда оказываются и положительные факты, в частности, то, что именно данный процесс помог нам осознать необходимость целостного и всестороннего исследования философско-культурологического аспекта в современном управлении и законодательстве.

Рассматривая этимологию слова «управление», мы столкнулись с изначально свойственным этому слову позитивным аспектом: управлять чем-то – значит успешно распоряжаться, одолевая препоны и трудности, ладить, приводить в порядок и преуспевать. Хотелось бы возродить в отечественной культуре и социуме понимание управления именно в таком значении. В.И. Даль под этим словом понимал распоряжение, заведование, причем слово управление употреблялось им в значении «направления» [3, с. 504].

Подчеркнем, что понятие «управление» тесным образом связано с одной из основных категорий диалектики – категорией развития. Само развитие, свойственное всякому движению, не есть простое изменение вообще. Оно неотрывно связано с процессами отражения (как всеобщего свойства материи), сопровождаемыми упорядочением связей, накоплением информации, образованием новых структур, их дальнейшим усложнением и детерминацией. Указанное имманентно присуще социальным образованиям и называется самоорганизацией. Одними из важнейших элементов самоорганизации и являются управление как процесс и механизм управления как его существенная составляющая.

* © Страданченков А.С.

Отечественная наука сводит большинство из имеющихся трактовок понятия управления к пониманию его как элемента и/или функции организованных систем различной природы (социальных, технических, биологических), которая обеспечивает сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, выполнение их целей и программ [8, с. 408].

Механизм управления представляется также как система, состоящая из следующих основных элементов: субъект управления, объект управления и канал связи, осуществляющий функцию контроля и передачи команд воздействия [6, с. 256]. В составе управленческой системы иногда выделяют и другие элементы, представляющиеся тем или иным авторам актуальными: содержание управления (управленческие технологии), социальные ресурсы, принципы и методы управления [9], а также цель управления, управленческую деятельность [4, с. 32] и т.д.

Достаточно большой разброс в определении элементов системы управления предопределяется тем, что исследователями рассматриваются или системы управления различной природы, или делается акцент преимущественно на том или ином факторе, или же, производится выделение из всей системы управления определенных элементов, понятий, представляющихся наиболее важными, с точки зрения того или иного исследователя. Все это объясняется сложностью даже простого анализа всей совокупности элементов рассматриваемого явления и связей между ними. Как результат, – отсутствие общей теории управленческих систем, попытки создания которой пока достаточно скромны.

Современные управление и законодательство представляют собой практику культурологических, психологических и экономических образов, культурных метафор и постмодернистских и манипулятивных знаков, а культурология становится фундаментом, на котором создается концептуальная практика управления культурой. Под управлением в культурологии мы понимаем деятельность органов государственной власти, направляющей пути развития и функционирование культуры, а также социальную, психологическую и культурную подчинительную связь, которая требует от культуры и социума той или иной формы ее зависимости.

Рассматривая управление в социальной системе, отметим, что основными элементами его являются общество, социальные группы, общности и отдельно взятый человек. В качестве субъектов управления здесь обычно выступают на разных уровнях государство, политические партии и т.п. (*уровень общества*), руководство организации (*уровень любого юридического лица*) или отдельная личность (*в рамках не формальных межличностных отношений*). Первые два субъекта рассматриваются обычно в рамках государственного и муниципального регулирования, а также в различных теориях менеджмента организаций. Личность, как субъект управления, рассматривается очень редко и в основном в рамках микро-социологии и психологии. С некой долей относительности можно говорить как о субъекте управления и о самом обществе.

Однако, в отличие от особенностей основных элементов системы управления в природной, технической и других, так называемых «не живых» сферах, в социальных системах управленческая цепочка и характеристика отдельных элементов механизма управления усложняются. Программа управления здесь создается и доводится до объекта управления конкретными людьми, а в самом объекте управления ведущую роль также имеют люди. Непосредственно объектами управления на разных уровнях социальной системы выступает определенная предметная деятельность. Последняя хотя и осуществляется людьми, но не сводится к ним.

На наш взгляд, в механизме управления социальной системой помимо указанных ранее основных элементов (субъект управления, объект управления и канал связи) целесообразно выделять управляющий субъект (тот, кто разрабаты-

вает, доводит и контролирует программу) и управляемые субъекты. Указанные «управляемые субъекты» объекта управления реализуют программы управления путем участия в той или иной регулируемой деятельности (производственной, политической, судебной и т.д.), на которую направлено управление.

В отличие от большинства черт и характеристик регулируемой сферы деятельности, которые являются достаточно объективными, более-менее точно верифицируемыми и «закладываемыми» в программы управления, управляемые субъекты имеют свои особенные, специфические качества, связанные с самоактивностью, с индивидуальностью людей, составляющих объект управления. Как верно отмечает Г. Атаманчук, «...управляемые объекты – это разные проявления человеческой деятельности, и они не могут не обладать самоактивностью (инициативность управляемых объектов), целенаправленным характером такой активности (люди всегда чего-то хотят), адаптивностью к условиям и факторам природного и социального бытия, самоуправляемостью своей жизнедеятельности и своим развитием, непосредственным восприятием и воспроизводством факторов и закономерностей охватываемых видов деятельности» [7, с. 11]. С этим высказыванием трудно не согласиться.

Современные особенности социального управления актуализируют рассмотрение управления в социальных системах и интересуют нас в данном исследовании не просто в рамках классического управленческого подхода (*субъект управления – объект управления – канал связи*), а с точки зрения наиболее широкой, социально-культурологической позиции. Говоря о последней представляется целесообразным понимать ее, применительно к управлению, в качестве совокупности как указанных компонентов, так и различных элементов факторного воздействия, участвующих совместно в создании, поддержании функционирования и трансформации комплекса нормативно-регулятивных, ценностно-смысловых, знаково-коммуникативных и социально-воспроизводственных средств, механизмов и систем, обеспечивающих коллективный характер форм жизнедеятельности людей.

В данном случае мы считаем необходимым рассмотреть обозначенную позицию на примере анализа генезиса происхождения законодательства, а также определения места, особенностей и роли влияния законодательства в процессе управления социальными явлениями в современном обществе в сравнении с другими социальными нормами. Данный анализ предполагает рассмотрение законодательства как культурного явления в узком смысле. С этой точки зрения законодательство, представляет собой совокупность специфических, специальным образом выработанных, установленных (принятых) и регулируемых социальных норм, имеющих в юриспруденции название «законодательство».

Для того чтобы идентифицировать законодательные (правовые) нормы как таковые, отметим, что законодательные нормы являются разновидностью социальных норм, – существующей в обществе всей совокупности требований, предписаний, пожеланий и ожиданий соответствующего поведения [10, с. 454]. Именно социальные нормы выступают в качестве регулятивов социальных взаимодействий всех видов и уровней, обеспечивая их упорядочивание, организацию, институционализацию и контроль.

К разновидностям социальных норм, примерно сопоставимым по ряду основных критериев с законодательными нормами, можно отнести традиции, обычаи и моральные нормы. При этом основное отличие законодательных норм от указанных социальных правил проявляется в том, что:

- в отличие от традиций, законодательные нормы предписываются социокультурной среде «извне», посредством правоустанавливающих механизмов, органов, а также тем, что необходимость выполнения предписанных законодательством

правил поведения или отклонения от них достаточно жестко регламентируется с помощью специальных средств и процедур;

- законодательные нормы соотносятся с обычаями, по сути, так же как и с традициями. Объясняется это тем, что термин «обычай» очень близок к сути традиции и порой отождествляется с ней; но если обычаи основываются при переходе от поколения к поколению на стереотипных способах поведения в быту и производстве (производственные навыки, гражданские праздники и т.п.), то традиции содержат в себе и большой оценочный компонент;

- моральные (этические, нравственные) нормы, как и традиции, обычаи, также формируются в процессе социальной деятельности людей без участия каких-либо директивных инстанций, как итог «естественного отбора». Мораль генетически восходит к феномену обычая, но отличается от него и от традиций в основном тем, что регулирует преимущественно сферу межличностных отношений, основанных на принятых в данном обществе нравственных ценностях, касающихся вопросов поведения, общения и взаимоотношения между людьми. В основе обязывающего (прескриптивного) значения нравственных норм лежит сила личных убеждений людей и общественного мнения;

- законодательные нормы имеют, в отличие от указанных норм, также особый, «усиленный» канал обратной связи в лице специальных органов и способов фиксации их выполнения или нарушения.

Как известно, гносеологически истоки происхождения тех или иных законодательных норм коренятся в существовании у людей на межличностном и групповом уровнях различных потребностей и необходимости регулирования противоречий, возникающих в процессе жизнедеятельности, более эффективными, оперативными и «объективированными» средствами, чем обычные традиционные нормы. К последним мы относим указанные выше – традиции, обычаи, моральные нормы и т.п. Эти нормативные регуляторы были достаточно эффективными на уровне устоявшихся межличностных связей, которые преобладали в первобытных обществах, и остаются в настоящее время в семейных, дружественных, «соседских» отношениях.

Объясняется это тем, что в таких закрытых системах отношений как семья, род сохранение устойчивости (гомеостазис) во много основывалось на межличностных связях. Любые отклонения в таких обществах поддавались регулирующему воздействию со стороны достаточно «мягких», традиционных – не формализованных государством норм. В разрешении же более ощутимых отклонений внутри системы регулирующее влияние имела сила авторитета, представляющего собой изначальную, наиболее простую форму власти. В силу объективных условий существования первобытных общностей в них не проявлялось явной, ощутимой индивидуальной дифференциации, а как следствие, – не было особой надобности в индивидуальных нормах, направленных на ограничение решений и поступков отдельного человека. Это обстоятельство, а также существование агрессивной внешней среды, к которой надо было приспосабливаться, чтобы выжить, предопределяло существование только интересов группы, стада, первичного коллектива.

Отметим, что в качестве основных стимулов к возникновению формализованных (в отличие от традиционных), законодательных норм послужили противоречия, возникающие в результате освоения социальными общностями окружающей среды. Особенно это проявилось на этапе перехода от присваивающей к производящей экономике и появления протогосударств (примерно IV-III тыс. лет до н.э.) [2, с. 35-41]. Взаимодействие самой социальной системы с внешними факторами (с окружающей средой во всех проявлениях), расширение культурно-социальных связей, уже выходящих за рамки межличностных отношений, повлекло откло-

нение от нормы параметров привычной и сложившейся до этого системы регулирования. И в этом диалектическом процессе стало реализовываться «золотое правило» саморегуляции, сформулированное П.К. Анохиным следующим образом: «Само отклонение от нормы служит стимулом возвращения к норме» [1, с. 27].

Мы полностью согласны с тем, что человеческое общество, как сложный социальный организм состоит из огромного количества людей, социальных групп и общностей, каждый из которых имеет различные потребности, являющиеся основанием возникновения интересов, мотивов и изначальной движущей силой, источником и причиной деятельности людей [10, с. 454]. Исходя из этого общество, как любая система, должно поддерживать баланс интересов всех ее порой разнонаправленных сил (социальных групп, общностей, партий, движений и т.д.), находить направления своего дальнейшего развития в свете объективных внутренних и внешних требований, а также вырабатывать средства для поддержания самого общества в определенном качестве. Поэтому и необходимы какие-то общие правила игры, устанавливающие для человека и всего общества рациональные, не выходящие за определенные рамки действия. Роль их как раз и осуществляется законодательной (нормативной) базой.

Однако, законодательство не должно, да и не может регулировать все существующие в обществе отношения. Оптимальным считается его адекватное соотношение потребностям государства, гражданского общества и отдельным субъектам деятельности. Необоснованное расширение сфер законодательного регулирования ведет к созданию условий тоталитаризма, потере инициативности хозяйствующих субъектов и простых людей, к застою. Неоправданное же сужение регулирующего влияния права может повлечь преобладание интересов отдельных субъектов в ущерб другим лицам, гражданам. Образование политического вакуума способствует выведению на политическую сцену субъектов, выдвигающих в качестве приоритетов не общественные, а свои личные интересы. Последнее чревато потерей легитимности государственной власти и даже распадом общества.

Подчеркнем, что законодательство выступает в процессе управления социальными системами как средство. В качестве такового законодательство представляет собой специфический инструмент в форме специальным образом установленных норм, обеспеченных силой государства, правомочных органов и поэтому эффективно влияющих на регулируемые субъектами управления, на определенные сферы общественной жизни. Указанные нормы, – суть установления, определения обязательных или возможных действий, границ и условий определенной деятельности, способов существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления. В этом проявляется так называемая онтологическая модальность (от лат. *modus* — мера, способ) влияния законодательства на управленческие знания и действия людей.

Законодательные установления различны по субъектам и объектам, по санкциям и точности предписываемых действия, но суть нормативной регуляции у них одна и та же. Необходимость законодательства вытекает из того, что сам человек и организации, ассоциации и т.п., состоящие из людей, в силу изначально присущей им свободы действий не связаны с какими-либо ограничениями и без достаточно жесткого регулирования извне могут погубить друг-друга, деградировать.

Таким образом, основными задачами (целью) законодательного управления на уровне общества является выработка оптимальной системы правовых норм, средств и способов воздействия на поведение людей, управляемых субъектов и объектов, согласование интересов всех участников с целью создания наиболее благоприятных, рациональных и целесообразных условий жизнедеятельности (внутренняя направленность регулирования) общества, его дальнейшего развития, а

также с целью сохранения или улучшения положения государства на международной арене (внешняя направленность регулирования).

В целом, состав основных элементов механизма законодательного управления на уровне общества можно представить как совокупность законодательных и исполнительных органов государства, органов реализации и контроля за выполнением управленческих предписаний и снятием обратных сигналов (субъекты управления и канал обратной связи), объектов управления (отдельных людей, социальных групп, общностей и различных отношений), а также сами законодательные нормы, способы и средства правового воздействия.

Основными аспектами дальнейшего исследования данного вопроса является изучение содержания, структуры, динамики и технологий функционирования управления и законодательства как социокультурного способа коммуникации между людьми в контексте современной социокультурной ситуации. Важным, на наш взгляд, становится ценностно-регулятивный аспект управления и законодательства, в контексте которого могут быть рассмотрены непосредственно коммуникативные аспекты коллективной и индивидуальной деятельности управленцев, творцов законодательства и потребителей продукции современной культуры и социума.

Завершим статью пожеланием, которому бы порадовался «драматург-регулировщик» А. Митта: хотелось бы, чтобы современные законодательство и управление стали подобны регулировщикам, которые действительно обеспечивают безопасность современного социокультурного движения, а современные «управленцы» и «законодатели» делали бы все, чтобы избежать столкновения движущихся друг другу навстречу тенденций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анохин П.К. Психическая форма отражения действительности // Ленинская теория отражения и действительность. София, 1973.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Классик, 2008. Т. 4. 2750 с.
4. Костин В.А. Теория управления. М.: Гардарики, 2004. 224 с.
5. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М.: Юрист, 2001. 520 с.
6. Мухин В.И. Основы теории управления. М.: Экзамен, 2003. 256 с.
7. Основы современного социального управления. Теория и методология / Под ред. В.Н. Иванова. М.: Экономика, 2000. 271 с.
8. Прохоров А. М., Кравцов С. И. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: ДРОФА, 2006. 1887 с.
9. Управление организацией / Под ред. А.Г. Поршнева, З.П. Румянцевой, Н.А. Саломатина. М.: Инфра-М, 2003. 716 с.
10. Энциклопедический социологический словарь / Под общей ред. Академика РАН Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. 940 с.

A. Stradanchenkov

NON-CULTURAL LEGISLATION IN THE CONTEXT OF THE MODERN THEORY OF MANAGEMENT

Abstract. Article considers filosofsko-kulturologichenskie aspects of a parity of the legislation and administration. The urgency of research due to the fact that current legislation and management practices constitute a kind of cultural, psychological and economic images, metaphors and postmodern culture, manipulation of symbols, and cultural studies is the foundation on which to create a conceptual management practices and legislation, culture and society.

Key words: legislation, culture, management, society, socium, law, traditions, regulations.

ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ «СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ»*

Аннотация: Рефлектируя процессы принятия решений и развертывания на их основе социальных технологий, автор вырабатывает преференциальную шкалу, позволяющую располагать деятельностные, поведенческие единицы в порядке предпочтения.

Ключевые слова: социальная сбалансированность, эффективность, оптимальность.

Основной задачей философии с самого ее возникновения, как известно, является поиск надежного основания для упорядочения нашей жизни, на котором бы покоилось как знание, так и деятельность. Честолюбивая задача взрастить древа познания и влияния на некоей выверенной почве дала старт культивации, – всепоглощающие проекты «базиса несомненности» заполнили рефлексию. В философии науки развилась апология «естественного света» души (сенсуализм, рационализм, интуитивизм). В философии политики развилась апология «естественного света» власти (от идеологов абсолютизма до идеологов коммунизма).

Обжигающее аналитическое резюме данного всего обросшего словами опыта – разочарование. Фундаменталистская идея точности, строгости, достоверности, очевидности в познании и добротворения в обществе провалилась. Требования всестороннего доказательства для знания и совершенства для социума оказались невыполнимыми. «Мы как бы носимся на обширной поверхности вод, – безуспешно итожил Паскаль, – не зная пути... Только что думаем укрепиться на одном основании, оно колеблется и покидает нас; хотим ухватиться за него, а оно, не поддаваясь нашим усилиям, ускользает из наших рук, обращается в вечное перед нами бегство... Таково наше естественное положение, как оно ни противно нам: мы хотим желанием найти твердую почву, последнее незыблемое основание, чтобы воздвигнуть на нем башню... Но все здание наше рушится, и земля разверзается под нами до самых недр своих» [1].

Дискурс ограничил порыв, оконтурив собственные претензии предписаниями Геделя, Тарского, Левенгейма, Сколема (математика), Эйнштейна, Гейзенберга, Бора (естествознание). На этом идейном фоне утвердилась развенчивающая абсолюты, занижающая познавательную сдержанную позицию платформа пробабализма.

Исходно же крепящийся на санирующих инициативах праксис не в состоянии априори лимитировать полномочия, – никаких препятствий благородной оптимизации социального устройства единственно нет; все имеет пределы, кроме склонности к улучшению.

Между тем искомого воплощения чаемого (демократия, вовлечение, участие, реализация) не достигается. В чем причина? Почему создаваемое нами незавершимо? Как объяснить, что есть равенство без свободы; что алчность пребывает единственным мотивом действия; что растет праздность; что... Что мешает создать социум, отвечающей идеалу?

Оказывается: мешает человек, при полномочиях субъективный фактор, по обстоятельствам лишаящий миротворчество надлежащих гарантий.

Мощь духа терпит крах, облачаясь в формы повседневных дерзаний. Интри-

* © Титкова О.В.

га претворения сместила акцент, переместив центр тяжести с проблематики фундаментального основания на проблематику фундаментального действия.

Доктрину методического действия в философии науки отработывал интуиционизм, в философии политики дисижнионизм.

Меньше действуешь – больше выдумываешь. Привнесение элемента реализма в знание и общество связывается с пафосом конструктивности. Если знать структуру действия – технологию задания объекта, его обмирщения, – можно получать выверенный предсказуемый результат. И в случае дискурса, и в случае праксиса возможно досконально знать творение (ряды идеальных (натуральные числа) и социальных (институты) структур), иметь ручательство состоятельности.

Дух конструктивности, отнюдь не будучи изопрением ума, однако, навеивает романтическую картину мира. Во-первых, творец далеко не всегда исчерпывающе знает творение (можно ввести понятие числа, но не ведать «исконной» его природы). Во-вторых, перевод рассмотрения из плоскости «сущность» в плоскость «устроение сущности» не снимает проблемы. Поддерживаясь сильными допущениями регуляризованности, нормосообразности онтологии (реалий), он ничего не говорит ни о характере, ни об условиях их (допущений) соблюдения. Отчего вдруг исключается возможность возведения безрассудства в ранг государственной философии (позволяющей, к примеру, в колхозе им. Кутузова ставить памятник Наполеону), отчего принимается рокайльная схема: добродетель полномочна, жестокость не ужасна?

Конструктивный подход автоматически не исключает лекомысленность, беспорядочность, опрометчивость, – понимание этого определяет новый виток исчерпания «субстанции» «технологией».

Лишенные естественности конструктивистские умопостроения пытались отредактировать теоретики «рационального действия».

Онтология конструктивного социума задается условием упорядоченности жизнетокса – поддержание прагматического порядка на базе торжества закона. Тезис о порядке как консервативной стратегии нормативной самоорганизации – исполненный прелести доктринальный ход, сообщающий деятельности качества целесообразности, прозрачности, однако прелести весьма хрупкой. Представление жизни как организованной «по принципам» диссонирует с реальной жизнью, развертывающейся «по прецедентам». Имеет смысл вести речь, следовательно, о двух рядах (1) организованной по универсальным нормам доктринальной жизни; (2) подчиненной уникальным интересам реальной жизни. Оба ряда, конечно, не совпадают.

Состыковку «организации» и «процесса» налаживают адепты «рационального действия». Смысл их предложения сводится к синхронизации ориентиров социального действия.

Причина неорганичности (конфликтности) общества – несопряженность ценностных опосредований, дискордантность пресуппозиций, веро-убеждений как результат приобщенности к различным ареалам значимостей. Навести мосты между несовместимыми экзистенциальными кредо позволяет «рациональность», манифестируемая в формальном модусе аппаратом доказательства, началом достаточного основания; в материальном модусе – понятием благополучия, вытекающем из ориентированного социального действия с точки зрения определенных ... ценностных постулатов» [2].

Итак, всеобщее благоденствие кредитруется рациональным, т.е. рассчитанным, скалькулированным, сбалансированным по интересам, действием. За безмятежной поверхностью картины, однако, проступает тревожная суть. Достаточно от явления перейти к структурным контекстам, озаботившись: как и чем раци-

ональность субъективно свободного действия конституируется. Мрачная ирония состоит в ответе – она конституируется инструментально-бюрократически.

Жизненное – обусловливаемо ли чиновно-административным? Скрытая и жесткая детерминация одного другим выхолащивает жизненное; люди, подмятые институтами, расчеловечны. Восстановить «рациональность» в терминах жизненных пробует понимающая социология, комбинирующая более консистентной (сопоставительно с веберовской) моделью «знающей онтологии».

Мир не имеет в отношении нас намерений. Мы сами конструируем их для себя внедрением ценностей, целей, идеалов. Насущная задача быть в ценностно диверсифицированном мире просто не решается. Если не принимать «прозрение приходит до понимания» возникает проблема осмысленной коммуникации, продуктивного обмена деятельностью.

Презумпция «действие происходит через овеществление общих ценностей» (Парсонс) распространяется на узкий круг тривиально стандартных ситуаций; она не захватывает в свой бредень ситуации оригинальные, когда, скажем, между «взял» и «отдал» вклинивается «преобразил». И все же с позиций феноменологии (понижающей социологии) в плюрализме ценностей *per impossible* выделяется некое твердое ядро, и это суть канонизирующие поведенческие фигуры императивы первоисточной экзистенциальной стихии, само собой разумеющейся действительности – сферы *Lebenswelt*.

Опыт разнообразен, всякий руководствуется в утверждении специфической системой релевантностей в зависимости от богатства опыта. Никакой резонансности социальных действий тут нет. Она возникает в магистрали того, что каждый шаг утверждения в мире основывается на запасе раннего опыта, который включается в определенное единство в форме нашего запаса, служащего каждому из нас в качестве направляющей схемы наших собственных поведенческих актов. Все наши опыты в жизненном мире связаны с этой схемой, так что предметы и события в нем встречаются нам с самого начала в своей типичности [3].

Значит, типизация – предпосылка сходности наших толкований, действий, реакций в жизненном мире. Романтическое «крушение сердца», своеобразие выйти из ряда вон отступает перед архетипами *Lebenswelt*, задающими стратегическую инициативу. Конгениальность, причастность единым корням порождают сорт лишенной географических пределов гуманитарной общности, передаваемой основным тезисом взаимных перспектив: «я» подчиняюсь тому, что другие видят мир в принципе также, как «я».

Тезис обслуживают идеализации

- а) обменчивости точек зрения;
- б) конгруэнтности систем релевантности.

Назначение первой – гомология взглядов: «я» ставит на свое место другого и убеждается в одинаковом отношении к лицу. Назначение второй – гомология ценностей: «я» предполагает, – различия в подходах к миру иррелевантны; наши оценки тождественны; мы судим о вещах по сходным критериям; мы допускаем, что другие действуют так же, как мы это знаем.

Жизненный мир структурирован. Мы знаем как. И потому, утверждаясь, взаимодействуем, рассчитывая на взаимность. Это «рассчитывание» представляет не веберовский казенный расчет, но общую веру, что ни мир (идеализация последовательности «и так далее»), ни «я» (идеологизация повторяемости «я могу снова и снова»), ни мне подобные (идеализация типичности «я», вытекающая из основного тезиса взаимных перспектив) не изменяет свойства.

Все минется, одна правда останется. Правда же состоит в признании неадекватности фундаментальных феноменологических идеализаций константности.

Изменяющийся мир, несамостоятельный человек (человек «линяет» (Сартр) в ходе жизни), неодинаковые люди – существуют разное, действуют не сопряженно, в исполнении жизненных проектов руководятся не «типичными» ценностями.

Обязательное и поддержанное силой высказанных идей итоговое убеждение заключается в необходимости преодоления естественнонаучного варианта социальной теории. Отрицание самодостаточности гуманитарного ресурса в тематизации человеческих реалий принадлежит прошлому. Никто всерьез не воспринимает органицистские, механицистские, редукционистские модели, связывающие причины поступков с кровообращением и теми обстоятельствами, которые его «усиливают, приостанавливают, ослабляют или ускоряют» [4].

Бихевиоризм, рефлексология уступили место аксиологически ориентированной системе, доктринально выражающей ценностную природу человека.

Человек существо символическое – ценностно выраженное, идеалонесущее. Последнее как родовая сущность проявляется в организации деятельности. Сфера желания (практический разум) озадачивает, сфера познания (чистый разум) производит расчет. Совершенно ясно, что удовлетворить потребность нужно инстинктивно, рефлексивно (в обход «логарифмов»). В принципе, такое не редкость в многострадальной истории, именуемой в подобном случае нечеловеческой.

Человеческая история становится с постановок «допустимо ли», «какой ценой», инициирующих введение оценок, стимулирующих отнесение к ценностям. Поскольку цели и ценности людей различны, описываются сеткой координат с осями «нельзя делать» и «нельзя не делать», постольку есть намерение подчинить их неким абсолютным предпосылкам, находящим оправдание в логическом подходе к решению поисковых задач.

«У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего – иная, чем у неимущего, у мыслящего – иная, чем у того, что не способен мыслить» [5], – отмечал Энгельс. Стремление преодолеть эмпирическое безбрежье, не погрязнуть в частностях влечет обращение к абсолютам.

Религий множество, – Кант полагал возможным замкнуть их на мораль. Отсюда схема «категорического императива».

Обществ множество, – Вебер полагал возможным замкнуть их на управление. Отсюда схема «рационального действия».

Цивилизаций множество, – Сорокин полагал возможным замкнуть их на этос. Отсюда схема «интегральной цивилизации».

Миров множество, – Шюц полагал возможным замкнуть их на *Lebenswelt*. Отсюда схема «сопряженности взаимных перспектив».

Концептуально стратегия абсолютов оправдана: доктринально она позволяет соблюдать теоретико-методологический монизм; приводить многообразие к единству; фиксируя инварианты, разворачивать сущностные тематизации. Эмпирически стратегия абсолютов не оправдана: не имея операциональных эквивалентов, они не получают верификации.

Парадокс – абсолюты теоретически приемлемы, эмпирически не приемлемы – снимается введением эмпирически удостоверяемых абсолютов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Паскаль Б. Мысли // Лабрюйер Ж. Характеры. М.: Художественная литература, 1974. С.68.
2. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. H.1. Tübingen, 1956. S.60.
3. Schutz A., Luckmann T. Strukturen der Lebenswelt. Bd.I. Neuwied, 1975. S.26.
4. Ламетри Ж. О. Сочинения. М.: Мысль, 1976. С.290.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1957. Т.6. С.140.

O. Titkova

THE VALUABLE ANALYSIS OF «SOCIAL ACTION»

Abstract: Reflecting decision-making processes and expansions on their basis of social technologies, the author develops the preferential scale, allowing to have active, behavioural units as preference.

Key words: social equation, efficiency, optimality.

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы формирующейся теории молодежного экстремизма: сущность, специфические особенности, силы и средства. Значительное место занимает типология молодежных объединений экстремистской направленности, а также их состава.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, субъекты и объекты молодежного экстремизма, классификация проявлений молодежного экстремизма.

В жизни современного российского социума все более заметными становятся рецидивы молодежного экстремизма. Один за другим проходят судебные процессы, на которых разбираются убийства на почвах ультраправого и ультралевого национализма. В Интернете множатся факты и видеоматериалы с поджогами и разрушениями управ и других административных зданий, сопровождающиеся экстремистской риторикой. Расширяется круг молодежных организаций экстремистской направленности. В организованных выступлениях молодежных группировок все активнее используется огнестрельное оружие, гибнут люди.

Молодежный экстремизм представляет специфическую социальную угрозу. Молодое поколение изначально, по своей социальной природе, возрасту и положению в обществе обладает теми особенностями и чертами мышления и поведения, которые при благоприятных условиях и целенаправленной деятельности вырастают в социальные негативы. Такими особенностями выступают максимализм и нигилизм, радикализм и нетерпимость, показное новаторство и демонстративная непримиримость, склонность к созданию «особых» групп и коллективов, мировоззренческая неустойчивость и поиски самоидентичности.

В отличие от старшего поколения, основная форма социального протеста которых – различного рода массовые акции, среди молодежи (как это показывает и западный, и российский дореволюционный опыт) широкое распространение может получить тактика группового террора как орудия политической борьбы. Национал-экстремистские организации сегодня активно используют российскую ситуацию, поскольку для некоторых из них работа с молодежью становится основным средством достижения собственных политических и иных целей.

Термин «экстремизм» в переводе с латинского означает «крайний». Под ним понимается «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [1]. Конечно, приверженность к крайним взглядам и действиям имеет место не только в политике, но и в других сферах общественной жизни. Однако самым опасным для государства представляется политический экстремизм, и потому оно склонно особо политизировать данное общественное явление. К нынешнему времени в международной и российской политической и юридической практике еще не выработано общепризнанное определение экстремизма.

Первым примером международного закрепления дефиниции «экстремизм» и отграничения его от терроризма стала Шанхайская конференция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года. Экстремизм здесь расценивался как «деяние, направленное на насильственный захват власти или

* © Юркин И.Н.

насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» [2].

Как видим, в данном документе также представлено определение не экстремизма вообще, а лишь политического экстремизма. Под это определение не подпадают многие экстремистские действия неполитического характера. Экстремизм существует не только на политическом уровне, но и на уровне межличностных, социально-групповых, межнациональных, конфессиональных и других отношений. Несомненно и то, что экстремизм следует отличать от проявлений сепаратизма, национализма, терроризма, шовинизма и других отдельных видов преступлений.

Для более глубокого уяснения сущности экстремизма рассмотрим специфику экстремальной ситуации. Ее противоположностью является ситуация нормальная, неэкстремальная. Носителями каждой из этих ситуаций могут быть человек, группа людей, социальные слои и даже общество в целом. Наиболее общим и первичным признаком погранично-экстремальной ситуации является ее *аномальность*, т.е. ненормальность, отклонение от обычного течения событий, которое сопровождается социальной напряженностью. Рассмотрим, чем же вызвана, обусловлена эта аномальность?

Любая социальная ситуация, в том числе и экстремальная, необходимо включает в себя два основных и взаимосвязанных компонента – *субъекта* действия и *объекта* воздействия. Взаимодействие объекта и субъекта в любой ситуации всегда опосредуется реализацией определенных *целей и задач*, использованием определенных *средств, методов и форм*, а также достижением определенных *результатов* деятельности. В экстремальной ситуации субъект сознательно и целенаправленно прибегает к использованию не нормальных, а *крайних* средств, методов и форм воздействия на объект для достижения запрограммированных результатов.

Субъектами экстремизма называются лица или группы людей, которые занимаются использованием крайних средств, методов и форм для достижения своих целей. Что значит – крайних? Для более глубокого уяснения понятия «крайние средства» (формы, методы) следует кратко представить их наиболее общую классификацию. В частности, различаются средства допустимые и недопустимые, законные и незаконные, нравственные и безнравственные, гуманные и негуманные, ненасильственные и насильственные, целесообразные и нецелесообразные, апробированные и непроверенные, эффективные и неэффективные, нормальные и экстремальные и т.д.

Для субъектов экстремистской деятельности в качестве целесообразных, эффективных и нормальных как правило выступают средства, методы и формы, признанные в обществе ненормальными, недопустимыми, безнравственными, неправовыми и нецелесообразными. Наиболее эффективными для экстремистов представляются *радикальные* средства, формы и методы деятельности. Для них достижение поставленной цели оправдывает все средства деятельности. «Цель оправдывает средства», – таков лозунг экстремистов, не утруждающих себя задуматься о цене, издержках и социальных последствиях применения крайних средств, методов и форм.

Для средств, которые экстремисты используют в достижении своих целей, характерны *правовой нигилизм и нравственный релятивизм*. Экстремисты, как правило, действуют вне правового и нравственного социального поля; оно ими попросту не берется в расчет. Своеобразным оправданием для них всегда служит

достигнутый результат. «Победителей не судят», - так рассуждают многие люди, склонные к использованию радикально- экстремистских средств, методов и форм деятельности.

Крайние средства, методы и формы деятельности, применяемые экстремистами, по своему характеру, назначению и последствиям не соответствуют природе человека и общества в целом. Они, как правило, *антигуманны и насильственны*, поскольку подвергают людей жестокому испытанию. Действительно, любая экстремальная ситуация ставит человека в чрезвычайное положение, угрожает его безопасности и требует от него высшего напряжения жизненных сил для выхода из ненормального положения. В таких условиях человек может проявить как высшие порывы своей души, так и естественные инстинкты самосохранения – подавленность, страх, панику, заторможенность, нервозность, трепет и т.п.

Важной особенностью экстремальной ситуации является ее *конфликтность*. Именно она как крайняя форма развития противоречивости общественных отношений определяет высокую напряженность экстремальной ситуации. Постановка человека в конфликтную ситуацию нарушает стабильный ритм нормальной жизни, прерывает умеренное течение всех процессов и вынуждает его к принятию срочных мер для выхода из создавшегося положения. Иными словами, экстремист для достижения своих целей ставит в экстремальную ситуацию других людей, вынужденных также действовать экстремально.

Радикализм и насилие в использовании средств для достижения поставленных целей – таково существо экстремизма, независимо от многообразных форм его проявления. Экстремизм – это всегда крайне решительные цели и мотивы деятельности, радикально-насильственные средства их достижения и крайне высокие социальные издержки достигнутых результатов. Такая позиция в сознании и поведении социальных субъектов означает нарушение оптимальной и целесообразной меры во всех параметрах деятельности, а потому она не имеет исторического и логического оправдания.

Наглядный пример экстремизма – революционный фанатизм. Особенно четко это проявилось в программном сочинении одного из идеологов российского терроризма С.Нечаева под названием «Катехизис революционера». Революционер, по мнению Нечаева, не связан с обществом никакими обязательствами, так как он рвет с этим обществом все связи и потому вправе не считаться ни с его законами, ни с его моралью. Нравственно для него то, что способствует торжеству революции, а безнравственно и преступно все, что ему мешает. Человеческие чувства родства, дружбы, любви и даже чести должны быть подчинены фанатичной страсти революционного дела.

Позицию экстремизма нельзя принять, но можно и нужно понять, дабы предотвратить или пресечь. Можно понимать под экстремизмом личностное качество, состояние и направленность индивидуального и группового сознания, совокупность практических действий человека или группы людей, а также определенное социально-политическое движение. Но в любом случае при этом всегда будут присутствовать его существенные признаки – крайняя неумеренность в постановке целей, использование насильственных средств и методов воздействия на людей, создание конфликтной и угрожающей безопасности людей ситуации.

Основными компонентами экстремизма являются экстремистское сознание, экстремистские силы, организации, движения, а также практика экстремистской деятельности, включающая в себя и поддержку экстремизма – информационную, нравственную, организационную, техническую, финансовую.

Экстремизм может быть представлен на двух уровнях индивидуального и общественного сознания: на социально-психологическом, неофициальном, повсед-

невном, социально-бытовом и на официальном, политико-идеологическом уровнях.

Первый, низший уровень экстремизма чаще всего проявляется в повседневной жизни отдельных людей и локализуется в сфере межличностных и социально-групповых отношений. Примерами такого экстремизма являются различные проявления агрессивности и экспансивности, нетерпимости и максимализма, религиозного фанатизма, национализма и шовинизма, жестокости и элементов насильственных действий в межличностных и социально-групповых отношениях.

Следует отметить, что экстремизм на социально-психологическом, повседневно-бытовом уровне, хотя и страдает безнравственностью, но далеко не всегда переходит правовые пределы. Социально-бытовой экстремизм в сфере межличностных и социально-групповых отношений находит свое осуждение преимущественно на уровне общественного мнения в форме замечаний, порицаний, предупреждений и критики. И лишь наиболее крайние его проявления, имеющие опасные последствия, могут быть осуждены в правовом порядке.

Проявления экстремизма на более высоком, политико-идеологическом уровне относятся к разновидностям политического экстремизма, которые представляют более высокий уровень опасности для личности, общества и государства. Так, например, в законодательном порядке в России запрещены такие проявления политического экстремизма, как пропаганда войны, национальной розни, религиозной и этнической нетерпимости, призывы к насильственному свержению официальных органов власти, публичные оскорбления официальных общественных деятелей и т.п.

Статьи 282, 282.1 и 282.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации предусматривают правовую ответственность граждан за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, за организацию экстремистского сообщества, за участие в экстремистском сообществе, а также за организацию деятельности экстремистской организации. Кроме того, с 25 июля 2002 года в России действует Федеральный Закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» [3], в котором подробно перечислены проявления экстремизма и правовая ответственность за них.

В соответствии со ст.83 Трудового Кодекса, ст.21 Федерального Закона «Об основах государственной службы Российской Федерации», ст.47 Уголовного Кодекса РФ и ст.3.11 Кодекса административных правонарушений РФ лица, занимавшиеся экстремистской деятельностью, по основаниям и в порядке, которые предусмотрены законодательством, могут быть по решению суда ограничены в поступлении и нахождении на государственной службе. Им также может быть запрещено занимать и любые другие должности, заниматься определенной деятельностью, в том числе и педагогической.

Экстремизм, как и терроризм, *многолик*. В аспекте движущих сил, т.е. субъектов экстремистской деятельности можно различать: проявления экстремизма в сознании и поведении отдельных людей; групповые экстремистские действия толп населения при подстрекательстве или провоцировании их отдельными лицами; экстремистскую деятельность соответствующих общественных, религиозных, националистических, региональных, политических и иных организаций.

Таковыми, например, следует признать стихийные действия молодежной толпы после публичного просмотра некоторых футбольных матчей, к которым привлечено общественное внимание. Аналогично экстремистскими являются и погромно-хулиганские действия молодежных групп под лозунгами «Бей черных!», «Долой кавказцев из Москвы!» и т.п.

Молодежный экстремизм вбирает в себя все сущностные, причинные, соци-

альные, аксиологические, феноменологические и социокультурные стороны экстремизма. Специфика проявления экстремизма в молодежной среде определяется прежде всего и главным образом особенностями самой молодежи как возрастной категории населения и особой общественной группы. Экстремистское поведение молодежи формируется на фоне экономического неравенства и социальной несправедливости, отчужденности от труда и потребительской психологии, незавершенности процесса социализации и неустойчивости мировоззренческих установок, социального бескультурья и примитивного досуга.

Для агрессивно-экстремистских проявлений в молодежной среде характерно относительно быстрое превращение индивидуального сознания в групповое. Социологами установлена примерная типология молодежных объединений экстремистской направленности. К ним, в частности относятся следующие типы группового экстремизма [4].

1. Случайная группа – стихийно-спонтанные объединения кратковременной агрессивной направленности, затевающие, к примеру, драки на дискотеках, стадионах, в игровых клубах, ночных барах, на улицах и площадях.

2. Ретристская группа – более устойчивое объединение, обычным занятием которой является бесцельное времяпровождение, сомнительные развлечения, токсикомания и наркомания и т.п. Такие группы агрессивны потенциально и способны проявить агрессию в любой напряженно-конфликтной ситуации.

3. Экстремистская группа – организованное объединение агрессивной направленности, характерными особенностями которого является протестная психология, жесткая иерархическая структура, сильное групповое давление на участников и исходная нацеленность на нарушение социальных норм по принципу противопоставления «мы – они». Таковы, например, скинхеды, изначально и враждебно нацеленные на агрессию по отношению к представителям нерусской национальности.

Формы, способы и мотивы участия каждого молодого человека в группировках экстремистской направленности далеко не одинаковы. В данном аспекте социологи, психологи и криминологи типизировали всех членов молодежных группировок агрессивной направленности. Типология эта выглядит так:

- аутсайдеры – люди, не нашедшие признания и возможностей для самореализации, попавшие в жизненный тупик, т.е. неудачники;
- маргиналы – одинокие люди, утратившие социальные связи, находящиеся в состоянии дискомфорта и желающие самоутвердиться любым путем;
- конформисты – люди, легко поддающиеся влиянию авторитетов и быстро усваивающие групповые нормы агрессивного поведения;
- приспособленцы – люди, внешне принимающие групповые нормы для признания и повышения своего социального статуса;
- фанаты – те, кто неукоснительно предан нормам агрессивной группы и отрицает все, что идет вразрез с ними;
- борцы – те, для кого борьба за идею значит больше, чем сама идея, кто всегда готов к активным действиям индивидуально и в составе группы;
- вожди – люди, склонные к лидерству и всегда готовые исполнить руководящую роль в групповых действиях агрессивной направленности;
- попутчики – те, кто случайно примкнул к группе по мотивам солидарности, но не по собственным убеждениям и взглядам;
- имитаторы – те, для которых участие в группе необходимо по чисто внешним, символическим соображениям собственного достоинства;
- скучающие – люди, которые основным мотивом участия в группе считают желание содержательно организовать свой досуг, найти среду общения.

К специфическим причинам участия молодежи в экстремистской деятельности можно отнести ещё ослабление воспитательной роли семьи, падение престижа школьного и вузовского образования, упразднение массовых детских и молодежных учреждений, разлагающее влияние средств массовой информации, коммерциализация культуры и культурно-досуговой сферы, безработица и неустроенность в жизни, ухудшение физического и психического здоровья молодежи.

Это подтверждают данные сравнительных мониторинговых опросов студентов ряда московских вузов, в частности, МГИМО, МГУ, МГПУ. На вопрос: «Какие факторы лежат в основе роста экстремистского и противоправного поведения в молодежной среде?» большинство студентов указало на плохое воспитание, отсутствие культуры и правильных жизненных ориентиров, желание быстро заработать, недостаток внимания к молодежи со стороны государства, стадный инстинкт, подражание друзьям, стремление к экстремальным ситуациям [5].

Таким образом, экстремизм в молодежной среде представляет собой сегодня индивидуальное и социально-групповое проявление крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношениях средств и способов жизнедеятельности молодежи как особой социальной группы и специфической возрастной категории населения. Специфика проявления социального экстремизма в молодежной среде обусловлена прежде всего особенностями самой молодежи - незавершенностью процессов экономической, политической и духовной социализации, мировоззренческой неустойчивостью, недостаточной социально-психологической зрелостью, поверхностным восприятием противоречивости социального бытия, безоглядным стремлением к решительному обновлению форм и способов жизнедеятельности, склонностью к проявлению различных форм социального протеста и неумеренностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей. Что же касается характерных черт проявлений экстремизма в молодежной среде, то ими являются протестный характер, преобладание групповых форм, политическая индифферентность, повышенная криминогенность, бескомпромиссность и социально-психологическая импульсивность, высокая неумеренность и эскалация насильственных форм проявления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Советский энциклопедический словарь. Изд. Четвертое. – М., 1987. – С. 1546.
2. Устинов В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. – 2002. - № 5.
3. Федеральный Закон Российской Федерации № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002.- № 5. Ст.3031.
4. Социология молодежи. Под. ред. В.Т.Лисовского. – СПб, 1996.- с. 286-288.
5. Информационно-аналитический сборник «СИМПТОМ». – 2001.- № 9 (115).

I. Yurkin

ESSTNCE AND DESCRIPTION OF YOUTH EXTREMISM

Abstract. The article describes main problems of a forming theory of youth extremism: essence, peculiarities and means. The key role belongs here to a typology of different youth organizations devoted to extremism and classification of different types of youth extremism.

Key words: extremism, youth extremism, subjects and objects of youth extremism, classification of different types of youth extremism.

ПРЕДВИДЕНИЕ БУДУЩЕГО*

Аннотация. На основе оценки значительного массива фактов естественнонаучного и социального профиля автор задает эпистемологическую модель предвидения. В отличие от пророческого прорицания научная прогностика высказывает не о будущем, а о возможном.

Ключевые слова: прогноз, предвидение, прорицание, пророчество, мантика.

Выход из лабиринта проблем – некий предел жизненному негативу – намечает экстраполяция, оказывающаяся сортом мысленного эксперимента по устранению несообразного, рациональному дистанцированию, отстранению от него. Функциональное амплуа ее чрезвычайно богато: это – оценка возможностей, моделирование социальных состояний, определение лучшего, подчиненных концептуальному движению от несовершенного к совершенному без эволюционно-практических опосредований.

Интеллектуальные модусы предвосхищения – пророчество, утопия, прогноз.

Пророчество. Оракульство, предреkanie, прорицание есть вид пророческой, сакральной, оккультной, тайной практики уловления и выражения высшей, потусторонней воли. В вариантах жреческой, священнослужительной, паранормальной духовной миссии оно может вызывать глубокое душевное понимание, участие, сопричастие, средствами ratio, однако, как любое мантическое трансцендентное не схватываемое.

Утопия. Во всех разновидностях – дистопия, какотопия, энтопия, антиутопия, ухрония – выступает ресурсом абстрактного конструирования потребного вне практической адресации к реалиям. Утопия черпает силы из действительности мысли, а не наличной действительности. Как указывает Мор, в утопическом социуме имеется много такого, чего можно более желать в наших государствах, нежели ожидать. Стихия утопии – перекрывающее несостоятельность, неосновательность существующего, воображение, влекущее некое видение предстоящего. Последнее, выражая предметность потенциально сущего, ветвится на кошмар и упование.

Кошмар – гнетущее, тягостное предвосхищение будущего. Упование – радостная, благоприятная надежда на осуществление ожидаемого.

То, что позволяет утопии становиться величиной, принимаемой в расчет, есть не нескончаемое устремленное к чуду – заклятие, а приближение бытия к ценностям, превышающим воплощенное.

Когда созревает ученик, рождается учитель. Когда формируется потребное понятие жизни, оформляется побуждение трансформировать жизнь по понятию. Ввиду сказанного нельзя не отдать должное правоте О. Уальда, расценивающего прогресс как объективацию утопий. Спрягая бытие с ценностями через побуждение, волю, утопия будирует социальное зодчество. Почему утопия находит путь в жизнь? Потому что подчиняет жизнь интенции ее улучшения.

«Поэт творит призраки, а не подлинное бытие», – утверждал Платон, усматривавший в деятельности поэтов великую опасность для общества. Социальная опасность поэтического труда в ценностном разворачивании, обуреваемом идеала-

* © Яровой А.В.

ми, захваченном порывом превозмочь сущее. Превзойти, преодолеть, пересилить, стремительным броском перекрыть имеющееся, – пафос утопического сознания, образующий причину его длительных и глубоких влияний на социальную практику.

Заставлять думать об обществе (гражданской участи), которого еще нет, – великое призвание утопии, накапливающей смысловое напряжение в человеке и тем самым потворствующей его самопревращению. Если пытаться выразить значение утопии для культуры одним словом, им может быть «ценностное причинение», «идеалоемкое целеполагание». Долженствовательным идеалообязывающим воскормлением, – именно им пропитаны многоликие ветвления утопических композиций, у истоков которых – творения Эвгемера («Священная запись») и Ямбула («Государство Солнца»), живописующие идеальные общественные состояния, в изобилии данные в пересказах и независимых проработках позднейших авторов.

Классические образчики утопий, сообщающих мощный толчок скованной заскорузлым неудобьем жизни энергии народа, – сочинения Платона («Государство»), Августина («О граде божьем»), Мора («Утопия»), Иоахима Флорского («Вечное Евангелие»), Андреаса («Христианополис»), Бэкона («Новая Атлантида»), Кампанеллы («Город Солнца»), Гартлиба («Макария»), Гарлингтона («Океания»), Кабе («Путешествие в Икарию»), Ренувье («Ухрония»), Морриса («Вести ниоткуда»), Ш.Фурье («Новый хозяйственный социетальный мир»), Батлера («Эревуон»). В жанре негативных утопий-предупреждений и антиутопий выполнены труды Бульвер-Литтона («Грядущая раса»), И. Греча («Через зодиак»), Г. Честертона («Наполеон из Ноттинг-Хилла»), Э. Форстера («Машина останавливается»), Хаксли («Прекрасный новый мир»).

В России построением утопий занимались М. Щербатов («Путешествие в землю Офирскую»), А. Радищев («Путешествие из Петербурга в Москву»), В.Одоевский («Город без имени»), А. Улыбышев («Сон»), Г. Данилевский («Жизнь через сто лет»), Н. Чернышевский («Четыре сна Веры Павловны»), Н. Федоров («Вечер в 2217 году»), А. Богданов («Красная звезда»). Вариант антиутопии и замятинское «Мы».

Упомянутое, хорошо известное – лишь краткий ни на что не претендующий перечень; вообще же с XVI по середину XX вв. выпущено около тысячи утопических текстов.

Конечно, представитель социального добра не имеет права на бездействие. Между тем «договоры без меча – только слова» (Гоббс). Одно дело парангон, другое дело технология его получения. Одно дело «перманентное фойе с буфетом» (Мандельштам), другое дело средство его обретения. В реальном движении от образа (идеал) к исполнению (воплощение) приходится сталкиваться с пылью и грязью на дороге, бревнами и камнями под колесами. Преодолеть житейские неурядицы на пути претворения проектов утопия не способна. Неискоренимый изъян ее – надмирность, отсутствие гражданского обсчета, выверенных способов достижения идеалов.

Лишенная объективного общественного смысла, отображающая лишь мощь субъективного провидения, утопия демонстрирует и силу и бессилие человека. Силу дерзновенного духа, бессилие косной, связанной устоями жизненной плоти. Любая попытка обмирщения утопии неизменно, неизбежно терпит крах, влечет всеохватную, проникающую гуманитарную катастрофу.

Прогноз. Дабы не подменять красоту пользой, истину благополучием, дабы не покупать счастье ценой свободы, требуется пренебречь легковесной утопией в пользу солидного, добропорядочного прогноза.

С эпистемологической точки зрения прогноз (предвидение, предсказание,

предвосхищение, предугадывание) есть выводное утверждение о будущем, имеющее вид гипотетической (вероятностной) импликации «согласно основаниям (факты, законы, свидетельства) X возможно (во всей видимости; скорее всего) осуществится Y». По своему познавательному регламенту прогноз выгодно отличается от профетических (мантических), проскопических утверждений (прорицаний) относительно будущего, получаемых в рамках знахарства и шарлатанства.

Насколько состоятельна прогностика в качестве когитального ареала, некоего познавательного поля, способности суждения, имея в виду возможности, значения, границы социальной науки, условия реализации позитивного знания? Вопросу нельзя отказать в остроте, учитывая онтологический модус будущего, – а именно: будущее как *status rerum* не есть объективная данность, а значит, не может выступать содержанием никакого верифицируемого исследования; знание предметно, о том, что не существует, т.е. не составляет плоти размышления, не может быть знания. Вероятно, по этой причине дискредитируется возникшая во второй половине XX в. на Западе футурология, квалифицируемая нашими ортодоксами не иначе, как псевдо- и квазидисциплина.

Что же – предвидение невозможно? С поспешным утвердительным ответом на вопрос не позволяет согласиться реальность науки, в познавательную компетенцию которой наряду с описанием и объяснением входит и предсказание. Хрестоматийны антиципации

– Адамса (1845), Леверье (1846) (на базе исследования возмущений Урана) о существовании Нептуна, открытого Галле (1846);

– Галлея – о времени нового появления (1758) кометы 1682 (комета Галлея);

– Менделеева – успешное применение периодического закона для фиксации свойств галлия;

– Дирака – о наличии позитрона.

Пожалуй, намечается антиномия: предсказание невозможно ввиду отсутствия *status rerum* (невыполнимость методологического условия предметности знания) – предсказание возможно как технический, стандартный, благодетельный мыслительный акт (выполнимость функционального условия познавательной деятельности). Преодоление антиномии просматривается в перспективе понимания самой когнитивной природы предсказания как эвристической процедуры.

Поскольку регулятивная презумпция предметности знания радикальна, предвидение актуально незаданных состояний невозможно. Непреднамеренное указание на предметные данности незаведомым образом (догадка, тем более орakульство, мантика) в счет не идет. Позитивное научное предвидение реализуется как фиксация потенциально заданных состояний, имеющих укорененную диспозицию становления. Будущее в первом и втором значении различно. Одно трансцендентно, непознаваемо. Другое тенденциозно, – вымогаясь настоящим, принципиально познаваемо. Инструментом освоения будущего во втором значении служат динамические и функциональные зависимости, опора на которые обеспечила научный успех выше упомянутых исследователей.

Точность, строгость, детализированность прогностики варьируют в зависимости от параметров онтологических сред, репрезентирующих их концептуальных моделей. Вехи эвристического роста здесь намечают стадии:

– организованная простота (неорганика) – классическая механика;

– неорганизованная сложность (неорганика) – статистическая физика;

– организованная сложность (органика, надорганика) – синергетика, цивилизационистика.

Методологическим оформлением реальности прогнозов на базе установленных, эмпирически подтверждаемых законов служит максима: предвидение

высказывает о возможном, а не существующем. Реальность не фатальна, а значит, не рационально логична; ресурсами не принимающей в расчет случайности формальной логики адекватно восстановлена она быть не может (другого взгляда придерживался Демокрит, предложивший исходно пуристический сценарий познавательного опыта: редуцировав реальность к логике, он элиминировал из нее случайность. Универсум Демокрита до мозга костей фатален, рационален, а потому тривиален).

Применительно к социосфере возможность предвидений как эмпирических констатаций, дедукций из капитальных законов (закон возрастания потребностей) не проблематизируется. Объект проблематизаций – возможность предвидения удаленного будущего. Общество, в отличие от природы, будучи формацией мотивной, целерациональной, достижительной, утрирует волеоформленные ценности, интересы, а значит, подтачивает способность суждения, проецированного на перспективу. Прозрачным образом данное обстояние дел выразил Вундт, сформулировавший принцип гетерогении целей, согласно которому цели, преследуемые человеком, во-первых, не осуществляются непосредственно, в чистом виде; во-вторых, модифицируются, видоизменяя поступки, вследствие чего результаты деятельности а) оказываются независимыми от ее агентов; б) не вытекают из исходных мотивов; в) не могут быть реконструированы из строя человеческого духовного мира.

Сказанное подрывает пресуппозицию рациональности общества, обуславливая стихийность, волюнтарность, турбулентность, а вместе с этим непредсказуемость социальных процессов. Открыть ворота истины через методологическое восстановление полномочий ratio в общественном знании пытались идейные прогрессисты.

Посредством изучения основных фактов истории Милль предполагал установить обязывающий закон прогресса, который, будучи однажды выявлен, «должен позволить ... предсказывать будущие события точно так же, как в алгебре: установив несколько членов бесконечного ряда» возможно «открыть принцип регулярности в их образовании и предсказать, каким будет следующий участок ряда для любого числа членов» [2].

Представляющий концептуальный остов прогрессизма, нацеленный на дополнение каузализма гносеологический функционализм знаменательно оптимизирует экстраполяцию понятием роли, места, назначения элементов в системе. Интерес аналитика с этих позиций озабочивается разложением целого на составляющие с конституированием зависимостей между частями и их с целым с прояснением оснований адаптированности, жизнеспособности целого. Все дело в том, однако, что антиципирующий потенциал социальной мысли методологический функционализм должным образом не усиливает и не расширяет. Издержками императивов этого достаточно перспективного направления в их фактической реализации выступают абстрактность, статизм рассмотрения, искусственность допущений равновесности, интегрированности, неконфликтности общества, невнимание к индивидуальному. В качестве ресурса обеспечения идейного прогрессизма, следовательно, методологический функционализм не состоятелен.

Мотив прогрессизма как базиса предвосхищения социальных реалий пропитывает и позитивизм, и марксизм. Духовная близость одного другому почему-то не получила до сих пор надлежащего истолкования. Между тем и Конт и Маркс крепили свою доктрину на идентичных посылах. Оба разделяли

– универсализм: человеческая история удовлетворяет единым законам развития социальных организмов – модель смены духовного (Конт) или материального (Маркс) строя общественных систем (стадии, формации);

– эволюционизм: детерминированное движение от менее к более совершенным фазам; вариант Конта – духовный (интеллектуальный, моральный) рост; вариант Маркса – материальный (производительные силы) рост;

– финализм: допущение предельных фаз совершенствования; вариант Конта – позитивное состояние; (вариант Спенсера – «законченное счастье»); вариант Маркса – коммунизм;

– профетизм: живописание «на наших глазах» утверждающегося грядущего;

– активизм: инициация чаемого; вариант Конта – проповедь новой религии человечества; вариант Маркса – интернационал – революционное преобразование общества.

Если миллевская редакция прогрессизма страдает издержками функционализма, то контовско-марксовская его редакция страдает издержками механизма. Последний проявляется в некритической способности утверждать о будущем по «прошлому и настоящему» с игнорированием перипетий живого творчества истории агентами деятельности.

Живое творчество истории непосредственных ее вершителей – людей – Конт тщился перекрыть («снять») воспитательным, Маркс – силовым преображением. Ни один, ни другой не допускали возможности привнесения новых фактов, определений (вследствие инновационного инспирирующего обновления) в историческое развитие. Печальный финал и позитивистской, и марксистской философии истории – прокламация неизбежного в жизни. В случае позитивизма – стадия социального равновесия; – Спенсер, спроецировавший второе начало термодинамики на общество в фазе «идеальной» стабилизации, столкнувшись с кошмаром «тепловой смерти», пережил сильнейшую депрессию. В случае марксизма, – стадия социализма с вегетативными свойствами: отсутствие жизненных состояний (доктринальное упразднение товарно-денежных отношений, классовых, национальных различий).

Такого рода «неизбежности» вызывали обоснованный протест критиков «научного социализма» справа, что дало повод Марксу констатировать: «... коммунизм видит, что другие социалистические учения ... возникают против него не случайно, потому что он сам есть только особенная, односторонняя реализация социалистического принципа» [3]. За эвфемизмом «особенная, односторонняя реализация социалистического принципа», как задним числом мы знаем, – властно-силовое, принудительное вызывание потребных состояний через террористическую авторитарную диктатуру. Для оправдания ее действий и потребовалось развернуть идеологию научного предвидения человеческого будущего.

Обмирщавший трагический опыт волюнтарного безумия Сталин высказывался на сей счет предельно последовательно: сила марксизма-ленинизма в том, что он «дает партии возможность ориентироваться в обстановке, понять внутреннюю связь окружающих событий», предвидеть их ход, «распознать не только то, как и куда развиваются события в настоящем, но и то, как и куда они должны развиваться в будущем» [1].

Итак, возможность пророчества оправдывает социальный волюнтаризм, а за ним и неистовство насилия, и самовластное самоуничтожение.

Хорошо предсказуемы фигуры заорганизованного (механизированного, дисциплинарного, милитаризованного) общества, где мысль и воля правящей элиты выступают рычагом создания наличных реалий. Однако в своем положительном богатстве даже самая заорганизованная социальная действительность не может быть порождена ни мыслью, ни волей; управление человеческой свободой не может быть безграничным.

Во-первых, есть гетерогения целей (на что указывал Вундт). Во-вторых, есть полная или частичная деперсонализация результатов индивидуальных действий (стихийность обмена деятельностью) (на что указывал Кондратьев). В-третьих, есть научно-технический прогресс, радикально модифицирующий исторические судьбы человечества (на что указывал Поппер). В-четвертых, есть спонтанность частного выбора (на что указывал Реклю, утверждая: «Равновесие общества является неустойчивым, исключительно вследствие тех причин, которые ставятся отдельными личностями в свободе расширения их деятельности. Свободное общество создается путем представления свободы развития каждой человеческой личности, которая является первичной и основной частицей общества и, по собственному желанию, соединяется с другими такими же частицами»). В-пятых (на что указываем мы), есть испытание человеческой веры, ценностные переакцентировки, смена символических ниш, обновительная роль идеалов, переводящие действия из одного плана в другой.

А propos: распад СССР доктриной не предусматривался. Оставляя за рамой обсуждение темы – хороша ли доктрина? – напомним лишь, что в предсказании устойчивости роста советского общества были единодушны и отечественные обществоведы, и советологи ЦРУ (наблюдение А. Фурсова).

Подытоживая, обозначим: самовластие сердца, воли, мгновенных вспышек огня; эпизоды перехода черты разума или, напротив, его универсализации; случаи вмешательства объективных факторов, когда природа вступает в свои права; расщепление духовного мира, отмежевание от самих себя; гипертрофия чувства предстояния, утверждение собственной исключительности; драматичные вовлечения в иные игры, – все это, принятое во внимание, позволяет вывести положение о непредсказуемости ценностных основ жизни, а с этим – ее общую непредсказуемость. Отсюда: утверждения об удаленных будущих состояниях человечества либо невнятные утопии, либо бессмыслицы. Мудрая осмотрительность обязывает высказываться не о будущем, а о возможном; лишь это не обманывает ожиданий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. История ВКП (б). М., 1946. С. 339.
2. Милль Дж. Ст. Логика. СПб., 1892. С. 183.
3. MEW. Bd.1. S. 344.

A. Jarovoj

FUTURE PREDICTION

Abstract. On the basis of estimation of a considerable amount of the facts natural-science and a social profile the author sets epistemological prediction model. As opposed to profetical predictions scientific prognostic states not about the future, but about the possible.

Key words: the forecast, a prediction, a prediction, profetizm, a mantic.

РАЗДЕЛ III.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 1(091)

Виноградов А.И.

ВЗГЛЯДЫ Л.П. КАРСАВИНА НА СУБЪЕКТ ИСТОРИИ*

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды на субъект истории, сформировавшиеся у одного из представителей русской религиозной философии – Л.П. Карсавина. Выявляются наиболее характерные черты этих взглядов. Показывается, что в учении Карсавина представление о субъекте истории, сформированное в философии всеединства, получило дальнейшее развитие и конкретизацию. На основании изученного материала делается вывод о том, что взгляды Карсавина на субъект истории стали логическим завершением тех тенденций в его понимании, которые были заложены В.С. Соловьевым.

Ключевые слова: субъект истории, философия всеединства, русская религиозная философия, метафизика, личность, коллективная историческая индивидуальность.

Л.П. Карсавин - одна из ключевых фигур русской религиозной философии XX века. В его творчестве были последовательно реализованы и получили дальнейшее развитие принципы, сформулированные в русле школы философии всеединства. В частности, Карсавин подробно разрабатывал учение о субъекте истории, продолжая традиции, заложенные основателем школы В.С. Соловьевым. Можно утверждать, что понятие субъекта исторического развития является одним из важнейших понятий философии истории Карсавина. В нем нашли отражение самые существенные представления философа об историческом процессе. Притом, что Карсавин не часто употреблял сам термин «субъект истории», именно его содержание служило для мыслителя предметом постоянного философского интереса. Достаточно упомянуть о карсавинской иерархии личностей, которая, по сути, характеризует участников исторического процесса и взаимоотношения между ними.

Карсавин, также как и Соловьев, основывает свой анализ субъекта истории на двух понятиях: «цель» и «развитие», поскольку без них невозможно определить характер субъекта. Цель, является желательным результатом деятельности субъекта, благодаря чему определяет характер его развития и выражает самую сущность субъекта, развивающегося в ходе достижения этой цели.

Говоря о понимании Карсавиным цели развития субъекта истории, надо отметить, что философ отказывался видеть такую цель в конце процесса развития или в одном из его этапов, так как в этом случае произойдет обесценивание всех прочих этапов. Все моменты развития, с его точки зрения, должны быть равноценны, как этого требует теория всеединства: «всякий момент содержит в себе нечто неповторимое и ценное абсолютно» [1, с. 63]. Тем не менее, Карсавин признает ие-

* © Виноградов А.И.

рархию моментов развития, в которой значение каждого момента зависит от степени его приближения к абсолютному идеалу. Последнее обстоятельство придает цели развития метафизический смысл: цель истории оказывается выведенной за пределы земного существования. Благодаря такому пониманию цели исторического развития возникает представление об истории как всеобщем процессе, едином во всех своих частях. Недаром Карсавин подчеркивает, что «развивающееся не допускает никакой атомизации» [1, с. 20].

В данном представлении проявилось характерное для Карсавина отношение к истории как к процессу принципиально отличному от всех прочих явлений. Суть этого отношения была сформулирована Карсавиным в работе «О началах» (1925). В ней философом был провозглашен методологический принцип, состоящий в том, что человеческое сознание способно познавать «моменты либо преимущественно со стороны их разъединенности, либо преимущественно со стороны их единства» [2, с. 119]. И отличие истории заключается как раз в том, что ее проявления всегда воспринимаются в разъединенности: «объекты истории всегда конкретны или, по крайней мере, даны не без конкретных своих осуществлений» [2, с. 122].

Следовательно, для познания подлинной цели истории (а не той, которая представляется при поверхностном эмпирическом ее изучении) необходимо отвлечься от ее «конкретных осуществлений» и обратиться к ее метафизическому плану, в котором эта цель обладает недостижимым для эмпирии единством. Так факт многообразия исторических явлений Карсавин использует в качестве методологического основания для вывода о необходимости обращения к метафизическому плану истории. Цель истории с этой точки зрения обладает метафизическим единством и, как следствие, субъект истории (понимаемый как метафизический, а не эмпирический субъект) также обладает метафизическим единством.

Другой вопрос заключается в том, насколько осуществлено или, вообще, осуществимо это единство субъекта истории. Для ответа на него Карсавин использует понятие «развитие». При определении этого понятия применительно к субъекту истории, мыслитель выделил две его характеристики.

Во-первых, он подчеркивает непрерывность протекания исторического процесса, не допускающую никакого разъединения между элементами, составляющими ее субъект. Показательно, что в ходе рассуждения, посвященного этому вопросу, Карсавин, говоря о единстве истории, апеллирует к представлению о психической жизни отдельного человека, являющегося, по его определению «последнею «единицею» исторического процесса» [1, с. 25]. Психическая жизнь каждого индивида является непрерывным процессом. По аналогии с ней непрерывностью наделяется и процесс взаимодействия индивидов между собой.

Во-вторых, развитие субъекта истории по Карсавину не поддается причинному истолкованию. Мыслитель иллюстрировал это положение картиной взаимодействия двух людей, каждый из которых в своих восприятиях и действиях не может быть детерминирован только воздействием другого человека, внешним по отношению к нему влиянием. «В каждом индивидууме, поскольку он воспринимает воздействие другого и развивает то, что получает от него и делает своим, и поскольку он воздействует на другого сам, есть нечто беспричинное, даже не разъединимое на свое и чужое» [1, с. 26].

Как первая, так и вторая характеристики процесса развития со всей очевидностью свидетельствуют о том, что субъект истории, являющийся носителем этого процесса, представлялся Карсавину как единый, обладающий всеобщностью и как понимаемый только в своем единстве. Недаром главной задачей истории Карсавин считал «познание всего космоса, всего тварного единства как единого развивающегося субъекта» [1, с. 81].

Реализация такой задачи как «познание всего космоса» предполагает выход за пределы материального многообразия мира в область метафизики. К такому предмету изучения как «весь космос» не применимы те методы исследования, которыми пользуются в отношении пространственно ограниченных предметов. В результате, его познание неизбежно приобретает метафизические черты, становится чисто умозрительным. Поэтому Карсавин и строит свою философию истории на основе рассуждений о метафизическом плане реальности.

Он прямо заявляет, что «осмысление истории человечества возможно только как метафизика истории, степенью близости к которой определяется ценность всякой исторической работы» [1, с. 171]. Но, логическим продолжением метафизики является признание религиозной картины мира. Понимая развитие как метафизический процесс, Карсавин не мог не наделять его чертами, свойственными для явлений, относящихся к области религии. Там, где позитивисты пытаются выявить естественные законы функционирования истории, Карсавин видит проявление высшего, Абсолютного начала, обуславливающего собой все сущее.

В своем учении о субъекте истории Карсавин проявил себя последовательным противником одной из наиболее мощных тенденций западноевропейской философии, заключающейся в максимальном дроблении этого субъекта. Начавшаяся с эпохи Возрождения секуляризация сознания постепенно приводила европейских мыслителей к необходимости преодоления христианского представления о человеке как субъекте истории. Его место все больше занимали отдельные народы (О. Шпенглер, А. Тойнби), классы (К. Маркс, Ф. Энгельс) или индивидуальности (В. Дильтей). Для Карсавина неприемлемы подобные точки зрения. Всем своим творчеством он пытался вернуть пониманию субъекта истории утраченную целостность. Главную ошибку западноевропейской философии Карсавин видел в индивидуалистическом характере применявшейся в ней гносеологии, закономерным продолжением которой и было отрицание всеединства субъекта истории.

С этих позиций Карсавин критиковал Шпенглера, который разбивает субъект истории на изолированные культуры. Он усматривал в концепции Шпенглера подспудное признание одного общего для всех культур закона развития. А наличие этого закона должно приводить к выявлению одного единого субъекта истории [1, с. 96]. Не принимал Карсавин и утверждение классового или партийного эгоизма, которые так ярко были выражены в марксизме. Что же касается методов исторического познания, применявшихся Дильтеем, то Карсавин, в некоторой степени разделяя методологию, применявшуюся немецким мыслителем, считал, что между познающим и познаваемым субъектами существует не просто психологическое сходство, но фундаментально единство. Личность, по его мнению, должна воспринимать другое «я» как свое иное, должна осознать свое двуединство, свою соотнесенность «с другими индивидуальными личностями в лоне симфонической и социальной личности» [3, с. 10], то есть, познавать себя как часть единого целого, в своем всеединстве с другим. В результате, у Карсавина мы видим не одиночку, противостоящего враждебному ему миру, а личность, осознающую свое органическое единство с ним, что принципиально отличает его позицию от подхода Дильтея.

Отдельные люди, группы людей или события представлялись Карсавину лишь частными проявлениями высшей реальности, конкретизациями того, что в ней уже существует. Эта характеристика подтверждается следующим заявлением Карсавина: «История индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще» [1, с. 86]. Для него в каждой отдельной личности индивидуализируются тенденции, свойственные общим структурам: народу, национальности, культуре и другим. Главное в личности – это ее типичность, характерность для

того общего начала, проявлением которого она является.

Карсавин применяет это положение для собственного решения вопроса о роли личности в истории. С точки зрения карсавинской методологии значение отдельной человеческой личности должно быть таково, как и значение личности коллективной. Ведь и та, и другая личности представляют собой индивидуализацию всеединства, его момент. Не удивительно, что с точки зрения Карсавина бессмысленно говорить о традиционно понимаемой роли отдельной личности в смысле ее влияния на исторический процесс [1, с. 316].

Однако, при этом, нельзя полагать, что Карсавин совсем не признавал роли личности в истории. Скорее, можно говорить, что эта роль понималась им своеобразно. Отдельная личность по Карсавину поднимается до статуса субъекта истории в те моменты, когда она действует не своевольно, в соответствии с собственным произволом, а служит для раскрытия и конкретизации смысла деятельности, содержащегося во всеедином человечестве, выступает способом проявления «всеобщей личности», метафизически восходящей к Богу.

Все вышесказанное о развитии истории предопределило понимание Карсавиным ее субъекта как всеединого человечества. Ярче всего суть этого понимания раскрывается в решении Карсавиным двух вопросов: во-первых, вопроса о структуре субъекта, а, во-вторых, вопроса о соотношении структурных элементов между собой.

В структуру всеединого человечества как субъекта истории входит множество компонентов. Самым элементарным из них является отдельная человеческая индивидуальность. Затем идут различные социальные группы или коллективные исторические индивидуальности. К ним Карсавин относит семью, племя, род, сословие, класс, народ, культуру и другие.

Как отдельная индивидуальность, так и коллективные исторические индивидуальности являются по своей сути эмпирическими индивидуализациями во времени и пространстве всеединого исторического субъекта. Процесс исторического развития представляется Карсавину как непрерывное появление и гибель бесчисленных индивидуальностей. Одни из них существуют очень краткий исторический период, другие – несколько дольше и лишь немногие – в течение относительно долгого времени.

Однако возникновение и гибель индивидуальностей, по Карсавину, представляют собой только внешний, эмпирический план истории. Подлинной реальностью является идеальное или усовершенное человечество, как абсолютное задание для эмпирии [1, с. 260]. В ракурсе этой идеи каждая индивидуальность есть всеединое человечество, но в его несовершенстве и становлении. Таким образом, структурно субъект истории, согласно взглядам Карсавина, принципиально делится на две неравные части: с одной стороны – механическое единство разрозненных эмпирических людей, объединяемых общностью пространства и времени (человечество как совокупность физических существ) и, с другой стороны, метафизическое единство всех людей, объединенных духовной общностью (человечество как всеединая симфоническая личность). При этом эмпирическая часть субъекта истории представлялась Карсавину лишь неполным и частичным отражением его метафизической части. Подлинный субъект истории, согласно ему, – это метафизически понятое человечество.

Второй вопрос касается соотношения структурных элементов эмпирического человечества между собой. Карсавин видит в них определенную систему отношений, иерархичность. Место элемента в иерархии зависит от того, индивидуализацией какого из более крупных элементов он является. Есть элементы низшего и высшего порядка, причем, первые являются индивидуализациями вторых. Так,

личность отдельного человека является индивидуализацией качеств более высоких личностей (коллективных индивидуальностей). Человек, по Карсавину, ничего не добавляет к тому, что он получил от них, так как в его душе не может быть моментов, независимых от высших индивидуальностей, он представляет собой только их конечное, последнее качественное [1, с. 75-76].

Как на один из наглядных признаков того, что тот или иной элемент занимает более высокое место в иерархической структуре, Карсавин указал на приносимые ради него жертвы элементами, занимающими более подчиненное положение: «везде, где мы имеем дело с самопожертвованием, как не случайным явлением, перед нами биологический индивидуум высшего порядка, жертвующий своей частью» [4, с. 102].

Но и среди коллективных исторических индивидуальностей имеется своя иерархия. Карсавин выделяет среди них индивидуальности двух типов: надорганические (семья, род, племя, народ, культура и др.) и органические (класс, дружина, католическое духовенство и др.). Надорганические индивидуальности мыслитель рассматривает как собственно-всеединные, а органические как умалено-всеединные. Притом, что ни один из типов коллективных исторических индивидуальностей не выражает всей полноты всеединого субъекта истории, тем не менее, надорганические индивидуальности достигают этого в большей степени [1, с. 154].

Существует своя иерархия и внутри надорганических индивидуальностей. Высшее место в иерархии таких индивидуальностей, по Карсавину, занимает Церковь. Это вполне закономерно вытекает из всей предшествующей логики его рассуждения. Человечество становится субъектом истории благодаря сотворившему его Богу. Будучи несовершенным в материальной действительности, оно стремится к Богу, как к своей цели. А символом и выражением связи Бога и человечества является Церковь, отражающая, таким образом, смысл существования субъекта истории, его задачу – стать совершенной Церковью [1, с. 172]. Церковь по Карсавину представляет собой предельное совершенство для человечества, а процесс исторического развития – это раскрытие, развертывание Церкви [1, с. 273].

Карсавин признает, что конкретным объектом изучения для историка всегда является живая развивающаяся личность [1, с. 189]. Но узнать ее по отдельным отрывочным проявлениям невозможно, поэтому историк восходит к общему и стремится найти в этой личности проявления всеединства, которое связывает все проявления в единую картину. Таким образом, отдельная личность как объект изучения историка, ведет его к познанию всеединства, частной индивидуализацией которого эта личность является. Благодаря этому, познав нечто общее в одной личности, историк вправе делать заключения по аналогии в отношении других личностей [1, с. 200]. Это означает, что предметом истории является то общее, что характерно для всех проявлений всеединого человека.

Это положение, в частности, находит у Карсавина применение в развертывании его идеи о закономерностях существования субъекта истории. Всеединое человечество в целом и во всех индивидуализирующих его личностях в ходе исторического развития конкретизирует заложенную в нем закономерность. Эта закономерность предполагает прохождение четырех этапов: «от потенциального всеединства индивидуальность развивается в первично-дифференцированное или надорганическое единство, из него – в органическое единство, завершающееся распадом и смертью» [1, с. 206].

Подводя итоги рассмотрения особенностей понимания Л.П. Карсавиным субъекта истории, надо сделать следующие выводы.

Признание Карсавиным метафизической, а, конкретно, религиозной основы существования мира, предопределило понимание им субъекта истории, как

носителя этого высшего плана реальности. Благодаря такому представлению, все частные моменты эмпирической истории в концепции Карсавина нашли свое объяснение исключительно через их связь с Богом. Они представляют собой элементы единого развивающегося целого, смыслом существования которого является достижение совершенства христианской церкви, актуализация той полноты действительности, которая в метафизическом плане уже существует.

В своем учении о субъекте истории Карсавин не просто отразил основные черты, свойственные для понимания такого субъекта в философии всеединства. Философ конкретизировал ряд характеристик субъекта истории, подробно рассмотрев его структуру, взаимосвязь составляющих его элементов, закономерности его существования и перспективы развития. Кроме того, Карсавиным была углублена метафизическая составляющая в понимании субъекта истории. В целом его учение, без преувеличения, может быть охарактеризовано как *метафизика всеединого субъекта истории*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Карсавин Л.П. Философия истории – СПб.: АО Комплект, 1993.
2. Карсавин Л.П. О началах. – СПб., 1994.
3. Карсавин Л.П. О личности // Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1. – С. 3-232.
4. Карсавин Л.П. Евразийская идея в материалистической оболочке // Философские науки, 2004, № 10. – С. 93-106.

A. Vinogradov

L. KARSAVIN'S VIEWS ON THE SUBJECT OF HISTORY

Abstract. The views on the subject of history proposed by a famous Russian religious philosophes L. Karsavin are studied in the article. The author shows that the idea of the subject of history formed in the philosophy of All-Unity was developed in Karsavin's works. Concluding the analisis of the material the author states that Karsavin's views on the subject of history became the logical continuation of those tendencies which had been proposed by V. Solovjov.

Key words: subject of history, philosophy of All-Unity, Russian religious philosophy, metaphysics, personality, collective historical individuality.

РАЗДЕЛ IV.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 323 (479.24)

Гаджиева Х.И.

ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ В МНОГОПАРТИЙНУЮ СИСТЕМУ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА*

Аннотация. Формирование на постсоветском пространстве демократических традиций имело различия по некоторым обуславливающим критериям. В бывших союзных республиках переход к демократии прошел на основе последней - смешанной модели. В конце 80-ых годов создававшаяся в СССР общественно-политическая ситуация заставила властные структуры пойти на некоторые уступки.

Произошедшие на пространстве СССР важные политические изменения естественным образом создали предпосылки для формирования в Азербайджане новой системы политических отношений. Общественно-политическая ситуация в республике, создававшаяся в период до обретения независимости и в первые годы независимости, создала основу для формирования многопартийной системы.

Анализ исторических процессов показывает, что процесс формирования в Азербайджане многопартийной системы начался в ускоренном темпе. Естественно, это было одной из очевидных предпосылок того, что в первые годы независимости в обществе существовали различные мнения по поводу будущего страны. На фоне утверждения политического плюрализма появления многочисленных политических партий «как грибов после дождя» было результатом выплескивания наружу энергии политической свободы, накопившейся за долгие годы внутри общества.

Ключевые слова: особенности трансформации тоталитарной системы, многопартийная система, постсоветские страны, Народный Фронт Азербайджана, партия «Ени Азербайджан».

После развала СССР восстановившие свою независимость республики взяли курс на воплощение западных ценностей. Так, в большинстве постсоветских стран идеи демократии и либерализма завоевали большую популярность. В связи с этим первая инициатива поступила из России. Президент Б. Ельцин в своих выступлениях заявлял о том, что Россия избрала путь демократического развития и отдала предпочтение западной модели развития (2, с. 111).

Экспорт западных ценностей на пространство СНГ помог укреплению здесь тяготения к независимости и принятию этим процессом необратимого характера. Такие привлекательные понятия как демократия, рыночная экономика и права человека не могли не вызывать интереса у обществ, которые недавно сбросили с себя иго тоталитаризма и в конечном счете они имели большое желание впитать в себя эти ценности. На самом деле процессы, протекавшие на последующем этапе и в основном отвечавшие интересам Запада, были результатом того, что новые

* © Гаджиева Х.И.

идеи в постсоветских странах смогли получить очень серьезные возможности для распространения. Правда, многими из них не получилось воспользоваться для укоренения этих ценностей, но это никак не отразилось на их привлекательности. Потому что, народы, живущие на пространстве СНГ, не имели обширного понятия о реальной сущности ценностей, навязываемых Западом. Они всего лишь могли себе это представлять (6, с. 83).

В СССР в формировании многопартийной политической системы одним из важных шагов стало принятие в 1990 году изменений в Конституцию, которые и положили конец единовластию Коммунистической партии. Принятое на III Съезде Народных депутатов решение фактически сыграло фундаментальную роль в формировании политического плюрализма. На основании этого изменения 9 октября 1990 года был принят закон СССР «Об общественных объединениях». Этот закон создал правовую основу для создания и деятельности политических партий. 6 ноября 1991 года на основании указа президента Российской Федерации были запрещены КПСС и КПРФ. Создание Партии «Демократическая Россия» фактически положило конец 70-летнему единовластию Компартии (7, с. 28).

Формирование на постсоветском пространстве демократических традиций имело различия по некоторым обуславливающим критериям. В бывших союзных республиках переход к демократии прошел на основе последней - смешанной модели. В конце 80-ых годов создававшаяся в СССР общественно-политическая ситуация заставила властные структуры пойти на некоторые уступки. После изменения шестой статьи Конституции СССР и вступления в силу в 1991 году закона «Об общественных объединениях» создалась благоприятная ситуация для деятельности политических партий. Правда, еще до принятия этого закона на выборах начались соблюдаться определенные демократические традиции и были проведены некоторые выборы на альтернативной основе. Но принятие нового закона создало правовую базу для развития политического плюрализма. С этим законом партии фактически получили официальное право на существование и деятельность. Центральная власть старалась путем некоторых уступок и реформ снизить напряженность во власти. Как отмечает доктор политических наук Р. Мустафаев, с одной стороны, власть вынуждена была проводить эти реформы, а с другой стороны, влияние реформ на развитие направлений процессов не было таким уж сильным. Основа для демократизации, однако, уже формировалась и даже, если власть не хотела этих изменений, они были неизбежны (15, с. 191).

Анализируя процесс формирования демократических ценностей на постсоветском пространстве можно совершенно точно заметить, что большинство из этих республик пытались просто повторять успехи западных стран в этом вопросе, перенять эти традиции в такой форме какой их использует Запад. В этом смысле можно согласиться с мыслями С.Хантингтона. «В то время как Запад старается укрепить свои ценности и защитить свои интересы, не западные общества находятся перед выбором. Некоторые из них пытаются копировать Запад, усилиться путем присоединения к нему» (16, с. 136).

На основе проведенных анализов мы можем показать обуславливающие критерии формирования демократических традиций в постсоветских странах:

1. В постсоветских государствах процесс демократизации проходил на основе смешанной модели.

2. Из-за того, что переход к демократии бывших союзных республик по времени совпал с другим процессом, т.е. с этапом перехода в новую общественно-политическую формацию, он прошел несколько хаотично.

3. Ввиду того, что в большинстве этих стран демократия не существовала в качестве идеологии, имеющей традицию и исторические корни, неожиданный

приход ее в общества, долгое время живших под влиянием единой идеологии, создал серьезные политические, идеологические и психологические трудности.

4. Население некоторых постсоветских государств с политической точки зрения не было полностью готовым к демократии. Поэтому демократия показала себя не как нечто, исходившее из духовных потребностей общества, а как результат создавшейся исторической ситуации, влияния мира, охватывающего эти общества.

5. Попытки создать в постсоветских республиках некую особую модель демократии привели к появлению и ошибочных представлений о самой сущности данного общественного устройства.

6. Ввиду того, что в большинстве этих стран прошло очень мало времени с момента обретения ими независимости, попытки формирования демократии сопровождались частыми столкновениями и политическими противостояниями. Ведь:

7. Для установления демократии не было одного из важных условий – экономического фундамента.

Произошедшие на пространстве бывшего СССР важные политические изменения естественным образом создали предпосылки для формирования в Азербайджане новой системы политических отношений. События 1988 года в Нагорном Карабахе, уничтожение леса Топхана, проведение армянами акций протеста с требованиями независимости объединили азербайджанский народ перед лицом всеобщей опасности: это была попытка покушения на территориальную целостность республики, ее природных богатств и самое главное на предмет национальной гордости азербайджанцев. Прошло немного времени и эти акции превратились во всенародное движение с требованиями независимости (11, с. 182). В конце 1988 года сотни тысяч азербайджанцев собравшись на площади Свободы и стали выступать с требованиями независимости и свободы. Вошедший в историю как уличное движение данный этап характеризуется как этап формирования различных политических течений и общественных движений. Ослабление центральной власти, не пресечение «захватнических» попыток армянских сепаратистов, углубление социально-экономического кризиса, значительное падение международного авторитета Советского Союза и другие факторы стимулировали расширение национально-освободительных движений в субъектах СССР и необратимость их характера.

В начале 1988-года под руководством Абульфазы Эльчибея для направления в нужное русло народного движения была создана ячейка из шести человек. Затем были основаны Совет Молодых Ученых, «Независимые», «Ченлибель», «Тярягги», «Гала», «Юрд», «Озан», «Ашыг Алескер» и другие организации. Создание этих организаций сыграло роль политической предпосылки для формирования политических партий в Азербайджане.

16 мая того же года на площади Ленина (впоследствии Азадлыг) «Юрд» стал организатором многочисленного митинга. В митинге приняли участие известные и влиятельные представители азербайджанской интеллигенции, а также общественные деятели. Этим митингом азербайджанский народ высказал свое отношение к процессам, происходящим вокруг Нагорного Карабаха (8, с. 79). В 1989-ом году некоторые организации объединившись создали инициативную группу для организации Народного Фронта Азербайджана. В октябре того же года НФА прошел государственную регистрацию (1, с. 59).

В программе НФА нашли отражение такие вопросы как обеспечение государственной независимости Азербайджана, защита прав и свобод человека. В статье 6.3 данного документа было сказано следующее: «Народ пользуясь своими суверенными правами создает свое государство и ставит перед государством задачу о защите прав и свободы народа». В программе отмечалось, что НФА считает свобо-

ду человека наивысшим достоянием цивилизации (4, с. 375).

Созданное в 1989-м году группой интеллигентов общество «Бирлик» выступило с инициативой по воссозданию Партии Мусават. В декабре того же года проведя учредительную конференцию они объявили о создании Азербайджанской Национально-Демократической Партии Новый Мусават. На этом собрании с некоторыми изменениями был принят документ Партии Мусават 1936 года под названием «Основы новой программы» (14, с. 102).

Создание Азербайджанской Национально-Демократической Партии Новый Мусават указывало на начало процесса формирования многопартийной политической системы. В декабре 1989 года группа, состоящая из людей, входивших в руководство НФА, объявила о создании Азербайджанской Социал-Демократической Партии. Одна из основных целей учреждения этой партии была рассчитана на потребность выхода на политическую сцену политической силы, представляющую левые идеи. Но данная партия не смогла заполнить эту брешь. В Уставе партии указывалось, что АСДП является объединением социал-демократов, по собственному желанию борющихся за справедливость и демократию (3, с. 21). Партия также объявила о том, что приняла декларацию «О принципах Социал Интернационализма».

В 1990-ом году на политической сцене Азербайджана появилась еще одна партия – Ана Вэтэн. Своими основными принципами она объявила идеи Азербайджанства, государственности и Родины. «Азербайджанство означает принятие принципа, служащего во имя Азербайджана, а также защиты и развития духовно-политического единства. Основой государственности объявлялось то, что государственные интересы превыше всего остального. Сущностью политической борьбы объявлялась борьба за власть демократическим путем. Социальная база любви к Родине основывается на гражданской инициативности, а политическая составляющая на крепкой государственности», - отмечалось в Программе партии (3, с. 23).

После «ГКЧП» 1991 года вопрос распада СССР перешел в разряд технических. Все идеологические, политические, экономические и военные устои Союза окончательно были расшатаны. Эта ситуация стала причиной усиления призывов к независимости в Азербайджане. В августе 1991 года Верховный Совет Азербайджанской Республики принял Декларацию о восстановлении Государственной независимости. На сессии Верховного Совета 18 октября единогласно был принят Акт Конституции «О Государственной Независимости Азербайджанской Республики». В этом документе отмечалось, что Азербайджанская Республика является наследницей существовавшей в начале века Азербайджанской Народной Республики (1, с. 66).

В 1991 году в Нахичевань было послано обращение к Гейдару Алиеву, которое подписал 91 представитель интеллигенции. Вошедший в новую историю Азербайджана как обращение «91-х» этот документ на самом деле был выражением мечты и желаний всего народа. В этом обращении, которое подписали видные представители азербайджанской интеллигенции, известные люди и влиятельные личности, выражалась просьба к Гейдару Алиеву возглавить новую создаваемую политическую партию (5, с. 34).

На основании данного обращения в 1992 году в Азербайджане появилась Партия «Ени Азербайджан», которая впоследствии сыграет очень важную роль в жизни страны. Идея создания партии существовала еще задолго до этого. Большинство граждан Азербайджана видели приход Гейдара Алиева к власти как единственный путь для выхода из создавшегося кризиса (5, с. 31).

Основные задачи, выдвинутые в программе Партии «Ени Азербайджан»,

были связаны с укреплением государственной независимости, строительством демократического, правового и светского государства, обеспечением спокойной и благополучной жизни граждан.

Развал СССР и выход Азербайджана в качестве независимого демократического государства на мировую политическую арену создали еще более благоприятные условия для формирования многопартийной системы. В 1992 году в Азербайджане был принят закон «О политических партиях». Принятие этого закона сыграло важную роль в определении правовых принципов для деятельности всех политических партий (10, с. 62).

Принятие закона открыло новые возможности для создания и деятельности в Азербайджане политических партий. Но этих возможностей не было достаточно для формирования в Азербайджане совершенной многопартийной системы. С другой стороны одним из важных моментов, требующих внимания, было то, что данный закон не был застрахован от недоработок. Но несмотря на это, общественно-политическая ситуация в Азербайджане, создававшаяся в период до обретения независимости и в первые годы независимости, создала основу для формирования многопартийной системы. Это было также началом нового этапа в политической истории Азербайджана (13, с. 95).

Анализ исторических процессов показывает, что процесс формирования в Азербайджане многопартийной системы проходил в ускоренном темпе. Естественно, это было одной из очевидных предпосылок того, что в первые годы независимости в обществе существовали различные мнения по поводу будущего страны. М.Дюверже считает, что различия политических взглядов внутри общества и вытекающие отсюда противоречия играют особую роль в создании многопартийности: «Многопартийность рождается именно в результате взаимозависимости этих независимых противоречий. Многопартийность доказывает, что различные секторы политической деятельности раздельно друг от друга и независимы» (9, с. 161).

Другим важным фактором, обуславливающим данный процесс в Азербайджане, является то, что только что обретшая свою независимость страна освободилась от советского тоталитарного общества, запрещавшего инакомыслие. Доктор философских наук, профессор Р.Мехтиева об этом пишет следующее: «Произошла общественная трансформация, подразумевавшая под собой замену форм массового мышления тоталитарного периода на открытую, прозрачную и обогащенную элементами демократического общества форму мышления. Это оказывает значимое влияние на формирование новых ориентиров в обществе в целом, а также приводит к созданию новых политических организаций в функциональном плане» (12, с. 183).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. «Азербайджанская Республика 1991-2001». Под редакцией академика Р.Мехтиева. Баку: изд. «Шарг-Гарб», 2001. – 360 с. (на азерб. яз.)
2. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. Перевод О.Ю.Уралской. М: Международные отношения, 2005. – 256 с.
3. Валиев И., Гусейнов Дж. Политические партии и общественные организации Азербайджана. Баку: изд. «Азербайджанская энциклопедия», 1995. – 96 с. (на азерб. яз.)
4. Гаджизаде Х. Демократия. Движение по долгому пути. Антология. Баку, FAR CENTRE, 2001, 445 с. (на азерб. яз.)
5. Гейдар Алиев – общенациональный лидер. Баку: изд. «Азербайджан», 2004. – 774 с. (на азерб. яз.)
6. Гаджиев К.С. Политическая наука. М.: Сорос, 1994. – 400 с.
7. Гаджиев К.С. Политическая культура: теория и национальные модели. М.: изд. «Интерпракс», 1994. – 352 с.

8. Дадашов Т. Проблемы многопартийной системы переходного периода Азербайджана. «Дирчалиш-XXI век». 2007, №110-111, с. 190-197. (на азерб. яз.)
9. Дюверже М. Политические партии. М., 2005. – 501 с.
10. История Азербайджана по документам и публикациям. Под редакцией академика З. Бунятова. Баку: Элм, 1990. – 384 с.
11. Исмаилов М.А. События вокруг НКАО в кривом зеркале фальсификаторов. Баку: Элм, 1989. – 92 с.
12. Мехтиев Р. Азербайджан: вызовы глобализации. Баку: изд. «Шарг-Гарб», 2005. – 464 с. (на азерб. яз.)
13. Мехтиев Р. На пути к демократии: размышляя о наследии. Баку: Шарг-Гарб, 2007. 752 с.
14. Особенности формирования многопартийной системы в Азербайджанской Республике. Баку: Азернешр, 2001. 268 с. (на азерб. яз.).
15. Мустафаев Ровшан. «Государственность Азербайджана: на пути познания себя и мира», Баку: Азернешр, 1995. – 223 с. (на азерб. яз.)
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. пер с. англ. Т. Велимеева, Ю.Новикова. М.: Издательство АСТ, 2005. – 663 с.

H. Gadjeva

CAUSING FEATURES OF TRANSFORMATION OF TOTALITARIAN SYSTEM IN THE MULTI-PARTY SYSTEM IN THE POST-SOVIET COUNTRIES ON THE EXAMPLE OF AZERBAIJAN

Abstract. Formation of democratic traditions in the Post- Soviet area differed for a number of specific aspects. Transition to democracy in the former union republics took place on the ground of the last- mixed model. In the late 80s the socio-political condition created in the USSR forced the governing structures to make some concessions.

The important political changes taking place in the USSR area naturally served as a background for the formation of new system of political relations in Azerbaijan, as well. Prior to the achievement of independence and during the first years of independence the socio-political condition created in Azerbaijan founded the formation process of multi-party system.

The analysis of historical processes shows that the formation process of multi-party system began in Azerbaijan very fast. This, naturally, was one of the obvious appearances of the existence of various ideas concerning the future of the country in the society during the first years of independence.

After the monotony of long years appearance of a number of political parties as “the mushrooms after rain” in the background of political pluralism formation was the consequence of the appearance of political freedom energy stored within the society since long years.

Key words: Features of transformation totalitarian system to multi-party system in the Post-Soviet countries, Popular front of Azerbaijan, The New Azerbaijan Party.

РАЗДЕЛ V. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

(кафедра философии МГОУ и докторский диссертационный совет по философским наукам Д. 212.155.08 при МГОУ)

1. Докторский диссертационный совет Д-212.155.08 по философским наукам (специальности 09.00.11 и 09.00.03) утвержден и с февраля 2008 года приступил к работе по аттестации научно-педагогических кадров (Приказ ВАК России № 1-130 от 25.01.2008 г.).

Приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) № 1925-281 от 08.09.2009 г. срок полномочий совета Д 212.155.08 при МГОУ продлен на период действия Номенклатуры специальностей научных работников, утвержденной приказом Минобрнауки России от 25.02.2009 г., № 59.

2. 5 и 19 июня 2008 г. проведены защиты трех кандидатских диссертаций:

Абросимовой Людмилой Викторовной «Историко-философский анализ концепции диалогизма XX века (М. Бубер, О. Розеншток-Хюсси, М.М. Бахтин) по специальности 09.00.03 - история философии. Диссертация была выполнена на кафедре истории и философии науки и образования Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования РФ (АПКППРО, г. Москва). Научный руководитель - доктор философских наук, профессор Семаева И.И. Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор Губман Б.Л. и кандидат философских наук, доцент Бондарева Я.В. Ведущая организация - Московский государственный гуманитарный университет (МГГУ) им. М.А. Шолохова.

Архангельской Натальей Олеговной «Проблема определения типа социальных отношений советского общества 1960-1980-х годов» по специальности 09.00.11 - социальная философия. Диссертация была выполнена на кафедре философии Московского государственного областного университета (МГОУ). Научный руководитель - доктор философских наук, доцент Демина Л.А. Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор Беркут В.П. и кандидат философских наук, доцент Озеров А.А. Ведущая организация - АПКППРО РФ.

Черницкой Анной Леонидовной «Гуманизация высшего образования: сущность и перспективы развития» по специальности

09.00.11 - социальная философия. Диссертация была выполнена на кафедре философии Современной гуманитарной академии (СГА). Научный руководитель - кандидат философских наук, доцент Озеров А.А. Официальные оппоненты - доктор философских наук, профессор Огородников Ю.А. и кандидат педагогических наук, доцент Ярославцева Г.В. Ведущая организация - Красноярский государственный педагогический университет (КГПУ) им. А.П. Астафьева.

2 октября 2008 г. проведены защиты еще двух кандидатских диссертаций: Морозовой Ольгой Евгеньевной «Толерантность как принцип регуляции гендерных отношений» и Огородниковым Александром Юрьевичем «Интерииоризация ценностей в условиях трансформации современного российского общества (социально-философский анализ)».

Обе диссертации подготовлены по специальности 09.00.11 - социальная философия. Первая - выполнена под научным руководством доктора философских наук, профессора Дырина А.И. на кафедре философии МГОУ. Вторая - под научным руководством доктора философских наук, профессора Климова С.Н. на кафедре философии, социологии и истории Российского государственного открытого технического университета путей сообщения (РГОТУПС). Официальные оппоненты (соответственно): доктор философских наук, профессор Горбунов В.С. и кандидат философских наук Петросян Д.И.; доктор философских наук, профессор Михалкин Н.В. и кандидат педагогических наук, доцент Ярославцева Г.В. Ведущими организациями были утверждены (соответственно): АПКППРО РФ и Военный университет МО РФ (г. Москва).

Результаты всех этих защит утверждены Президиумом ВАК России и новым кандидатам философских наук вручены дипломы.

3. 23 октября состоялась защита диссертации Макеевым Сергеем Викторовичем «Концепции технократизма: историко-философский анализ» по специальности 09.00.03 - история философии на соискание ученой степени доктора философских наук. Диссертация выполнена на кафедре философии МГОУ. Научный консультант: доктор философских

наук, профессор Бузук Г.Л. Официальными оппонентами выступили доктора философских наук, профессора Делокаров К.Х., Деникин А.В. и Климов С.Н. Ведущая организация - Российский университет дружбы народов (РУДН). По материалам и документам этой защиты состоялось положительное заключение Экспертного совета ВАК по философским наукам. В связи с этим решение Президиума ВАК России о присуждении Макееву С.В. ученой степени доктора философских наук было принято 20 февраля 2009 г. В этот день мы все рады были поздравить нашего коллегу. Докторский диплом выписан и получен (вручен) в марте 2009 г.

4 декабря 2008 г. в совете состоялась защита кандидатской диссертации Петраковой Ириной Николаевной «Проблема пола в философии В.В. Розанова» по специальности 09.00.03 – история философии. Диссертация была выполнена в Тульском государственном университете (кафедра философии) под научным руководством кандидата философских наук, доцента Троегубова А.Г. Ведущей организацией по этой защите выступил Тульский артиллерийский инженерный институт. Официальными оппонентами были доктор философских наук, профессор Семаева И.И. и кандидат философских наук Джагарова Г.М. Диплом выписан и получен.

Состоялось у нас одно заседание диссертационного совета и в январе 2009 г. На этом заседании (22.01.09 г.) свою кандидатскую диссертацию по специальности 09.00.11 – социальная философия по теме «Проблема духовного в профессиональной деятельности современного российского журналиста» защитила Флорова Елена Вячеславовна. Диссертация была выполнена на кафедре философии МГОУ под научным руководством доктора философских наук, доцента Деминой Л.А. Официальными оппонентами по этой работе выступили доктора философских наук, профессора Огородников Ю.А. и Петрий П.В. Ведущей организацией была Академия ПКП-ПРО РФ (г.Москва). Диплом также выписан и получен.

4. На двух заседаниях диссертационного совета (декабрь 2008 г. и январь 2009 г.) члены совета обменялись своими мыслями относительно повышения требовательности к аспирантам и соискателям, их научным руководителям, докторантам и их научным консультантам, экспертам совета и официальным оппонентам по качеству и полноте отражения в диссертациях, авторефератах, официальных отзывах и других документах

по защите (стенограмма заседания совета, справка о выдаче диплома) вопросов степени разработанности темы диссертации (аспектов темы) в литературе темы, формулировках задач и указаниях на новизну (конкретность, предметность) результатов исследования, формулировках положений, выносимых на защиту, и их обосновании. Обмен мнениями и выработка согласованных рекомендаций будет продолжена.

5. Во второй половине 2009 г. в совете состоялись заседания с защитами двух докторских и трех кандидатских философских диссертаций.

22 октября состоялись защиты диссертаций Бузук Лилией Геннадиевной «Гиперпозитивизм Е.В. де Роберти: историко-философский анализ» и Микрюковым Владимиром Олеговичем «Религиозный фактор в современном терроре (социально-философский анализ)». Первая диссертация выполнена под научным руководством доктора философских наук, профессора Семаевой И.И. на кафедре истории и философии науки и образования АПК и ППРО РФ. Вторая – под научным руководством кандидата философских наук, доцента Малова А.В. на кафедре гуманитарных наук ФГОУ ВПО «Академии гражданской защиты МЧС России». Официальными оппонентами (соответственно) выступили: доктор философских наук, профессор Деникин А.В. и кандидат философских наук, доцент Тарент И.Г.; доктора философских наук, профессора Беркут В.П. и Носков Ю.Г. Ведущими организациями были утверждены (соответственно) РГОТУПС и ФГОУ ВПО «Военная академия Ракетных войск стратегического назначения им.Петра Великого (г.Москва)». 29 января 2010 г. состоялось решение ВАК от утверждения, о выписке этим соискателям дипломов.

19 ноября у нас в совете состоялась защита диссертации Мироновой Евгенией Николаевной «Духовные императивы профессионализма и особенности их реализации в подготовке педагогических кадров в условиях модернизации современного образования (социально-философский анализ)». Диссертация первоначально выполнялась в Ставропольском техническом университете под научным консультированием доктора философских наук, профессора Грузкова В.Н., а затем - на кафедре философии МГОУ под научным руководством доктора философских наук Каньшина А.Н. Официальными оппонентами на защите выступили доктор философских наук, профессор Ям К.Е. и кандидат философских наук, доцент Шевченко О.В. Ведущей

организацией был утвержден ГОУ ВПО «Армавирский государственный педагогический университет». 19 февраля 2010 г. состоялось решение ВАК об утверждении, о выпуске соискательнице диплома.

15 октября и 17 декабря у нас состоялись защиты докторских диссертаций: заведующим кафедрой философии Рязанского государственного университета им.С.А. Есенина Подолом Рудольфом Яновичем «Теории исторического процесса в русской истории 1920-середины 1930 гг.» по специальности 09.00.03 – история философии и доцентом кафедры философии МГОУ Песоцким Владиславом Анатольевичем «Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа» по специальности 09.00.11 – социальная философия.

По первой из указанных работ официальными оппонентами были утверждены и дали положительные отзывы доктора философских наук, профессора Деникин А.В. и Климов С.Н., а также доктор исторических наук, профессор Семенов Ю.И.; ведущей организацией выступил МГУ им. М.В. Ломоносова (кафедра истории русской философии философского факультета). По второй – доктор филологических наук, профессор Копосов Л.Ф. и доктора философских наук, профессора Петрий П.В. и Чернавин Ю.А., а ведущей организацией выступила АПК и ППРО РФ, кафедра истории и философии науки и образования. Научным консультантом по теме этой диссертации был доктор философских наук, профессор Кокорин А.А. (Академия ФСБ, член докторского диссертационного совета при МГОУ). Документы с ходатайством о присуждении на основе успешно проведенных публичных защит обоим соискателям ученой степени «доктор философских наук» поступили в ВАК России соответственно в начале ноября 2009 г. и в середине января 2010 г. 19 февраля 2010 г. резидиум ВАК присудил Р.Я. Подолу ученую степень доктора наук. Диплом выписан и вручен соискателю. По докторской работе Песоцкого В.А. 14.04.2010 г. состоялось положительное заключение экспертного совета. Решение Президиума ждем в мае.

6. В июне 2008 года вышел из печати первый номер журнала Военно-философского общества Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (МЕГАПИР) «Военно-Философский Вестник» (ВФВ), в котором (на его 144 страницах) представлены: Обращение академика РАН Е.П. Велихова «К читателям» (в связи с выходом первого номера нового журнала (С.3);

Информация от Совета ВФО (с.4-7); Материалы международной научно-практической конференции «Армия как институт войны и мира в эпоху глобализации», состоявшейся в октябре 2007 года в Москве, в Культурном Центре Вооруженных Сил Российской Федерации (С.8-100); 5 статей в разделе «Методологические проблемы военной теории» (С.101-128); 2 статьи в тематике раздела «Армия и культура» (С.129-140) и два материала информационного плана в рубрике «Наши юбиляры» (С.141-144).

Редколлегия сообщает, что с обозначенными материалами «ВФВ» (а в их числе и два материала (с.102- 103 и 143 – 144) профессора МГОУ, доктора философских наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы России Дырина А.И., - утвержденного членом редколлегии нового издания) можно ознакомиться в читальном зале библиотеки МГОУ и на кафедре философии нашего университета (корпус 2, комн. № 122) Журнал будет выходить ежеквартально и регулярно поступать в научную библиотеку МГОУ, ряда других вузов Москвы, России и зарубежных стран (Тираж ВФВ сегодня 3000 экземпляров).

В декабре 2008г. вышел второй номер «ВФВ»(152с., 2000 экз.). Журнал открывается статьей его главного редактора доктора философских наук И.С.Даниленко «Заветы русского гения о благе и безопасности Отечества» (о Д.И.Менделееве) –с.3-10. Далее в разделе «Философия безопасности» представлены статьи докторов философских наук С.А.Тюшкевича, А.И.Позднякова, О.А.Белькова (с.12-37), в разделе «Гражданское общество и безопасность» помещены документы и материалы к теме «Повышение роли общества в решении проблем национальной безопасности страны», обсужденной 26.09.2008г. на пленарном заседании Общественной палаты РФ. В том числе – доклад доктора философских наук, члена Общественной палаты А.Н.Каньшина «О некоторых проблемах безопасности страны», ряд выступлений и отчет о работе четырех секций (с.38-76). Завершают этот раздел еще четыре информативных материала об обсуждении в ряде учреждений Москвы проблематики национальной безопасности современной России.

Впрочем, не обошли эту тему и авторы других материалов, помещенных в журнальном разделе «Армия и общество» (с.98-137)- доктора или кандидаты наук В.В.Серебренников, М.Н.Шахов, Б.И.Каверин, В.В.Паршин, Б.П.Уткин, П.В.Петрий. Первый

заместитель председателя Совета директоров Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (МЕГАПИР) Б.И.Волков рассказывает в этом же номере журнала (с.138-142) о 15-летию МЕГАПИРа. Информация о презентации первого номера «ВФВ» в Культурном Центре ВС РФ, состоявшейся 20.06.2008г. отражена на с.143-144. Завершает номер трехстраничный библиографический список по теме «Безопасность». И это очень важно - тема ведь сквозная для всех статей второго номера журнала «Военно-философский вестник».

7. В сентябре 2008 г. Издательством «Мегапир» была выпущена монография Дырина А.И. и Дырина И.А. «Патриотическая идея и военная доктрина для будущей России в литературе русского зарубежья первой половины XX века». Эта работа (216 с.; 13.5 п.л.; тираж 1000 экз.) получила определенный резонанс уже хотя бы тем, что ее презентация (26.09.2008 г.) Национальной ассоциацией «Мегапир» была проведена в Общественной палате РФ. Впрочем, книгу эту может представить Председатель Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по делам ветеранов, военнослужащих и членов их семей, Председатель Совета директоров Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (МЕГАПИР), доктор философских наук Каньшин Александр Николаевич. Это его «представление» открывает и самую книгу (Предисловие, с.5-6). Воспроизводим его полностью.

«Уважаемый читатель! Исследованием тех или иных аспектов темы, которая рассматривается в настоящей монографии, авторы занимаются исследовательской работой многие годы. Свидетельство тому диссертационный труд одного из них (успешно защищен в 1996 г.) и большая (свыше 50 авт. л.) монография другого (издана в 2004-2005 гг. с участием и Ассоциации «Мегапир»), научные статьи и публикации более объемного плана, выполненные ими как индивидуально, так и совместно, в том числе в 90-е годы XX века и современное десятилетие.

И все же настоящая книга не может и не должна быть представлена лишь как объединенное тематически, т.е. по *смыслу содержания и значению*, переиздание прежних публикаций авторов, хотя и с включением новых, существовавших лишь в рукописи материалов. Ибо, если это - в известной части своего объема - и переиздание, то переиздание с изменениями, с уточнениями и многочисленными дополнениями и того, и другого

материалов, в том числе взятых из рукописи диссертации И.А. Дырина.

Монография, выпущенная Издательским Домом «Мегапир», на две трети своего объема содержит материалы публикуемые впервые. И, следовательно, она, хотя и состоит из двух смысловых блоков (частей), представляется авторами как нечто единое, *единое именно в концептуальном отношении*. Поэтому заинтересованный читатель найдет в этом труде социально-философскую и философско-политологическую характеристику патриотической идеи и положений о военной доктрине, представленных в литературном наследии русской эмиграции «первой волны» XX века, а также – в дискуссиях по этим вопросам, отраженных в печати дореволюционной России и России советской (СССР) того же периода (первая половина XX века).

И в этой *полноте анализа источниковой базы* особая ценность книги как в первую очередь для специалистов в области социально-философской и философско-политологической мысли, слушателей и аспирантов, студентов и преподавателей вузов страны, так и для ветеранов войн и вооруженных сил, воинов современной России, российской молодежи.

И еще несколько слов об авторах публикуемой работы.

Дырин Анатолий Иванович – доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, академик Международных академий наук высшей школы и педагогического образования, академик Академии военных наук России. Полковник в отставке. Подготовил 45 кандидатов и 15 докторов философских наук. Список его публикаций включает сегодня 260 работ (285 п.л.), в том числе 15 монографических. Он член Совета Военно-философского общества Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (Мегапир), руководитель проекта (подготовка и издание) Военно-философской энциклопедии, лауреат Форума «Общественное признание» Ассоциации «Мегапир».

Дырин Игорь Анатольевич – кандидат политических наук, автор 7 научных публикаций (16 п.л.), полковник запаса, член Военно-философского общества Ассоциации «Мегапир».

Поле научных интересов соавторов предлагаемой книги действительно обширно, но в последние 10-15 лет у них на первый план выдвинулись именно вопросы *философии политики и военной политики, патриотической идеи и военной доктрины, национальной бе-*

зопасности России. В том числе – отраженные в литературе русской эмиграции после-революционного периода, то есть на основе введения в научный оборот ранее не использовавшейся исследователями страны исторической базы.

Книга именно такова, и её авторы – уверен – с искренней благодарностью примут слово научной критики заинтересованного читателя».

8. И еще одно сообщение в этой рубрике – сообщение о юбилее докторского диссертационного совета по философским наукам при МГОУ, о его 15-лети.

Кафедра философии МОПИ-МПУ-МГОУ 14 декабря прошлого года отметила свое 75-летие. Но в вузе нашем никогда не было философского факультета или отделения. Никогда раньше не было и диссертационного философского совета при вузе (даже кандидатского), хотя аспирантура по кафедре философии в послевоенные годы советского периода истории страны была. Но в самом конце 80-х - начале 90-х годов вся необходимая подготовительная работа была проведена и Решением ВАК РФ от 22 октября 1993 года докторский диссертационный совет по философским наукам (онтология и теория познания; социальная философия; история философии) при МГОУ (тогда еще – МПУ как бывший МОПИ) был утвержден.

Совет возглавляет с момента его создания по настоящее время заведующий кафедрой философии МГОУ профессор Дырин А.И., заместителем был сначала профессор Самойленко В.Ф., сегодня - профессор Сейранян Ф.Г; ученым секретарем 10 лет была профессор Семаева И.И., теперь - доктор философских наук, профессор Демина Л.А. За 15 лет состав совета лишь частично изменился. Поэтому в дополнение к именам Дырина А.И. и Семаевой И.И. назовем и всех других членов совета «первого призыва», т.е. юбиляров собственно пятнадцатилетия. Это профессор, доктор философских наук Горбунов В.С., Кокорин А.А. и Михалкин Н.В. Это те, кто работает в совете 10 лет и больше, или чей стаж в совете приближается в 10 годам: профессор, доктор наук Беркут В.П., Бузук Г.Л., Деникин А.В., Лоза Г.Г, Копосов Л.Ф., Огородников Ю.А., Пирогов А.И., Сейранян Ф.Г., Смоленский Н.И., Ям К.Е. Отметим также, что пять членов совета и защитили свои докторские работы в нашем совете (Беркут В.П., Бузук Г.Л., Демина Л.А., Огородников Ю.А, Семаева И.И.).

Но нас сегодня 18. Совсем недавно

(январь 2008 г.) в совет были включены профессор, доктор наук Волобуев О.В., Наместникова И.В, Ницевич В.Ф. В 2010 году в диссертационный совет будут введены доктора философских наук, профессора Чугунов В.М. и Макеев С.В., доктор исторических наук профессор Журавлев В.В. (все штатные сотрудники МГОУ). Ученым секретарем совета вместо Деминой Л.А. (она переходит на положение члена совета) представляется к утверждению доцент кафедры философии МГОУ, кандидат философских наук, доцент Бондарева Яна Васильевна. На очереди и ряд других изменений в совете, в том числе в связи с возможностью восстановления за философским советом при МГОУ права принимать к защите работы по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания. Как это было с октября 1993 г. по июль 2007 г. Документы отправлены в ВАК России в конце марта 2010 г.

9. И еще: очень кратко о двух юбилеях – 75-летию и 60-летию!

«23 ноября 2009 года Анатолию Ивановичу Дырину исполнилось 75 лет!

Уважаемый Анатолий Иванович!

Сердечно и от всей души поздравляем Вас с юбилеем!

Отрадно осознавать, что свой юбилей

Вы встречаете в добром здравии, в окружении друзей и коллег, благодарных учеников, в состоянии востребованности Ваших научных идей и мыслей!

Двадцать лет назад Вы связали свою жизнь с Московским государственным областным педагогическим институтом им. Н.К. Крупской и до сих пор плодотворно трудитесь здесь. Вас знают и уважают студенты как требовательного преподавателя, на Вас ориентируются коллеги, зная присущий Вам в университете подход к решению вопросов. Благодаря Вам в университете работает диссертационный философский совет по защите докторских и кандидатских диссертаций.

Ваше умение мудро управлять и администрировать позволяет Вам в течение двадцати лет руководить кафедрой философии МОПИ-МПУ-МГОУ. Немаловажен тот факт, что этот период составляет почти четвертую часть жизни самого университета и кафедры.

Вы являетесь одним из лидеров научно-педагогической деятельности, что подтверждено дипломами действительного члена Академии военных наук, Международной академии наук педагогического образования, Международной академии наук высшей школы.

Ваша активная общественная рабо-

та позволяет быть в курсе событий, получать признание от ветеранов войны, ветеранов труда и воинской службы, заслуженных людей в научном и педагогическом мире. Вы с гордостью носите знак и звание лауреата фонда «Общественное признание», а также почетное звание «Заслуженный работник высшей школы России», которое еще в 2005 году Вам присвоил Президент страны!

Уважаемый Анатолий Иванович!

Желаем Вам новых свершений и ярких побед, талантливых учеников. Пусть никогда не иссякает доброта и мудрость в Вашем сердце, не гаснет огонь искренней преданности своему делу!

Ректорат Московского государственного областного университета.»

(Перепечатано с газеты МГОУ «Народный учитель» № 10 от 21.12.09 г., с.2).

P.S. Поздравительные послания юбиляр получил также: от Начальника Военного университета, в котором (как в своей первой Alma-mater) профессор Дырин А.И. проработал более 40 лет; от Комиссии Общественной Палаты Российской Федерации; от Совета директоров и Правления Национальной Ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных Сил (МЕГАПИР), в трех структурах которой юбиляр задействован самым активным образом – он член Совета Военно-философского общества, член Редколлегии печатного органа – журнала «Военно-философский вестник» и Руководитель проекта разработки и издания «Военно-философской энциклопедии»; от Ректора Нижегородского госпедуниверситета и кафедры философии этого вуза; от кафедр философии: Военного университета, Рязанского госпедуниверситета им С.А. Есенина, АППКРО РФ, Марийского госуниверситета им Н.П. Огарева, МГТУ им. Н.Э. Баумана; от Президиума Международной академии наук высшей школы и Президиума академии наук педагогического образования, в которых А.И. Дырин избран не только академиком, но и трудится в них академиком-секретарем Отделений философии, а также от руководства Академии военных наук России, ряда других вузов, кафедр, факультетов, от многочисленных коллег и друзей. Всем им юбиляр искренно признателен и благодарен за добрые пожелания.

25 января 2010 года Александр Александровичу Кокорину, доктору философских наук, профессору, члену докторского диссертационного философского совета при МГОУ (с момента создания этого совета в октябре 1993 г.), профессору Академии ФСБ России и

Дипломатической академии МИД РФ исполнилось 60 лет!

Горячо и сердечно поздравляя нашего коллегу и друга, высказывая ему самые добрые и лучшие пожелания на будущее сообщая научно-философской общественности о том важном и своеобразном подарке – это подчеркнуть хочу особо, – который подготовил Александр Алексеевич к своему юбилею для всех нас как читателей философско-педагогической литературы, научно-философских монографий, но и для себя лично.

Дело в том, что в последние несколько лет профессор А.А. Кокорин задумал и создал, разработал и выпустил в 2009 г. своеобразный семитомник. Три монографии впервые опубликованы им в 2009 г., а другие четыре (выходили они одна за другой после 2005 г.) в 2009 г. были переизданы 2-м, дополнительным и доработанным изданием. Вот их перечень со всем необходимым библиографическим описанием:

- Анализ: теория, методология, методика. Изд. 2-е, перераб. и дополн. –М.:Изд-во МГОУ, 2009.-292с.

- Сравнительный анализ: теория, методология, методика. Изд.2-е,перераб. и дополн. –М.:Изд-во МГОУ.-152с.

- Идеология: теория, методология, методика. Изд.2-е, перераб. и дополн. –М.:Изд-во МГОУ, 2009.-304с.

- Политика: теория, методология, методика. Изд.2-е, перераб. и дополн. –М.:Изд-во МГОУ, 2009. -204с.

- Философия и мировоззрение. –М.: Изд-во МГОУ,2009.-224с.

- Философия и наука. –М.: Изд-во МГОУ, 2008.-287 с.

- Экономика: философский анализ. –М.: Изд-во МГОУ,2010 (в печати –примерно 300 с.).

Словом, *семитомник*, хотя последняя из указанных книг «отстала», все еще в печати и выйти она может теперь лишь 2010 годом.

Все книги А.А. Кокорина изданы в *авторской редакции*. Они лишь рецензировались, в том числе все семь и Дыриным А.И.

Считаю теперь просто обязанным, хотя бы для начала, – дать обзорную рецензию на эти работы Александра Алексеевича как одного из действительно эффективно работающего философа, методолога современности.

10. Вниманию будущих наших авторов, их научных руководителей и/или научных консультантов, экспертов и рецензентов!

Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии в качестве официального документа опубликовало «НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТАНДАРТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках: Издательское оформление» (Проект). (М.: Стандартинформ, 2008. -20 с. А -4).

Стандарт разработан Федеральным государственным учреждением «Российская книжная палата» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и вносятся Техническим комитетом по стандартизации ТК 191 «Научно-техническая информация, библиотечное и издательское дело». Он будет утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии.

Содержательно документ включает **характеристику**: областей применения стандарта, нормативных ссылок, терминов и определений, издательского оформления статей в

журналах и в сборниках статей, издательское оформление раздела «Содержание», нумерации страниц издания (с. 1-9), а также в качестве справочного приложения «Образцы издательского оформления статей» (с. 10-16).

В каждом номере Вестника МГОУ (во всех наших сериях) публикуются (с необходимыми изменениями) ПРАВИЛА для авторов статей и других лиц так или причастных к подготовке научных статей, их оформлению и/или изданию. Но ясно, что с момента введения в действие Стандарта редколлегия серии «Философские науки» Вестника МГОУ (как, разумеется, и все другие редакционные коллегии) примут Национальный стандарт к неукоснительному исполнению. Все что необходимо мы опубликуем в журнале. Следите также, заглядывайте на наш сайт в Интернете. Ибо все статьи авторы обязаны будут готовить, а редколлегии публиковать в самом точном соответствии с требованиями этого документа. Спасибо за внимание.

Профессор Дырин А.И. 26.04.2010 г.

НАШИ АВТОРЫ

Бондарева Яна Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: yanakankou@mail.ru

Виноградов Андрей Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Мурманского государственного педагогического университета; e-mail: andvinogradov00@mail.ru

Гаджиева Хатира Ибрагимовна, диссертант Института по правам человека Национальной Академии Наук Азербайджана; тел: 99412 +498-03-18

Горбунов Александр Сергеевич, Московский государственный областной университет, доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент; e-mail: gorbunofff@list.ru

Давыдов Вячеслав Александрович, аспирант кафедры философии, истории, политологии и права Московского государственного областного социально-гуманитарного института; e-mail: v.davidov@bk.ru

Ермолина Лидия Анатольевна, аспирант кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана; e-mail: 7144904@mail.ru

Королёва Юлия Михайловна, сотрудник ЦГУ ПГУ, Центр безопасности и качества зерна и соискатель по кафедре философии Московского государственного областного университета; e-mail: iteko@bk.ru

Курочко Михаил Михайлович, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и религиоведения Военного университета (г. Москва); e-mail: sbor2005@bk.ru

Москалюк Никита Юрьевич, адъюнкт адъюнктуры и докторантуры Пограничной академии ФСБ России, майор; e-mail: nikita83@yandex.ru

Осипова Альбина Магомедовна, преподаватель кафедры философии Московского государственного университета приборостроения и информатики; e-mail: albinosgm@rambler.ru

Погребная Мария Александровна, аспирант кафедры философии Московского городского университета управления Правительства Москвы; e-mail: savenok-ira@yandex.ru

Страданченков Александр Симонович, кандидат социологических наук, доцент кафедры общегуманитарных и естественно-научных дисциплин Национального института им. Екатерины Великой; e-mail: zopas@mail.ru

Титкова Ольга Вячеславовна, преподаватель кафедры философии Московского государственного университета приборостроения и информатики; e-mail: ov.titkova@rambler.ru

Юркин Игорь Николаевич, аспирант кафедры философии Московского городского университета управления Правительства Москвы; e-mail: savenok-ira@yandex.ru

Яровой Андрей Владимирович, соискатель кафедры философии Башкирского государственного университета; e-mail: jarovojj-andrej@rambler.ru

Особенности оформления статей в серии «Философские науки» Вестника МГОУ её редактор

(Правила для авторов серии «Философские науки»: рекомендации и требования редакционной коллегии)

С 1997 года в Московском государственном областном университете (до апреля 2002 г. – Московский педагогический университет, до этого МОПИ им. Н.К. Крупской) было начато издание сборников научных трудов ученых кафедры философии и других структур вуза под единым названием **«Вопросы философии»**, которые вскоре стали продолжающимся изданием. В нем публиковали результаты своего научного поиска также соискатели, аспиранты, докторанты, кандидаты и доктора наук других вузов России и зарубежных стран.

За период 1998-2002 годов в 16ти выпусках сборника было опубликовано около 250 научных статей, в том числе – более 80 научных работ докторантов и докторов наук, профессоров. Разумеется, не все эти публикации были публикациями по вопросам, относящимся строго к философии или даже – к философским наукам. Некоторые статьи охватывали философскую проблематику конкретных наук и прежде всего наук гуманитарного и социальноэкономического циклов. Другими словами, очень многие статьи касались вопросов философии науки и образования или специально им посвящались.

Именно в связи с таким основным содержанием вышедших сборников, а также в связи с тем обстоятельством, что все соискатели и аспиранты с мая 2006 г. сдают кандидатский экзамен по истории и философии науки все номера Сборников за 2003-2005 годы были изданы под новым наименованием – **«Вопросы философии науки и образования»** (Вышли №№ 17-20). Периодически такие сборники будут выходить и дальше. Однако теперь (с 2005 года) это будут и периодические (продолжающиеся) выпуски серии **«Философские науки»** (наряду с рядом других серий) журнала Московского государственного областного университета – **«Вестник МГОУ»**. В 2005г. вышел один, первый № (выпуск) серии «Философские науки», в 2006–2009 годах – 16. И так – по 4 номера выходить будут ежегодно.

Правила подготовки научных статей и условия их опубликования в выпусках серий «Вестника МГОУ» воспроизводятся ниже (с особенностями для серии «Философские науки»). Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук. Объем статьи не ограничен. Однако рекомендуемый объем от 0,5 до 1 п.л. (12-24 листов А4), т.е. 20-40 тыс. знаков с пробелами.

Тексты должны быть представлены в виде файла с использованием редактора Win Word и на бумажном носителе формата А4 (210х297) - обязательно в 2х экземплярах, подписанных авторами и научными руководителями (консультантами). Диск должен быть новым или проверенным на вирусы и раскрываться! Маркировка диска должна содержать Ф.И.О. автора и название статьи. На бумажном носителе (на отдельном листе со сведениями об авторе (в т.ч. телефоны, электронный адрес, научная специализация автора статьи (по диссертации) и др.) необходимо указать количество знаков с пробелами Вашей научной статьи (Word: сервис; статистика): не менее 16 тыс. знаков! Дискеты не использовать, ибо они зачастую даже не раскрываются.

Текст статьи должен быть набран через 1,5 интервала (гарнитура «Times New Roman», кегль 14). Напечатанный текст должен иметь поля: верхнее и левое – 2,5 см, правое и нижнее – 2 см. Отступы в начале абзаца – 5 символов. Литература размещается в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте. Краткая аннотация - 1-2 абзаца (но не более половины листа А4) на русском языке помещается в начале статьи, после наименования ее темы. Затем следует абзац Ключевые слова: (5-7 терминов). Фамилия и инициалы автора (п/ж, кегль 14) размещаются в правом верхнем углу, выше названия статьи. Название статьи (п/ж, кегль 14). Текст статьи содержит абзацы, но в диске подается без разбивки на страницы. Страницы бумажного носителя нумеруются от руки простым карандашом. Диски не возвращаются (почтовой пересылкой).

Сведения об авторе (на отдельном листе А-4, кегль 14) должны содержать обязательно: фамилию, имя, отчество автора (авторов) и полное наименование статьи (п/ж!, на русском языке и одном из иностранных, чаще всего - на английском). Далее - название учреждения, где работает (учится) автор, должность, ученая степень, ученое звание, электронный адрес и/или телефон для связи - все это необходимо для журнальной страницы "Наши авторы". Оглавление (содержание) - с.3 в журнале подается на русском языке, с.4 - на иностранном.

И еще. Не забывайте проставить УДК Вашей статьи (на первой странице, слева и не-множко выше от названия темы).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* произведений печати в «Примечаниях» (литература в конце текста) - кегль 14, междустрочный интервал 1,5; на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на диске и бумажного варианта! Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя *с точки зрения научного содержания авторский вариант сохраняется*.

Статьи, не соответствующие указанным Правилам, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой). Обращаем поэтому внимание авторов статей на полное и точное следование этим Правилам. В том числе, следуя образцу оформления первой страницы статьи. Он представлен ниже.

УДК...

Иванов И.И.

Ноосферный анализ общества

Аннотация.....

Ключевые слова (понятия, категории).....

Текст статьи.....

Список литературы (примечания).....

Аннотация (на иностр. яз.).....

Ключевые слова (на иностр. яз.).....

Стоимость публикации зависит не только от количества страниц в статье. По существу статьи публикуются бесплатно. В стоимость входит работа редколлегии над публикацией статей в Вестнике, а также оплата авторами (расчетная позиция: за текст объемом до 0,5 п.л. - одна тысяча рублей, выше расчетного - 1,5-2 тыс. руб.), организуемого редколлегией серии, *независимого рецензирования* (экспертизы) статей. Со стороны авторов (как диссертантов) к статьям *могут быть приложены* лишь рецензии (заключения, рекомендации) научных консультантов и/или научных руководителей (не более одной страницы текста). Условием опубликования принимаемых статей является также подписка на соответствующую серию Вестника МГОУ через Агентство «Роспечать». За дополнительную плату можно заказать (до печатания тиража) необходимое число экземпляров журнала (или – при их наличии - приобрести в Издательстве МГОУ). Статьи аспирантов МГОУ публикуются за счет университета. Но рецензирование статей и подписка на журнал – на общих основаниях.

Таким образом, оплата подписки и независимой рецензии осуществляется всеми авторами статей (в том числе и аспирантами МГОУ), но оплата для них «бесплатная»: она проводится за счет университета. Все остальные авторы установленную издательством и оговоренную с отделом Издательско-информационного центра МГОУ по изданию серий Вестника МГОУ и/или с ответственными редакторами серий оплату осуществляют в обязательном порядке. До поступления оплаты никакая работа по подготовке статей к опубликованию проводится не может.

Ответственный редактор серии «Философские науки» – заведующий кафедрой философии МГОУ, доктор философских наук, профессор Дырин Анатолий Иванович, Заслуженный работник высшей школы России.

Адрес редколлегии серии «ФН» Вестника МГОУ: 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, МГОУ, комн. 122 (кафедра философии). Телефон 8(495) 780-09-43, доб. 1482. Электронный адрес: Dyrin@mail.ru. Этот же адрес и телефон следует использовать и при направлении статей в выпуски Сборников «Вопросы философии науки и образования».

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году. После 2005 года многосерийное издание университета «Вестник МГОУ» включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением Президиума ВАК России. В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», все – в рекомендательном списке ВАК.

Для публикации статей в сериях «Вестник МГОУ» необходимо по электронному адресу **vest_mgou@mail.ru** прислать текст статьи (в формате Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, поля 2,5 см со всех сторон, интервал полуторный) вместе со следующей информацией:

а) авторская анкета (отдельный файл):

- ❖ фамилия, имя, отчество (полностью);
- ❖ ученые степень и звание, должность и место работы/учебы и/или соискательства (полное название в именительном падеже, а не аббревиатура); – на русском и английском языках;
- ❖ адрес (с указанием почтового индекса);
- ❖ номера контактных телефонов;
- ❖ адрес электронной почты, личный или служебный (обязателен с 25.06.09);
- ❖ желаемый месяц публикации.

б) фамилия, имя на английском языке;

в) название статьи на русском и английском языках;

б) аннотация на русском и английском языках (примерно по 500 знаков с пробелами). На английском под заголовком **Abstract**; с указанием места работы на английском языке.

в) ключевые слова на русском и английском языках (примерно 5-7слов) под заголовком **Key words**;

г) список использованной литературы под заголовком **Список литературы**, оформленный по ГОСТу с указанием авторов всех использованных работ, в т.ч. художественных произведений; при ссылке на их работы и цитировании указываются фамилия авторов (или составителей), год издания, страницы.

д) ксерокопию квитанции о подписке на журнал (не менее, чем на полгода).

Образец оформления статьи

УДК 361.1:8

Иванов И.И.

ВОСТОК И ВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ С. МОЭМА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Аннотация.....

Ключевые слова:.....

Текст статьи

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

.....

I. Ivanov

THE EAST AND EASTERN REALITIES IN W.S.MAUGHAM'S WORKS AND THEIR REFLECTION IN
RUSSIAN TRANSLATIONS

Abstract.....

Key words:.....

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в приставленном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затем текстовые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещаются после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла в электронном и бумажном вариантах!

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, в которой работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов; отмечается научная и практическая значимость статьи. Замечания и предложения рецензента при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются. Авторы получают мотивированный отказ в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат». Статьи (оба экземпляра бумажного варианта подписываются автором (авторами) и научным руководителем (консультантом).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонними авторами в процессе принятия ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на их публикацию.

Все авторы оформляют подписку на журнал в любом почтовом отделении через каталог Агентства «Роспечать» по месту жительства.

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ»
в каталоге «Газеты и журналы», 2010, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов!!!**

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Единенную редакцию “Вестника МГОУ”: vest_mgou@mail.ru, тел. (499) 261-43-41, (495) 723-56-31 (Ефремова Елена Сергеевна, Потапова Ирина Александровна)

Наш адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10 а, комн.98

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов.

Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович.

Более подробную информацию можно получить на сайте **www.mgou.ru**

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
“Философские науки”

№ 2

Выпуск в серии девятнадцатый

Подписано в печать: 05.05.10.

Формат бумаги 60х86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура “School Book C”.
Уч.-изд. л. 8,25. Усл.п.л. 7,5. Тираж 257 экз. Заказ № 269.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а,
т. (495) 723-56-31